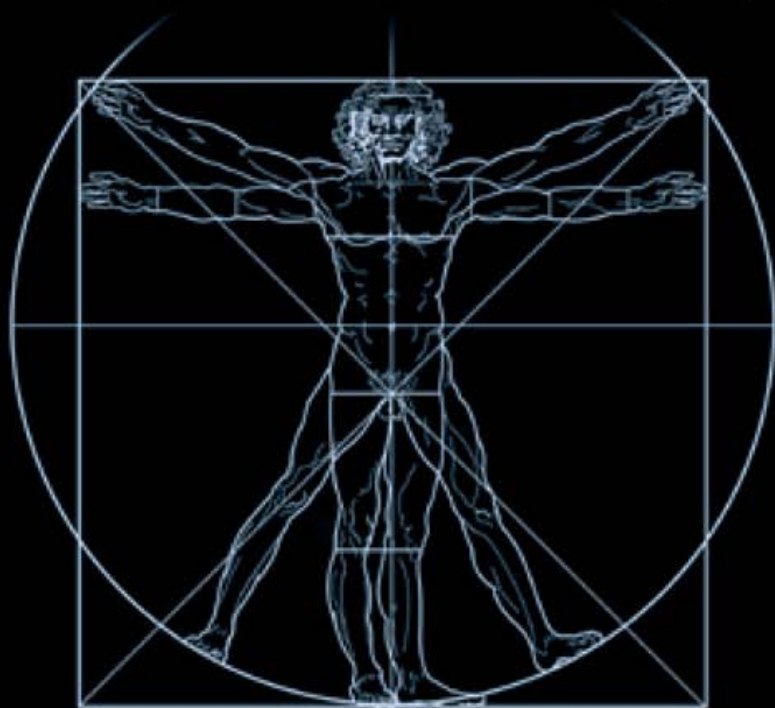

50 ИДЕЙ,
о которых нужно знать

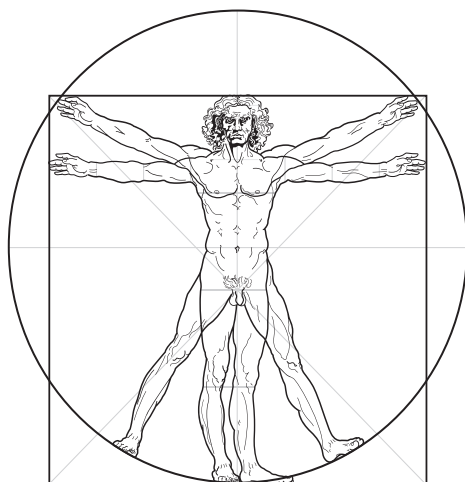
БОЛЬШИЕ ИДЕИ

БЕН ДЮПРЕ

Бен Дюпре

БОЛЬШИЕ ИДЕИ

50 ИДЕЙ,
о которых нужно знать

 phantom press

Оглавление

Введение	3	27 Консерватизм	108
ФИЛОСОФИЯ		28 Империализм	112
01 Платонизм	4	29 Национализм	116
02 Аристотель и последователи	8	30 Мультикультурализм	120
03 Золотое правило	12	31 Общественный договор	124
04 Альтруизм	16	32 Республика	128
05 Свобода	20	33 Коммунизм	132
06 Толерантность	24	34 Фашизм	136
07 Скептицизм	28	35 Расизм	140
08 Разум	32	36 Феминизм	144
09 Наказание	36	37 Исламизм	148
10 Материализм	40	ЭКОНОМИКА	
11 Релятивизм	44	38 Капитализм	152
12 Утилитаризм	48	39 Глобализация	156
13 Экзистенциализм	52	ИСКУССТВО	
РЕЛИГИЯ		40 Классицизм	160
14 Зло	56	41 Романтизм	164
15 Судьба	60	42 Модернизм	168
16 Душа	64	43 Сюрреализм	172
17 Вера	68	44 Цензура	176
18 Фундаментализм	72	НАУКА	
19 Атеизм	76	45 Эволюция	180
20 Секуляризм	80	46 Гей	184
21 Креационизм	84	47 Теория хаоса	188
ПОЛИТИКА		48 Теория относительности	192
22 Война	88	49 Квантовая механика	196
23 Долг	92	50 Большой взрыв	200
24 Утопия	96	Словарь терминов	204
25 Либерализм	100	Предметный указатель	206
26 Демократия	104		

Введение

«Ни одна армия не может противостоять силе идеи, время которой пришло». Французский писатель Виктор Гюго понимал, что именно мысли, возникшие в подходящие моменты времени, порождают идеи, потрясающие основы мироздания, — идеи, обреченные стать великими. Но величие может принимать разный облик: великий и прекрасный, великий и уродливый, великий и страшный. Идея может быть великой во всех этих проявлениях и при этом вызывать восторг, отвращение или ужас. В этой книге пойдет речь о великих идеях самых разных сортов.

Цель философии, по мнению Адама Смита, состоит в том, чтобы «обнажить скрытые связи, объединяющие разнообразные проявления природы». При столь честолюбивых замыслах не стоит удивляться, что именно философы породили основной массив Больших Идей. Некоторые из них, возникшие за два с половиной тысячелетия, от платонизма до экзистенциализма, включены в эту книгу. Не осталась без внимания и религия, этот извечный оппонент, а порой и союзник философии, — духовный путь к иному рода истине. Вера, душа и прочие фундаментальные религиозные концепции принципиально важны для понимания смысла человеческой жизни.

Американский юморист Уилл Роджерс в шутку сравнивал коммунизм с «сухим законом» — «хорошая идея, но не работает» — и в обоих случаях ошибался лишь наполовину. К счастью или к несчастью, коммунизм оказался самой успешной политической идеологией из всех, что были спланированы на бумаге и реализованы на практике. Коммунизм существует в этой книге вместе с другими конструктивными идеологиями: консерватизмом, либерализмом и республиканскими принципами. Мрачное наследие иных политических идей, в первую очередь фашизма и расизма, оставило несмываемое пятно на человеческой истории.

В последней части книги представлены изменившие мир идеи из области науки и искусства. Художественная траектория человеческой культуры проходит через такие значимые вехи, как классицизм, романтизм и модернизм. Научные идеи вроде теории относительности или квантовой механики на первый взгляд кажутся неприступными, но общее представление о них вполне посылно обычному человеку, а уж сами идеи захватывающе интересны. Невозможно не восхищаться мозгами тех, кто запросто разбирается в таких штуках.

В книге много удивительных идей, есть здесь и жуткие. Если читатель не испытает в итоге трепета и благоговения, вина в этом целиком моя: сами идеи, безусловно, велики — просто описание их могло выйти мелковатым. Огромное спасибо моему невозмутимому редактору и дизайнеру Нику Хатчинсу, а также издателю Ричарду Милбанку. И наконец, спасибо четырем моим лучшим и самым ярким идеям, которые дружно сгрудились в кучу на жалком клочке свободного пространства, все еще противостоящем моей экспансии.

01 Платонизм

«Вся европейская философия — это лишь заметки на полях сочинений Платона». Фраза скорее яркая, нежели точная, но сам факт, что философ уровня А. Н. Уайтхеда делает такое заявление, подтверждает благоговейный трепет, который вызывает у позднейших философов Платон, гражданин Афин, живший почти 2500 лет назад.

«Преувеличение есть основная ошибка философии», — ранее иронически утверждал Уайтхед в работе «Процесс и реальность» (1929), что вполне можно отнести к его собственной вышеупомянутой цитате, каковая есть откровенное преувеличение. Но даже если Уайтхед не сумел отдать должное западной философии, истина состоит в том, что Платон действительно оказал громадное влияние на всех последующих мыслителей, многие из которых развивали и разрабатывали собственные концепции в творческом взаимодействии или оппозиции идеям Платона.

В 35 диалогах, написанных за полстолетия, представлены доктрины — этические, политические, эстетические — развивающиеся и законченные, к которым применимо определение «платонизм». В основе философии Платона лежит метафизическая теория о существовании вечных и неизменных сущностей, независимых от изменчивого мира, данного в повседневном опыте. Эти сущности являются причиной всего, они определяют ценности и содержание; исследование их трансцендентной природы и способа получения знаний о них составляет главную черту философии Платона — именно этот аспект его трудов может быть назван исконно платоновским. Концепцию первичной сущности (это сердце «платонизма») обычно используют при описании идеалистических теорий.

СТРЕЛА ВРЕМЕНИ

428/427 г. до н.э.

В семье афинских аристократов родился Платон

399 г. до н.э.

Казнен Сократ, наставник Платона и герой его «Диалогов»

Около 347 г. до н.э.

Смерть Платона

Предполагается, что абстрактные явления, особенно математические, существуют вне пространства и времени, независимо от нашего восприятия и чувственного опыта.

Теория Форм Источником крайнего реализма Платона стала неудовлетворенность тем, что называется нашим знанием окружающего мира, изменчивого и неопределенного. Как можно рассуждать о понимании смысла высоты, если высокий человек рядом с деревом становится маленьким? Или, к примеру, что такое «красный», если красное яблоко в темноте кажется черным? Подобные явления, по мнению Платона, представляют собой мнения, гипотезы, но вовсе не знание. Истинно познанное должно быть совершенно, вечно и неизменно, а поскольку ничто в нашем повседневном опыте (в «сфере становления») не соответствует данному описанию, должна существовать и трансцендентная «сфера бытия», область, где обитают идеальные и неизменные модели — парадигмы. Эти модели Платон называет «Формами», или «Идеями», а явления, с которыми мы имеем дело в жизни, — это их имитации или копии. Так, например, подражание Идеи Справедливости порождает все справедливые действия в нашем мире.

Но каким образом мы обретаем знание о трансцендентных Формах, если все, что нам доступно, — это лишь жалкое подобие идеала? Платон отвечает неожиданно: прежде, в нашем изначальном состоянии, мы обладали знанием о Формах, а ныне мы не изучаем и познаем, а лишь вспоминаем то, что известно давным-давно. На основе этого тезиса Платон разрабатывает всеобъемлющую дуалистическую теорию, согласно которой наши бессмертные души существуют еще до воплощения в физических телах. Процесс воплощения «приземляет» душу, вынуждая ее забыть знания, обретенные в непосредственном контакте с Формами.

«Следует пытаться как можно скорее оторваться от земли и взмыть в небеса; бегство — это посильное уподобление Богу, а уподобиться Богу — значит стать разумно справедливым и разумно благочестивым»

Платон, «Тезтет», около 369 г. до н. э.

VI в.

Римский философ Бозций
начинает дискуссию
о природе универсалий

1929

Опубликована книга
английского философа
А. Н. Уайтхеда «Процесс и реальность»

Пещера Платона

Среди множества образов и аналогий, иллюстрирующих сложнейшую платоновскую концепцию знания и истины, самой знаменитой является аллегория пещеры, представленная в величайшем его произведении «Государство».

«Люди находятся как бы в подземном жилище наподобие пещеры, где во всю ее длину тянется широкий просвет. С малых лет у них там на ногах и на шее оковы, так что людям не двинуться с места, и видят они только то, что у них прямо перед глазами, ибо повернуть голову они не могут из-за этих оков. Люди обращены спиной к свету, исходящему от огня, который горит далеко в вышине, а между огнем и узниками проходит верхняя дорога, огражденная невысокой стеной. И за этой стеной другие люди несут различную утварь, держа ее так, что она видна поверх стены; проносят они и статуи, и всяческие изображения живых существ, сделанные из камня и дерева. Тени, отбрасываемые этими предметами на стену пещеры, — единственное зрелище, доступное узникам, единственное, о чем они могут думать и говорить.

Теперь представь, что с тебя сняли оковы и позволили свободно ходить по пещере. Сначала ты сощуришься от света огня, но постепенно поймешь, каково происхождение теней, которые ты прежде считал подлинными предметами. А потом ты выйдешь из пещеры в залитый светом внешний мир, где вся полнота реальности освещена ярчайшим небесным светилом, Солнцем».

Пещера олицетворяет «сферу становления» — видимый мир повседневного опыта, постоянно изменяющийся, где обычные люди, описанные Платоном как узники пещеры, живут, строя догадки и предположения на основе иллюзий. Узник, получивший возможность бродить по пещере, точнее представляет себе реальность, но это реальность иллюзорного мира. И лишь когда он попадает в «сферу бытия», выйдя во внешний мир, он обретает ясное представление об истине. «Сфера бытия» состоит из вечных и неизменных Форм, величайшая из которых, Форма Добра (представлена Солнцем), придает смысл всем остальным.

Проблема универсалий Несмотря на всю умозрительность платоновской теории Форм, она породила главную тему философии, под тем или иным именем возникающую на протяжении многих столетий, — так называемую проблему универсалий. В Средние века философская линия фронта пролегла между реалистами (платониками), считавшими, что такие универсалии, как «красный» или «высокий», существуют вне

зависимости от красных или высоких предметов, и номиналистами, полагавшими, что эти понятия — всего лишь названия, данные предметам, чтобы подчеркнуть их сходство.

Во многих областях современной философии звучат отголоски этого фундаментального различия. Нынешние реалисты утверждают, что «внешние» сущности — физические объекты, этические или математические понятия — существуют независимо от нашего знания о них. С этой точки зрения математика, например, не занимается поиском доказательств сущностей, порожденных сознанием самих математиков; она открывает истины о прежде существовавших сущностях. Противоположная точка зрения, антиреалистическая, предполагает необходимость наличия внутренней связи между известным миром и нашим знанием о нем. Основные понятия этих споров были сформулированы более 2000 лет назад великим Платоном, первым и наиболее последовательным из философов-реалистов.

Платоническая любовь

Идея превосходства не-физической, «платонической» любви, с которой чаще всего ассоциируют имя Платона, естественным образом рождается из противопоставления мира интеллекта чувственному миру. В диалоге «Федр» Платон объясняет, как подлинная любовь порождается любовью божественной, мудрой и красивой, которая существует лишь как Идея Добра. Душу истинно влюбленного можно сравнить

с колесницей, запряженной парой крылатых скакунов — нашими чувственными и духовными устремлениями, которую возничий-разум направляет к абсолютной истине. Множество более поздних религиозных концепций окрашены платоновской идеей превосходства разума над телом и представлением о моральном совершенстве, где дисциплинированный разум держит под контролем низменные физические инстинкты.

В сухом остатке
Вперед, к трансцендентной
реальности

02 Аристотель и последователи

Для средневековых мыслителей Аристотель был просто Философом. Его авторитет настолько превосходил всех прочих — даже самого Платона, — что не требовалось никаких более точных указаний; в «Божественной комедии» Данте он просто «учитель тех, кто знает». А после того, как в XIII веке Фома Аквинский сумел искусно соединить учение Аристотеля в единое целое с христианской теологией, оно стало новой догмой. Следующие три столетия позиции греческого философа в средневековой Европе оставались незыблемыми, и кажется, его незримая рука направляет любое движение философской мысли.

Пиетет перед Аристотелем был таков, что его философия (а порой и то, что выдавалось за его философию) зачастую принималась безоговорочно, и наконец настало время, когда она стала препятствовать прогрессу, подавляя оригинальное, неортодоксальное мышление. Подобная рабская верность неминуемо должна была вызвать ответную реакцию, каковой стала интеллектуальная и естественно-научная революция, охватившая Европу в XVI веке и представлявшая в первую очередь отказ от аристотелевского взгляда на мир. Но хотя звезда Аристотеля и потускнела со временем, его влияние никогда полностью не было преодолено, а в последние десятилетия многие из его глубочайших философских прозрений обретают новую ценность. В частности, в области моральной философии его наследие породило отдельное специфическое направление, известное как «этика добродетели».

Термин «аристотелевский» может, разумеется, описывать любые доктрины, предложенные Аристотелем, знаменитым греческим

СТРЕЛА ВРЕМЕНИ

384 г. до н. э.

В Стагире, греческой колонии в Македонии, родился Аристотель

367–347 гг. до н. э.

Учеба Аристотеля в платоновской Академии в Афинах

335 г. до н. э.

Аристотель основал Лицей в Афинах

322 г. до н. э.

Смерть Аристотеля

Этика добродетели

Более четырехсот лет философы, занимающиеся вопросами морали, рассуждали преимущественно о действиях, а не о тех, кто их совершает; о том, что мы должны делать, но не о том, какими нам следует быть. Задача заключалась в разработке принципов, на которых строится мораль, и создании правил, регулирующих наше поведение согласно этим принципам. Но за последние полвека многие философы, разочаровавшись в прежних подходах и вдохновленные этикой Аристотеля, вновь обратили внимание на характер и добродетель. В результате родилось новое направление философии, известное как «этика добродетели».

Согласно древнегреческой мысли, высшим благом для человека и конечной целью его жизни является *eudaimonia* — обычно это слово переводят как

«счастье», но само понятие гораздо шире, и точнее трактовать его как «процветание» или «благоденствие». Таким образом, вопрос не в том, «как правильно поступать (в тех или иных обстоятельствах)?», но «как правильно жить». С точки зрения Аристотеля, сущность человека в его способности рассуждать — точнее, использовать разум для того, чтобы понять, как жить правильно; *eudaimonia* представляет собой «деятельность души сообразно добродетели». Жить добродетельно означает быть или стать личностью, которая, обретая мудрость путем обучения и тренировки, поступает должным образом в различных обстоятельствах. Иными словами, правильный характер и нрав, естественный или благоприобретенный, выражается в правильном поведении. Это откровение не утратило своей актуальности за минувшие две тысячи лет.

философом, учеником Платона, наставником Александра Великого и основателем философской школы (Лицея) в Афинах в IV в. до н. э. Но сегодня этот термин чаще упоминается в связи со схоластической философской традицией, разработанной Аквином и прочими схоластами Средневековья. Схоластика, без сомнения, многим обязана Аристотелю, но по иронии судьбы его страстные последователи в стремлении защитить ученого от нападок заняли предельно консервативные позиции, откровенно противоречащие подлинному духу его трудов.

529

Император Юстиниан закрыл языческие школы

1266

Фома Аквинский начинает «Сумму теологии», вершину средневековой схоластики

XVI–XVII вв.

Современная картина мира, сформулированная Коперником, Галилеем и др., заменила прежнюю концепцию Аристотеля

Ученик и учитель Иногда, упрощая, говорят, что философия Аристотеля стала ответом его учителю, Платону. В действительности их отношения были гораздо сложнее. Молодой философ был более методичен и вместе с тем обладал более широким спектром интересов, благодаря чему внес значительный и зачастую фундаментальный вклад в развитие физики, биологии, психологии, политики, этики, метафизики, риторики, эстетики, логики и других отраслей знания. Если Платон витал в облаках (почти в прямом смысле слова), то Аристотель прочно стоял обеими ногами на земле; отрешившийся от мира и сосредоточенный на духовных исканиях, Платон предлагает трансцендентную сферу реальности, в которой лишь и возможно обретение истинного знания, Аристотель же непреклонно конкретен, до приземленности. Сторонник здравого смысла, он находит полноту реальности в привычном окружающем мире, настаивая, что подлинное знание можно отыскать здесь (и только здесь) путем настойчивого исследования. Оставаясь последовательным практиком в своих методах, он собирает доказательства, тщательно их классифицирует, подвергает методическому и систематическому анализу, а затем в рациональной, логической и рассудительно индуктивной манере выводит заключение на основании собственных исследований.

Схоластический синтез После смерти Аристотеля его влияние в течение нескольких столетий поддерживали сначала созданная им школа, знаменитый Лицей, а позже труды многочисленных редакторов и комментаторов, но когда в 529 году император Юстиниан закрыл языческие школы в Афинах и Александрии, об Аристотеле почти забыли. Возрождение интереса к его работам связано изначально с латинскими переводами арабских комментаторов философа — Авиценны и Аверроэса. Благодаря усилиям двух монахов-доминиканцев, Альберта Великого и его ученика Фомы Аквинского, философия Аристотеля способствовала расцвету европейской учености.

«Вряд ли может быть сказано что-нибудь более нелепое о естественной философии, чем то, что мы находим в так называемой аристотелевской «Метафизике», или что-нибудь более враждебное государству, чем многое из того, что сказано в его «Политике», или что-нибудь более невежественное, чем большая часть его «Этики»»

Томас Гоббс, 1651

«Моими богами, хотя очень по-разному, были Линней и Кювье, но они просто школьники по сравнению со стариком Аристотелем»

Чарлз Дарвин, 1882

Отчасти в ответ на абстрактную трансцендентность неоплатоников, Аквинат намеревался создать единую философию, сосредоточившую в себе аристотелевский рационализм и христианскую теологию. Он широко использовал физику Аристотеля (совокупность физических объектов); динамику (анализ пространства и движения); эпистемологию (взгляды на приобретение интеллектуального знания) и космологию (Вселенная состоит из четырех элементов — воздух, земля, огонь и вода, в центре ее расположена Земля, окруженная прозрачными сферами, на которых размещены планеты). Пять Путей (доказательств существования Бога) в определенной степени обязаны своим появлением аргументам Аристотеля. В создании натуралистической версии христианства Аквинат — подобно Аристотелю, но в отличие от неоплатоников — в первую очередь был озабочен защитой представления о человеке как создании, ответственном за собственные действия.

Главный успех синтеза Аквината в итоге его и погубил. Философия Аристотеля стремительно превратилась в неоспоримую догму, а некоторые самые гипотетические ее части, как, например, аристотелевская концепция Вселенной, становились все более уязвимыми под напором стремительного прогресса естественных наук. Теологическая основа природы — представление о том, что биологические организмы, системы и процессы объяснимы в понятиях их целей — оставалась неизменной еще долго после того, как основы ее были расшатаны открытиями в астрономии и механике.

Последователи Аристотеля упорно отстаивали последние рубежи, защищая его философию. В 1624 году парламент Парижа постановил, что «под страхом смерти никто не смеет исповедовать или преподавать доктрины, противоречащие Аристотелю». На пике научной революции главным обвинением в адрес Аристотеля стали обскурантизм и догматизм его последователей; к тому времени, похоже, люди успели позабыть, что именно этот древнегреческий ученый ввел в обиход принципы научной методологии.

**В сухом остатке
Учитель тех, кто знает**

03 Золотое правило

«Золотое правило», простейшая формулировка которого содержится в пословице «Поступай так, как хочешь, чтобы поступали с тобой», является одним из наиболее распространенных моральных принципов. В той или иной форме это правило, взывающее к базовым этическим чувствам человека, отражено во всех религиозных традициях, да и мало кто из философов обходился без обращения к нему или, по крайней мере, упоминания о нем в контексте собственных теорий.

Привлекательность «золотого правила» объясняется отчасти его универсальностью. В зависимости от вкусов и потребностей его основными характеристиками могут считаться взаимность, универсальность и беспристрастность. Однако безыскусная простота его оборачивается и слабой стороной, превращая «золотое правило» в уязвимую цель для нападок скептиков и интеллектуалов, которые требуют конкретных рекомендаций или практической пользы от его соблюдения.

Не порите, да не поримы будете «Золотое правило» подразумевает последовательность, но даже эгоист может последовательно отстаивать собственные интересы и вполне последовательно рекомендовать остальным поступать точно так же. Люди получают

«Благородный муж помогает другим обрести опору там, где он обрел опору сам, и ведет людей туда, куда и сам стремится. Способность судить о других по себе — это и есть человечность»

Конфуций, около 500 г. до н.э.

СТРЕЛА ВРЕМЕНИ

1785

Кант определяет категорический императив в «Основах метафизики нравственности»

1863

Дж. С. Милль провозглашает «золотое правило» принципом утилитаризма

удовольствие по-разному; не склонному к мазохизму большинству граждан следовало бы опасаться мазохиста, твердо придерживающегося «золотого правила». В то же время попытки изменить и уточнить правило подвергают риску его действенность. Можно попытаться определить контекст и обстоятельства, в которых должно действовать «золотое правило», но чем точнее эти обстоятельства будут определены, тем менее универсальным оно станет, а ведь именно в универсальности кроется его сила.

Вместо того чтобы воспринимать «золотое правило» как своего рода моральную панацею, разумней и практичней считать его важной, даже необходимой составляющей нашего этического мышления и сопровождать его требованиями не только последовательности,

«Итак, во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними, ибо в этом закон и пророки»

Иисус, около 30 г.

JFK и «золотое правило»

Один из наиболее ярких примеров использования «золотого правила» прозвучал в июне 1963 года в речи президента США Джона Ф. Кеннеди, обращенной к американскому народу. В те времена, когда проблема межрасовых отношений в США приобрела особую остроту и начались открытые демонстрации и даже беспорядки, Кеннеди со всей страстью обрушился на сегрегацию и дискриминацию по расовому признаку.

«Вопрос в том, будут ли предоставлены всем американцам равные права и возможности, будем ли мы обращаться со своими согражданами так же, как хотим, чтобы обращались с нами. Если американец не может пообедать в открытом для

публики ресторане или отправить своих детей в лучшую государственную школу только из-за цвета кожи, если он не может голосовать за тех, кто будет представлять его интересы, если, коротко говоря, он не может наслаждаться полноценной свободной жизнью, которой мы все жаждем, тогда кому из нас захотелось бы поменять цвет кожи и оказаться на его месте?»

Конгресс, убежденный призывом Кеннеди к справедливости и (шесть месяцев спустя) потрясенный убийством президента, уже в 1964 году принял серию радикальных законодательных актов, впервые в истории США предоставивших гражданам столь широкие права.

1952

В «Языке морали» Р. М. Хэар излагает основы прескриптивизма

Июнь 1963

Президент Джон Ф. Кеннеди произносит программную речь о расовом равенстве

но и честности. Необходимо мысленно ставить себя на место другого человека, демонстрируя уважение и понимание, на которое вы сами рассчитываете. Таким образом, «золотое правило» может стать лекарством от моральной близорукости, часто поражающей человека, когда затронуты его непосредственные интересы.

Категорический императив Канта Великий немецкий философ Иммануил Кант утверждал, что «золотое правило» недостаточно строго, чтобы считаться всеобщим законом, хотя его отпечаток отчетливо виден в фундаментальном принципе — так называемом категорическом императиве, лежащем в основе этической системы Канта. Этику Канта можно рассматривать в качестве расширенной версии «золотого правила», распространяемого на любую разумную личность.

«Кто добр к существам Божьим, тот добр к себе»

Мухаммед, около 630

Чтобы объяснить, что такое категорический императив, Кант для начала объясняет, чем он не является, сравнивая его с гипотетическим императивом. Например, я приказываю вам (императив): «Прекратите курить!» Подразумевается, что к этому императиву может быть подключена цепочка условий: «если хотите сохранить здоровье» или «если не хотите напрасно тратить деньги». Соответственно, если здоровье и деньги вас не волнуют, приказ этот не имеет для вас никакого значения и его можно проигнорировать. Категорический же императив не подразумевает никаких «если», ни явных, ни скрытых. «Не лги!» и «Не убивай!» не зависят от ваших целей, потребностей и желаний, и подчиняться им необходимо всегда и без всяких условий. Категорический императив, в отличие от гипотетического, представляет собой нерушимый закон морали.

Что проповедуешь, то и исповедуй

«Золотое правило» предполагает последовательность и обязательность для всех; лицемерное попираание его — неисполнение проповедуемых принципов — выглядит особенно отвратительно. Священник, нарушающий супружеские клятвы и одновременно проповедующий святость брачных уз;

политик, берущий взятки и страстно выступающий против коррупции, — это примеры чудовищного противоречия: между провозглашаемыми принципами и реальными поступками, между важными идеями, которые защищают люди, и очевидным пренебрежением этими идеями.

С точки зрения Канта, в основе каждого действия лежит определяющее правило, или «максима». Такие максимы могут принимать форму категорического императива, но не являются при этом моральными законами, поскольку сами не проходят проверку высшим, общим категорическим императивом, проникнутым духом «золотого правила»:

Поступай только согласно такой максиме, руководствуясь которой ты в то же время можешь пожелать, чтобы она стала всеобщим законом.

Иными словами, действие морально приемлемо, только если оно соответствует правилу, которое можно всегда и везде применять к себе и окружающим. Например, мы можем предложить максиму, согласно которой ложь приемлема. Но ложь возможна только при наличии (хотя бы в некоторой степени) правды; если бы все постоянно лгали, никто бы никому не верил, и потому было бы странно, неразумно и в некотором смысле самоубийственно желать превратить ложь во всеобщий закон. Требование универсальности, таким образом, логически исключает некоторые виды поведения.

Универсальность Одним из наиболее влиятельных последователей философии «золотого правила» наших дней является английский исследователь Р. М. Хэар. Этическая теория Хэара (прескриптивизм), в основу которой положен кантианский тезис о предписывающем характере нравственных установок — нам указывают, что делать и как поступать, — утверждает, что смысл нравственных установок заключается именно в их практическом действии: утверждение, что убийство — дурной поступок, равносильно приказу «Не убий!». Отличительная черта этических суждений, по мнению Хэара, состоит как раз в их «универсальности»: выдвигая нравственные директивы, я, таким образом, обязываю всех (и себя в том числе) следовать им в соответствующих обстоятельствах. Короче говоря, я подчиняюсь «золотому правилу».

«В золотом правиле Иисуса из Назарета мы читаем совершенный дух этики утилитаризма»

Дж. С. Милль, «Утилитаризм», 1863

В сухом остатке
Поступай так, как хочешь,
чтобы поступали с тобой

04 Альтруизм

Около 09:00 11 сентября 2001 года, спустя несколько минут после рокового удара самолета рейса 175, небольшая группа выживших столпилась в полуразрушенном холле на 78-м этаже Южной башни Всемирного торгового центра. Среди них было несколько человек с тяжелыми ожогами; в царившем вокруг кровавом хаосе оглушенные и растерянные люди пытались молиться, но в глубине души просто ждали неминуемой смерти. Внезапно перед ними возник молодой человек в футболке, лицо его было наполовину закрыто красным платком. Быстро оценив обстановку, он принял на себя командование и повел людей к задымленной лестнице, усыпанной обломками. Пятнадцатью этажами ниже он оставил спасенных (включая юную темнокожую девушку, которую нес на спине) и снова отправился в ад верхних этажей, чтобы повторить героический поступок.

Через полгода тело 24-летнего биржевого маклера и пожарного-добровольца Уэлса Краутера было обнаружено в главном вестибюле Южной башни. Две женщины, обязанные ему жизнью, опознали его как «парня в красном платке». Вероятно, он оказался под обломками рухнувшей башни в тот момент, когда отправлялся в очередной спасательный рейд. Позже его мать сказала, что гордится его «чувством долга по отношению к другим людям», а отец выразил надежду, что поступок сына запомнят многие: «Если история Уэлса поможет людям задуматься о ближних своих, благослови их Господь, и благослови его, Господи».

СТРЕЛА ВРЕМЕНИ

V в. до н. э.

Софисты в Афинах выступают за этический эгоизм

1651

Психологический эгоизм становится основой политической теории Гоббса

Примечательно, что родители Краутера почти одинаково говорили о самоотверженности сына и готовности к самопожертвованию. Помимо невероятного мужества он продемонстрировал миру столь же невероятный пример альтруизма: готовность поставить интересы и благополучие других людей выше собственных — вплоть до решимости пожертвовать самой жизнью. С общечеловеческой точки зрения оскорбительно предполагать, что поведение молодого человека было продиктовано эгоистическими интересами, поскольку это умаляло бы величие его поступка. Хотя идея чистого альтруизма приводила в недоумение многих исследователей еще с античных времен. Некоторые софисты — профессиональные философы по найму, — конфликтовавшие с платоновским Сократом, красноречиво доказывали, что благорасположенность к другим людям лишь видимость и стоит чуть поскрести филантропа, как сразу обнаружится эгоистический интерес. Современные философы утверждают, что люди либо руководствуются собственными интересами (психологический эгоизм), либо их поведение должно быть управляемо подобными мотивами (этический эгоизм). Томас Гоббс, к примеру, считает само собой разумеющимся, что люди «в естественном состоянии» находятся в постоянном конфликте с окружающими, преследуя собственные цели. Фридрих Ницше утверждает, что благотворительность и альтруистическое поведение суть проявление рабской морали, посредством которой слабый подчиняет себе сильного. А в последние полтора столетия благодаря революционным работам Чарлза Дарвина философские сомнения получили существенную поддержку со стороны биологии.

Легко ли умирать молодым? Люди не единственные живые существа, демонстрирующие альтруистические (по крайней мере, внешне) модели поведения. Некоторые виды обезьян или оленей тоже издают крики, предупреждая сородичей о приближении хищника, невзирая на опасность для себя лично. У социальных насекомых, таких как пчелы и муравьи, представители определенных каст не дают (и не могут давать) потомства, полностью посвящая себя благополучию колонии. Неважно, что подобное поведение является всего лишь проявлением инстинкта; главное, что во всех этих случаях интересы других обеспечиваются ценой жертвы со стороны члена сообщества.

«В добровольных действиях каждого человека целью является польза для него самого»

Томас Гоббс, 1651

«Люди часто сознательно действуют вопреки собственным интересам»

Дэвид Юм, 1740

1859

В трактате «О происхождении видов» Дарвин поясняет, каким образом естественный отбор повлиял на эволюцию

1887–1888

Ницше возмущен ролью альтруизма в выхолащивании подлинной личности

11 сентября 2001

Террористическая атака на Всемирный торговый центр в Нью-Йорке

Довольно сложно вместить альтруистическое поведение в рамки дарвиновской теории эволюции. Основной механизм, посредством которого происходит эволюция, — «выживает приспособившийся»: животные, обладающие качествами, которые позволяют им жить дольше и произвести на свет больше потомства, «отбираются» самой природой; следовательно, эти полезные качества (если они, конечно, наследуются) сохраняются и распространяются в популяции. В подобных обстоятельствах можно рассчитывать, что поведение животных будет увеличивать их собственные шансы в борьбе за продолжение жизни, а не шансы их конкурентов. Менее всего этим целям соответствуют альтруизм и самопожертвование, так что альтруистические особи, ущербные с точки зрения естественного отбора, должны быть вытеснены более эгоистичными соплеменниками. Дарвин, подводя итог размышлениям, в работе «Происхождение человека» (1871) сформулировал проблему следующим образом:

«Чрезвычайно сомнительно, что потомство более сочувствующих и доброжелательных родителей... вырастет в большем количестве, чем дети эгоистичных и предательских родителей... Тот, кто готов пожертвовать собой ради ближнего, часто не оставлял бы никакого потомства, которое наследовало бы его благородный характер».

Присматривая за чужой собственностью Загадка постепенно начинает проясняться, когда мы признаем, что не только «потомство доброжелательных родителей» несет в себе альтруистические тенденции, но что это вполне справедливо и для кузенов и прочих родственников. То есть существенно не столько выживание отдельной альтруистичной

Тирания против природы

Одну из наиболее ожесточенных и знаменитых атак на альтруизм (и традиционную мораль в целом) предпринял в конце XIX века немецкий философ Фридрих Ницше. Он назвал филантропию «тиранией по отношению к природе» — изменением или извращением естественного порядка вещей. Слабый и уродливый, подстрекаемый христианской Церковью

и движимый обидой и завистью, поднимает «рабский бунт» против силы и красоты. Поверженные моральным оружием вроде чувства вины, лучшие и благороднейшие представители человечества невольно потворствуют собственному угнетению и порабощению, не замечая подлинной и естественной своей цели — стремления к власти.

особи, сколько сохранение генетического материала, который вполне может быть унаследован непрямыми потомками. В природе это называется «родственный отбор», когда альтруистичные особи действуют в интересах родственников, способствуя сохранению вида.

Никто из сторонников теории эволюции (а это фактически все биологи нашей планеты) не станет отрицать, что человек — продукт эволюционного процесса, и механизмы, подобные родственному отбору, объясняют, каким образом альтруистичное поведение могло закрепиться в человеческой популяции. Но проблема в том, что биологически обусловленный альтруизм вовсе не то же самое, что альтруизм «в чистом виде», это всего лишь способ объяснить поведение в понятиях собственного интереса индивида — или, на худой конец, его «генетических» интересов. И если это единственное объяснение, то получается, что «подлинному» альтруизму — поведению, когда польза для других никоим образом не связана с собственными интересами человека, — фактически нет места в дарвиновском мире.

Глубинная интуиция, не говоря уже о случаях, подобных истории Уэллса Краутера, не позволяет нам прийти к такому выводу. Вслед за Дэвидом Юмом мы готовы воскликнуть: «Голос природы и опыта явно протестует против теории эгоизма», опровергая представление о том, что любовь к людям можно свести к банальной корысти. Многие аспекты человеческого поведения трудно объяснить в терминах эволюционной теории, и все попытки ограничиться биологией исключают воздействие культурных и социальных аспектов. Вместе с тем уроки биологии оставляют неприятное чувство осознания, сколь многое в том, что мы привыкли считать доброжелательностью и альтруизмом, определяется эгоистичными интересами.

«Суровая дисциплина природы предписывает взаимопомощь не реже, чем борьбу. Самый приспособленный на поверку оказывается самым великодушным»

Феодосий Добжанский, 1962

«Слабый и больной должен исчезнуть — главный принцип нашей филантропии»

Фридрих Ницше, 1888

**В сухом остатке
Самоотверженность
или эгоизм?**

05 Свобода

«Неужели жизнь так дорога, а покой столь сладостен, чтобы покупать их ценой цепей и рабства? Не допусти этого, Господь всемогущий! Я не знаю, какой путь изберут другие, что же касается меня, то дайте мне свободу или дайте мне смерть!» Вот так выразил свое отношение к утрате свободы Патрик Генри, когда в марте 1775-го произнес свою знаменитую речь, призывая сограждан из Виргинии взять в руки оружие и сражаться за независимость страны.

Со времен Генри эта истина не вызывает сомнений. Во всяком случае, ни один из американских президентов не колебался, делая выбор, — ни Авраам Линкольн, взывавший к духу «новой нации, зачатой в Свободе» в Геттисбергской речи в 1863 году; ни Джон Ф. Кеннеди, в 1961 году поклявшийся «заплатить любую цену, нести любое бремя... во имя торжества дела свободы»; ни Джордж У. Буш, который сорок лет спустя уверял, что «война с терроризмом» принесет «век свободы всему миру». Степень важности этой одной из главных политических ценностей — идеи свободы — соизмерима с масштабом лишений и тягот, которые надо вынести ради достижения ее. Это и борьба против диктатора религии, несмотря на преследования тех, кто посмел усомниться; против абсолютной власти монарха, якобы освященной Небесами; против рабства, предрассудков и невежества; против зависимого положения женщин; против преследования инакомыслящих.

Практически никто не сомневается, что свобода — главное право человека, и многие согласны, что за это право стоит сражаться и даже умереть, если придется. Но странно, что при этом у людей отсутствует единое мнение о природе самой свободы.

СТРЕЛА ВРЕМЕНИ

Июль 1776

Американская
Декларация
независимости

Июль 1789

Падение Бастилии

Август 1789

Декларация прав
человека и гражданина

1859

Опубликован
трактат
«О свободе»
Дж. С. Милля

Две концепции свободы Самое значительное исследование проблемы свободы предпринял великий философ XX века Исайя Берлин. Центральная мысль его работы — принципиальное различие позитивной и негативной свободы.

Часто мы определяем свободу как отсутствие внешнего принуждения: человек свободен, если его действия не ограничены никакими внешними факторами. Такую свободу Берлин называет «негативной». Однако никто не может наслаждаться полной негативной свободой, не ограничивая при этом свободы другого, так что для существования общества необходимо идти на компромисс, чтобы свобода не превратилась во вседозволенность. Компромисс, предложенный идеологами классического либерализма, самый яркий из которых — викторианский философ Дж. С. Милль, называется «принцип вреда». Он гласит, что личность свободна действовать как ей угодно, если это не приносит вреда другим личностям; если же такой вред причинен, общество может применить к нарушителю те или иные санкции. Таким образом, мы можем определить область частной свободы, которая священна и защищена от внешнего вторжения.

«Свобода — это когда у себя в ванной я могу петь настолько громко, насколько это не мешает моему соседу распевать другую мелодию у себя»

Том Стоппард

Предположим, человек обладает свободой в ее негативном значении, но лишен необходимых ресурсов (денег, образования, социального статуса и т. п.) для ее реализации. Можно ли считать, что он свободен в полном, истинном значении этого слова? Чтобы преодолеть разрыв между мнимой и реальной свободой, социально мыслящие либералы могли бы поддержать ограниченное вмешательство государства в жизнь граждан, что более соответствует позитивной интерпретации свободы, предложенной Берлином. Если негативная свобода есть свобода от внешних влияний, то позитивная — свобода добиваться определенной цели; это свобода личности максимально развить свой потенциал, реализовать себя, достичь независимости и стать самодостаточной.

Ноябрь 1863

Геттисбергская речь
Авраама Линкольна

Октябрь 1958

Лекция Исайи Берлина
«Две концепции свободы»

Январь 1961

Инаугурационная речь
Джона Ф. Кеннеди

Сентябрь 2001

Речь Джорджа У. Буша
о «войне с терроризмом»

Негативная свобода существует в отношениях между людьми; позитивная — напротив, свобода внутренняя, она развивается и укрепляется внутри самой личности. Концепция позитивной свободы подразумевает разделение личности на высший и низший аспекты. Обретение позитивной свободы связано с победой высшего, предпочтительного (с моральной и рациональной точек зрения)

«Концепция свободы непосредственно вытекает из представлений о том, что определяет личность человека, его Я. Поэтому люди придают столь огромную ценность свободе выбора»

Исайя Берлин

аспекта. Отчасти из-за концепции внутреннего разделения личности, подразумеваемой позитивным пониманием свободы, Берлин был так осторожен в своих выводах. Если власти придерживаются патерналистской точки зрения, что «положительные стороны» человеческой природы следует поощрять — а отрицательные, соответственно, подавлять, — отсюда всего один шаг до «пренебрежения подлинными устремлениями человека или общества и присвоения себе права запугивать, притеснять и подавлять во имя так называемых «истинных ценностей»». Под знаменем позитивной свободы правительство превра-

щается в тиранию, устанавливающую цели для всего общества и предписывающую определенный образ жизни всем его членам. Недоверие Исайи Берлина к позитивной свободе объяснялось непростой историей XX века, в частности историей сталинизма в России, но многие относились к этой идее более благо-склонно, считая ее полезной для личностного роста.

Защитить свободу любой ценой 28 октября 1886 года в бухте Нью-Йорка состоялось торжественное открытие одного из самых ироничных в истории памятников — статуи «Свобода, освещающая мир», более известной как статуя Свободы. Она была подарена Соединенным Штатам народом Франции как символ нерушимой связи между странами, разделяющими идеи свободы, — это подтверждали две революции последней четверти XVIII века. Американская Декларация независимости, основанная на теории естественного права Локка и других философов, провозглашала «очевидную» истину: «Все люди... наделены их Творцом определенными неотчуждаемыми правами, к числу которых относятся жизнь, свобода и стремление к счастью». Всего тринадцать лет спустя этот документ, обогащенный идеями европейского Просвещения, лег в основу Декларации прав человека и гражданина, детища Французской революции.

С тех пор свобода вкупе с демократией и справедливостью стала бесспорным и принципиальным критерием оценки так называемой западной «либеральной демократии». Существуют, впрочем, некоторые неловкие моменты в историческом прошлом США и Франции, ставящие под сомнение цельность данной политической системы.

Рабство — антитеза свободы — сохранялось в США почти столетие после обретения независимости, а три идеологических столпа Французской революции — свобода, равенство и братство — никогда не были полностью реализованы в самой Франции. «Безмятежная и благословенная свобода», воспетая парижскими газетами после падения Бастилии в 1789 году, всего четыре года спустя обернулась Большим террором Робеспьера, когда была уничтожена вся политическая оппозиция, а 17 тысяч граждан, подозреваемых в контрреволюционных воззрениях, казнены.

Презрение к гражданским свободам на пике террора в 1793–1794 годах революционеры объясняли угрозой контрреволюционного переворота и вторжения вражеских войск. К сожалению, последующие либеральные демократии, усвоив уроки французской модели, на любые опасные ситуации отвечали привычным образом — введением репрессий взамен веками освященных законов. В сентябре 2001 года американский президент Буш объявил «войну терроризму», ибо это «борьба всей цивилизации... борьба всех, кто верит в прогресс, плюрализм, терпимость, свободу». Но в течение следующих лет жертвами этой войны стали гражданские свободы и права человека. пытки заключенных в тюрьме Абу-Грейб в Ираке, арест и жестокое обращение с так называемыми «пособниками врага» на базе Гуантанамо на Кубе — это лишь самые свежие примеры хорошо знакомого лозунга, что лучшим защитником свободы является ее неприятие.

Интеллектуальная свобода

В своем эссе «О свободе» Джон Стюарт Милль в 1859 году страстно отстаивает идею свободы слова и самовыражения. Он предупреждает об опасности культуры предвзятости и интеллектуального гнета, в которой любая критика общепринятого мнения отвергается, а «самые активные и ищущие умы» боятся вступить в «свободное обсуждение высоких материй». Ранее Иммануил Кант примерно в том же духе торжественно заявлял, что интеллекту необходима свобода (нехватку которой он с печалью обнаруживал): «Для просвещения требуется только свобода, и притом самая безобидная, а именно свобода во всех случаях публично пользоваться собственным разумом».

«Свобода! Какие преступления свершаются во имя твое!»

Мадам Ролан (перед казнью на гильотине), 1793

**В сухом остатке
За что стоит умирать?**

06 Толерантность

«Мы должны быть взаимно терпимыми, ибо все мы слабы, непоследовательны, подвержены непостоянству и заблуждениям. Может быть, камыш, согнутый ветром над топью, должен сказать своему соседу, такой же тростинке, но склоненной в другую сторону: “Сгибайся, как я, несчастный, или я буду молить, чтобы тебя вырвали с корнем и сожгли”?»

Такими словами в 1764 году Вольтер завершил статью о толерантности в Карманном философском словаре. Рассуждая о принципах индивидуальной свободы и свободы мышления, Вольтер дал классическое определение одной из основных добродетелей эпохи Просвещения: «Думай, что хочешь, и позволь другим наслаждаться тем же правом».

Искусство быть терпимым и сопутствующая ему толерантность настолько укоренились в либеральном сознании, что мы порой считаем их само собой разумеющимися как в отношениях между цивилизованными государствами, так и в отношениях между людьми. Но не следует питать иллюзий относительно толерантности в реальном мире. Представители главных мировых религий — мусульмане,

**«Я не разделяю
ваших убеждений,
но готов умереть
за ваше право их
высказывать»**

**Вольтер (в интерпретации
Звелин Беатрис Колл), 1906**

христиане, индуисты, иудеи — во многих странах готовы вцепиться в горло друг другу, не желая терпеть чужие религиозные воззрения. Не многим лучше обстоит дело во внерелигиозных аспектах, когда людей разделяют цвет кожи, национальность, сексуальные предпочтения или образ жизни. Исторические и концептуальные трудности, связанные с понятием толерантности, заставляют усомниться, а является ли эта добродетель Просвещения действительно добродетельной и просвещенной.

СТРЕЛА ВРЕМЕНИ
1689

В «Письме о толерантности» Локк настаивает на отделении Церкви от государства

1764

Вольтер представляет взгляды идеологов Просвещения по вопросам терпимости в Карманном философском словаре

Парадокс терпимости Основная проблема вызвана парадоксом, лежащим в сердцевине самой идеи. Толерантность — это склонность мириться с положением дел или поведением людей, которые мы не одобряем, в ситуации, когда мы можем вмешаться, но предпочитаем этого не делать. Границы неодобрения простираются от легкой неприязни до стойкого отвращения, и уровень толерантности пропорционален степени неодобрения. Вам приходится проявлять высочайшую степень толерантности, чтобы удержаться от борьбы с тем, что кажется вам совершенно отвратительным. Парадокс же заключается в том, что толерантность считается (и обычно является) добродетелью, а поступки или убеждения могут быть довольно спорными с точки зрения морали. В данном понимании добродетельно — то есть положительно с точки зрения морали — попустительствовать аморальным поступкам; и чем хуже поступки, тем более добродетельным вы считаетесь, когда миритесь с ними. Но разве такое возможно? Если можно остановить зло, вы ведь обязаны его предотвратить?

Одно из решений вполне очевидно. Нужно продемонстрировать, что есть серьезные причины для проявления терпимости, гораздо более убедительные, чем причины для вмешательства. В классической либеральной традиции самый убедительный пример такого рода продемонстрировал Джон Стюарт Милль, утверждавший, что главным «козырем» толерантности являются различия между людьми и безусловная важность уважения к личностной автономии — праву человека совершать собственный выбор. В эссе «О свободе» (1859) он пишет, что

«тот образ жизни, который человек сам для себя изберет, и будет лучший, не потому что он лучший сам по себе, а потому что он есть его собственный. Люди не бараны, да и бараны даже не до такой степени схожи между собой, чтобы совершенно не отличались один от другого. Чтобы иметь платье или сапоги, которые были бы ему впору, человек должен заказывать их по своей мерке или выбирать в целом магазине, — неужели же легче снабдить человека пригодной для него жизнью, чем пригодным для него платьем?»

С точки зрения человеческого разнообразия толерантность является не столько проявлением добродетели, сколько необходимым условием выживания

Рене Дюбо, 1981

1859

Дж. С. Милль в эссе «О свободе» рассматривает проблему толерантности с точки зрения человеческой индивидуальности

1995

ЮНЕСКО принимает Декларацию принципов толерантности

Религиозная терпимость В современных плюралистских обществах идея толерантности основана на представлении о ценности личности и праве на свободу мнений. Существуют, разумеется, определенные ограничения, но в целом люди могут думать и поступать по собственному разумению, лишь бы их действия не причиняли вреда остальным. Вредом, как правило, считается вторжение в чужое личное пространство, так что толерантность не распространяется на убийство или воровство или даже на менее вопиющие посягательства на права человека. Но и злодеяния могут принимать различные формы; что может быть страшнее, с точки зрения благочестивого христианина, чем гибель души и утрата жизни вечной? Призыв к личной

Гармония в многообразии

Рожденная во времена религиозного разделения и войн, крещенная в потоках человеческой крови, сегодня толерантность стала одним из столпов либеральной теории. В 1995 году Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО) приняла Декларацию принципов толерантности, придав тем самым спорной позиции статус ведущего принципа в установлении всеобщего мира и гармонии:

«Толерантность означает уважение, принятие и правильное понимание богатого многообразия культур нашего мира, наших форм самовыражения и способов проявления человеческой индивидуальности. Ей способствуют знания, открытость, общение и свобода мысли, совести и убеждений. Толерантность — это гармония в многообразии... это добродетель, которая делает возможным достижение мира и способствует замене культуры войны культурой мира... Толерантность — это обязанность способствовать утверждению прав

человека, плюрализма (в том числе культурного плюрализма), демократии и правопорядка. Толерантность — это понятие, означающее отказ от догматизма, от абсолютизации истины...

Проявление толерантности... означает, что каждый свободен придерживаться своих убеждений и признает такое же право за другими. Это означает признание того, что люди по своей природе различаются по внешнему виду, положению, речи, поведению и ценностям и обладают правом жить в мире и сохранять свою индивидуальность...

Толерантность как никогда ранее важна в современном мире. Мы живем в век глобализации экономики и все большей мобильности, быстрого развития коммуникации, интеграции и взаимозависимости, в век крупномасштабных миграций и перемещения населения, урбанизации и преобразования социальных структур. Каждый регион многолик, и поэтому эскалация нетерпимости и конфликтов потенциально угрожает всем частям мира...

свободе — то есть праву человека творить собственную судьбу — не имеет никакого смысла, если обрекает душу на вечное проклятие. Немножко наказания — небольшая цена за вечное блаженство.

Большинству жителей Европы XVII века идея толерантности, распространяемой на религиозные вопросы, показалась бы по меньшей мере странной. В претензиях на абсолютную истину христианство было по сути своей нетерпимым как к другим религиям, так и к собственным схизматикам и еретикам. Вплоть до XVII века любые споры о терпимости сводились к религиозным вопросам. Теологическая нетерпимость, апологеты которой не подвергали сомнению собственное право уничтожать еретиков и утверждать единственно верные догмы, породила раздиравшие Европу религиозные войны, в которых католики и протестанты готовы были проливать кровь друг друга. В стремлении прекратить бесконечный конфликт одни мыслители пост-Реформации задавались вопросом, достаточно ли человеческих знаний, чтобы уверенно осуществить Божественную волю и оправдать гонения, а другие сомневались в возможности применения насилия для изменения веры. Сторонники более прагматичного подхода указывали на последствия нетерпимости — масштабную гражданскую войну — и настаивали на толерантности из соображений политической целесообразности. Но подобные приземленные аргументы никогда не убеждали тех, кто отстаивал возвышенные религиозные идеи.

Значительный вклад в дискуссию о религиозной терпимости внес Джон Локк своими «Письмами о толерантности» (1689). В этом документе сформулированы современные либеральные взгляды по этому вопросу. Локк утверждает, что вера, угодная Господу, не может насаждаться силой, но главная его цель заключается в «строгом разделении функций государственного управления и задач религии». Он настаивает, что государство никоим образом не должно вмешиваться в «дела души» и применение репрессивных мер в этой области «абсолютно неприемлемо». Источник всех зол, по мнению Локка, лежит в ошибочном смешении функций Церкви и государства, и отделение их друг от друга — основной принцип современного либерального общества.

«Я утверждаю, что власть государя не доходит до установления истин веры и форм богослужения силой его законов»

Джон Локк, 1689

**В сухом остатке
Сомнительная
и парадоксальная добродетель**

07 Скептицизм

При нынешних темпах технического прогресса, возможно, уже в скором времени наша цивилизация достигнет такого уровня технологического развития, что сумеет создать невероятно сложный компьютерный симулятор человеческого сознания и мира, в котором это сознание сможет существовать. Для поддержания многочисленных виртуальных миров достаточно будет маленького ноутбука, и потому численность виртуальных личностей намного превосходит численность биологических. Качество иллюзии столь высоко, что опыт биологических и виртуальных личностей ничем не различается, и те и другие, естественно, считают именно себя настоящими, но последние определенно заблуждаются. Но мы-то уж точно знаем, что во-все не являемся порождениями электронного мозга, живущими в вымышленной вселенной...

Или все же?.. Разве мы можем утверждать это наверняка? Откуда нам знать, может, подобные компьютерные технологии уже появились и компьютерный разум давно существует? Следуя логике вышеописанного сценария, более чем вероятно, что мы давным-давно живем в иллюзорном мире.

О колбах и виртуальных мирах Серьезная пища для размышлений приготовлена по рецепту шведского философа Ника Бострома. Его «доказательство симуляции» (приведенное здесь в упрощенном виде) — не первый аргумент в пользу того, что наши представления о себе и окружающем мире могут оказаться чудовищным заблуждением. В 1981 году американский философ Хилари Патнэм поведаль

СТРЕЛА ВРЕМЕНИ

V в. до н. э.

Диалектический метод Сократа подрывает догматические позиции оппонентов

Около 300 г. до н. э.

Пиррон из Элиды предлагает достичь безмятежности через отказ от суждений

1637

Декарт обращает скептицизм против скептиков

знаменитую историю о злом гении, который удаляет человеческие мозги и помещает их в колбу с питательным раствором. Суперкомпьютер, подключенный к мозгу, создает у человека — или это просто мозг? — представление, что в его мире все обстоит идеально. Напоминает кошмар, сюжет научно-фантастического романа, но именно это вы и сказали бы, будь ваш мозг погружен в питательную жидкость. Проблема в том, что вы не можете утверждать наверняка, что это не так, и если такую возможность нельзя исключить, то все, что вы знаете об окружающем мире, является ложным. А тогда получается, что на самом деле вы ничего не знаете, верно?

Сценарии, подобные сюжетам Патнэма и Бострома, всегда были мощным оружием в арсенале философов-скептиков. Скептическая позиция состоит в том, что подвергается сомнению наше право заявлять о собственном знании. Мы полагаем, что нам известно множество вещей, но как мы можем доказать это? Наше представление о мире базируется на восприятии, полученном с помощью органов чувств. Но ведь подобная модель восприятия не исключает ошибок? Можем ли мы быть уверены в том, что воспринятый образ не галлюцинация, не сон или, к примеру, не причуда нашей памяти? Если сон неотличим от опыта бодрствования, мы никогда не можем быть уверены, что то, что мы считаем фактом, на самом деле им является, что полагаемая нами истина на самом деле истина. Похоже, всегда существует вероятность, что мы всего лишь мозги, болтающиеся в своих колбах, или виртуальные аватары в компьютерном симуляторе.

Греческие скептики Скептицизм, берущий свое начало в Древней Греции, развивался как противоположность догматизму, утверждавшему определенную раз и навсегда точку зрения на положение дел на земле и/или на небесах. Предвосхищая вопросы, которые встанут вновь спустя 2000 лет, греческий скептицизм порожден был в первую очередь осознанием бездонной пропасти между внешней видимостью и реальным положением дел — тем, что наша способность познавать мир лишь больше отдаляет нас от истины и всегда существует вероятность контрпримеров,

«Она (скептическая философия) подавляет всякую страсть, за исключением любви к истине; а последняя никогда не доводится и не может быть доведена до чрезмерно высокой степени»

Дэвид Юм, 1748

1748

Юм предполагает, что «естественный инстинкт» спасет нас от отчаяния сомнений

1981

Хилари Патнэм разрабатывает сценарий «мозга в колбе»

2003

Аргумент симулятора предполагает, что все мы, возможно, давно живем в виртуальном мире

опровергающих любые претензии на знание. Даже один из самих скептиков, платоновский Сократ, использует диалектический метод, позволяющий расшатать любое утверждение, выдвинутое современниками. Скептицизм, из основных положений которого следует вывод, что мудрость заключается в осознании нашего собственного невежества, оказал глубочайшее влияние на последователей. Самый известный скептик, о котором мы знаем лишь из текстов других ученых, Пиррон из Элиды, жил примерно в 300 гг. до н. э. В ответ на условность притязаний на истину — на тот факт, что вопрос об истинности знания никогда не может быть окончательно разрешен, — он посоветовал воздержаться от суждений, пока не будет достигнута безмятежность, защищающая от разочарований, неизбежных в безуспешном поиске определенности.

От сомнений к уверенности? В XV и XVI веках, с появлением первых ростков научной революции, подвергнувшей сомнению все прежнее знание, а с ним и обоснованность теологического подхода, скептицизм вновь набирает силу. По иронии судьбы человек, взявшийся рассеять сомнения скептиков раз и навсегда, в итоге утвердил скептицизм в качестве центрального метода эпохи, и задача его развенчания станет одной из основных для многих последующих поколений философов.

Француз Рене Декарт стоял в авангарде естественно-научной революции, прокатившейся по Европе в XVII веке, — он намеревался (довольно амбициозно) порвать с набившими оскомину догмами Средневековья и «создавать науку» на прочнейшем из фундаментах. Для этих целей он решил обратиться к скептицизму против скептиков, разработав собственный строжайший «метод сомнений». Вместо того чтобы выбирать и выбрасывать гнилые яблоки (его собственная метафора), он полностью опустошает корзину, избавляясь от любых представлений, которые могут вызвать хоть малейшее сомнение. А под занавес он выдумывает злобного демона (явного предка патнэмовского злодея-ученого, поместившего мозг в колбу), у которого лишь одна цель — обмануть мыслителя, так что в корзине Декарта не остается места даже для очевидных истин геометрии и математики.

Освободившись от всего, что предположительно может вызвать сомнения, Декарт отчаянно ищет точку опоры, хоть какой-то фундамент для воссоздания храма человеческого знания:

«Я заметил, что, когда я пытаюсь думать о чем-либо, пускай ошибочно, необходимо, чтобы я, думающий, все же существовал. И наблюдение этой истины — “Я мыслю, следовательно, я существую” [*cogito ergo sum*] — настолько твердо и очевидно, что все экстравагантные гипотезы

Умеренный скептицизм Юма

Жесткие нападки на проект Декарта по утверждению новой науки на основе определенности в течение следующего столетия перешли в сдержанные конструктивные формы — так называемый «умеренный» скептицизм, обязанный своим появлением шотландскому философу Дэвиду Юму. Юм не видел способа отказаться от полноценного скептицизма (или пирронизма, по его определению) и заявил, что наши представления о мире не могут быть подтверждены ни предварительными рассуждениями, ни причинно-следственными факторами; наши впечатления, восприятие единства в природе зависят, по мнению Юма, лишь от наших привычек и обычаев. Но он полагал, что человеческая природа защищает нас от опасности утонуть в сомнениях и предлагает взамен здравый смысл, пускай и лишенный оснований: «Философия превратила бы нас в пирронистов, не будь Природа столь сильна». В итоге на свет появился новый научный и методологический подход, эмпирический и прагматичный: интеллектуальная скромность, признающая, что возможности человека и его разума строго ограничены.

скептиков не могут его поколебать; и тогда я решил, что могу, без малейших сомнений, принять это утверждение в качестве первого принципа философии».

После закладки фундамента дальнейшее строительство оказывается довольно простым. Опираясь на представление о всемилостивом Господе, который гарантирует достоверность наших чувств, Декарт стремительно восстанавливает мир, и можно приступать к реконструкции знания на научной основе. С тех пор убедительность знаменитого *cogito* не раз ставилась под сомнение, но попытки Декарта выбраться из ловушки сомнений, которую он сам себе выкопал, убедили очень немногих. Он вызвал призрак скептицизма, дабы изгнать его, но не сумел усмирить этого злого демона, оставив несколько поколений философов под воздействием злых чар.

В сухом остатке
Бич догмы

08 Разум

«Боги даровали людям разум, и из всех даров этот — величайший», — сказал поэт Софокл в V в. до н. э., в поэтической форме выражая очень давнюю точку зрения на центральную роль разума и рационального мышления в осознании человеком себя и своего места в мире. Собратья Софокла соглашались с ним. Пифагор, таинственный мыслитель VI в. до н. э., очарованный магией цифр и взаимоотношений между ними, был одним из первых, кто благоговел перед могуществом разума. В IV в. до н. э. Платон утверждал, что разум является высшей человеческой добродетелью, а его ученик Аристотель полагал, что правильное использование разума — ядра человеческой личности, отличающего человека от животного, — станет ключом к достижению подлинного счастья.

В Новое время люди по-прежнему были зачарованы разумом, а с XVII века, в эпоху Просвещения, известную как Век Разума, он стал поистине объектом поклонения. Но ведущая роль разума в подлинно человеческой жизни все же не была до конца ясна. Зачастую ему противопоставляли восприятие и опыт — как более приемлемые способы познания мира и поведения человека.

Рационализм и эмпиризм Веком Разума эти времена называли, потому что пионеры его, сначала в Англии, позже в Шотландии и остальной Европе, вознесли факел разума, рассеивающий тени предрассудков и предубеждений, окутывавшие (как считалось) мрачные времена Средневековья. С тех пор любые представления проверялись на пробном камне разума, а не опираясь на традицию или

СТРЕЛА ВРЕМЕНИ

VI в. до н. э.

Пифагор отдает должное могуществу разума в разрешении загадок чисел

Около 441 г. до н. э.

В Афинах поставлена «Антигона» Софокла

Около 350 г. до н. э.

Аристотель утверждает, что именно разум отличает человека от животных

религиозный авторитет. С развитием науки выяснилось, что мир в целом очень стройно организован и его тайны могут быть раскрыты посредством рационального познания. Один из величайших философов Просвещения, немец Иммануил Кант, считал, что человечество завершает период своего младенчества — незрелости, когда людям не доставало «решительности и отваги, чтобы использовать его (разум) без постороннего руководства».

Но разлад между рациональностью и рационализмом наметился уже на ранних этапах Просвещения. Рациональность — предполагавшая, что мнение должно быть основано на тщательной оценке доступных источников, после рассмотрения альтернативных объяснений и т. п., — считалась безусловной добродетелью. Рационализм, с точки зрения которого разум представляет собой уникальный способ постижения фундаментальной истины, напротив, полагали достаточно спорной теорией. Свой философский проект Декарт построил на фундаменте разумной уверенности, которая достигается исключительно путем рассуждений: он надеялся, что разум в состоянии обосновать любое знание, в том числе полученное посредством чувственного восприятия. Превосходство разума в обретении знания поддерживали так называемые «континентальные рационалисты», Лейбниц и Спиноза. Но против центральных аспектов их теории выступали британские эмпиристы — Локк, Беркли и Юм. Самый знаменитый из них, Юм, ограничил область действия рационального, отрицая роль разума в нормальных, эмпирических (основанных на опыте) процессах, которые и формируют знание. Он утверждал, что рассудочная составляющая в принятии решений нравственного характера вторична по отношению к «состраданию», то есть к человеческим чувствам.

«Рационализм становится отвратительным чудовищем, когда претендует на собственное всемогущество. Полагать разум всесильным такое же идолопоклонство, как поклонение каменным истуканам под видом Бога. Я призываю вовсе не к подавлению разума, но к признанию того, что мы отчасти обожествляем разум»

Махатма Ганди, 1926

1637

Декарт превозносит разум в качестве абсолютного гаранта истинности знания

1739–1740

В «Трактате о человеческой природе» Юм утверждает, что рассудок — раб страстей

1781

Кант разрабатывает рационалистическую теорию познания в «Критике чистого разума»

1785

В «Основах метафизики нравственности» Кант доказывает, что разум является определяющим фактором в действиях морали

В «Основах метафизики морали» (1785) Кант возражает Юму, настаивая, что не чувства, обычаи или законы, а именно чистый разум управляет нравственной волей человека. В основе каждого действия лежит определяющее правило, или максима, и подобные максимы могут стать моральными законами, если соответствуют фундаментальному правилу рациональности, так называемому «категорическому императиву»: «Поступай только согласно такой максиме, руководствуясь которой ты в то же время можешь пожелать, чтобы она стала всеобщим законом». Иными словами, действие морально приемлемо, только если оно соответствует правилу, которое можно всегда и везде применять к себе и окружающим. Например, мы можем предложить максиму, согласно которой ложь и воровство приемлемы. Но ложь и воровство возможны только при наличии правды и собственности, и потому было бы странно желать превратить ложь и воровство во всеобщий закон. Таким образом, внутренняя логика становится для Канта лакмусовой бумажкой морали, и для постижения данного принципа достаточно одного лишь разума.

Наиболее обстоятельно рационалистская теория познания изложена Кантом в «Критике чистого разума» (1781). Обдуманно величественным заявлением, которое он уподоблял коперниканской революции в астрономии, Кант

Раб страстей?

Яблоком раздора для рационалистов и эмпиристов был вопрос о возможности рациональной оценки добра и зла. Основными противниками выступали Кант и Юм.

В своем «Трактате о человеческой природе» (1739–1740) Юм представляет субъективистский взгляд на мораль. Он утверждает, что вы никогда не увидите порочности в якобы порочных действиях, «пока не заглянете в собственное сердце, где найдете возмущение и гнев по поводу совершившегося». И вот это уже неоспоримый факт; но он имеет отношение к вашим чувствам,

а вовсе не к разуму. И кроется внутри, а вовсе не в окружающем мире. В своих поступках люди руководствуются «нравственным ощущением» или «симпатией», каковая, по сути, есть способность ощущать радость и страдания других; именно это чувство, а вовсе не разум лежит в основе нравственности и морали. Разум играет роль в понимании последствий наших поступков и в рациональном планировании путей достижения определенных целей, но сам по себе он не способен быть побудительной силой. Как сказал Юм: «Разум есть и должен быть только рабом страстей».

решился продемонстрировать, что вся предыдущая философия была устроена задом наперед. В ее основе лежало предположение, что «все наше знание должно соответствовать целям», — и поэтому она потерпела неудачу, — а он предложил изменить концепцию, чтобы подчинить цели нашим знаниям. Существуют, утверждал он, такие понятия, или категории мышления, как причины и следствия, которые мы не можем познать из окружающего мира, но должны их использовать, чтобы получить о них представление. Мы можем быть уверены, что наша логика или математика не утратят ценности в свете опыта, поскольку принципы и модели, на которых они строятся, являются плодом нашего абстрактного мышления, ограничивающего «непрестанное смятение» нашего восприятия. Именно эта способность вносить строгий порядок в хаос чувств и составляет могущество разума, или рациональность.

Ловушка математики

Для рационалистов, убежденных в способности разума уловить истину, находящуюся за пределами чувственного восприятия, особой привлекательностью всегда обладала математика. Она представляет собой парадигму сознания — реальность абстрактных объектов, доступных для исследования лишь при помощи рационального анализа. Эмпирики, разумеется, не могли игнорировать такой вызов — они вынуждены были либо отрицать возможность познания математических истин таким путем, либо попытаться продемонстрировать, что подобные истины, по сути, тавтологичны или просто не имеют значения. Последнее суждение обычно сводится к утверждению, что абстрактные математические факты — в действительности просто игра ума, а математическое мышление — это лишь система договоренностей, цель которой не открытие, а устранение противоречий; формальное доказательство, но не подлинная истина.

В сухом остатке
Хозяин
или раб страстей?

09 Наказание

«Когда читаешь историю... становится тошно не от преступлений, совершенных уголовниками, а от наказаний, наложенных праведниками. Общество бесконечно больше развращается обыденностью наказаний, чем случайными преступлениями». Так, в свойственном ему изящном стиле, Оскар Уайльд под видом марксистских рассуждений об эстетике в эссе «Душа человека при социализме» (1891) сформулировал, возможно, главный социальный парадокс в отношении преступления и наказания. В определении вины и наложении кары государство переходит привычные этические границы и в некотором смысле уподобляется самому преступнику. И таким образом ставит под сомнение само понятие цивилизации.

Основной функцией цивилизованного общества является защита прав своих граждан: защита их от несправедливостей и всяческого вреда, защита их права выражать свое мнение, гарантия свободы слова и передвижения. Может ли такое общество намеренно причинять вред своим гражданам, исключать их из политического процесса, ограничивать их свободы? Ведь именно этим оно и занимается, волей-неволей наказывая граждан за нарушение им же установленных правил.

С философской точки зрения проблема наказания заключается в объяснении и оправдании государства, которое постепенно опускается до уровня преступника в попытках покарать его. Отвечая на эти вопросы, пенологисты обычно придерживаются одной из двух линий доказательств. Одни подчеркивают благотворные последствия наказания, то есть устрашение и сдерживание преступника, защиту

СТРЕЛА ВРЕМЕНИ
1789

Бентам заявляет, что «все наказания по сути своей зло»

1823

В Великобритании благодаря усилиям Элизабет Фрай проведена реформа тюремной системы

общества от его действий. Другие утверждают, что наказание является благом само по себе — как форма воздаяния, как выражение общественно-го неодобрения, независимо от иных положительных аспектов.

По заслугам Согласно распространенной точке зрения, люди должны получать то, что заслуживают: награду за достойное поведение, наказание — за недостойное. Представление о том, что преступники должны расплачиваться (потерей свободы) за проступки, не противоречит нашей интуиции. Иногда делают и следующий логический шаг — проступок нарушает существующее в обществе равновесие, и нарушитель должен его восстановить, «выплатив долг» государству. Гражданин обязан соблюдать установленные обществом правила и, нарушив их, оказывается у общества в долгу, а долги следует возвращать. Финансовую метафору можно продолжить: как размер выплаты зависит от размера кредита, так и тяжесть наказания должна соответствовать тяжести преступления.

«Если нарушитель закона не несет наказания, тот, кто его соблюдает, оказывается обманутым. Это, и только это является причиной, по которой преступник должен быть наказан: определить законопослушное поведение как достойное и полезное и поощрить соблюдение законов»

Томас Шац, 1974

Идею о том, что «наказание должно соответствовать преступлению», отражает ветхозаветный принцип *lex talionis* — «око за око, зуб за зуб». В этом случае подразумевается, что не только тяжесть, но и сам характер наказания должен быть эквивалентным проступку. Например, сторонники смертной казни часто утверждают, что единственное достойное наказание за лишение жизни — ее утрата. Впрочем, в ситуации с иного рода преступлениями они менее настойчивы, и мало кто предлагает насильствовать насильников (хотя на деле и такое случается). Библейское обоснование ретрибутивизма порождает и основную его проблему: *lex talionis* тесно связан с представлением о «мстительном Боге», и для того, чтобы оставаться на прочном моральном фундаменте, ретрибутивистам приходится быть

1840

В австралийских тюремных колониях впервые введена современная система условно-досрочного освобождения

1891

Опубликовано эссе Оскара Уайльда «Душа человека при социализме»

2007

Около 40% смертных казней в мире осуществляется в Китае

2008

Смертная казнь применяется в 36 из 50 американских штатов

осторожными, дабы не скатиться в банальное мщение. Некоторые преступления якобы «вопиют» о страшных карах, и наказание всего лишь отражает общественное негодование, но, по сути, это мало чем отличается от жажды возмездия, каковая, безусловно, не оправдывает расправы.

Необходимое зло Представление о безусловном благе наказания отвергают те, кто озабочен социальными последствиями. Иеремия Бентам, философ XVIII века и создатель классического утилитаризма, считал наказание несомненным злом: «Все наказания несут в себе вред: все наказания по сути своей зло». С такой точки зрения наказание можно полагать в лучшем случае необходимым злом: наказание — зло, поскольку увеличивает количество несчастий в мире; но оправданно, поскольку пользы от него

«**Способствует ли пожизненное заключение безопасности общества? Никким образом. Оно ожесточает сердца, и утрата жизни представляется людям благом**»

Элизабет Фрай, 1848

все же больше, чем вреда. Данную позицию не следует считать исключительно теоретической, ибо в высшей степени прагматичная Элизабет Фрай, инициатор тюремной реформы в XIX веке, заявила: «Наказание — это не месть, задача его — сократить преступность и изменить преступника к лучшему».

В случае серьезных правонарушений, когда под угрозой оказывается общественная безопасность, трудно оспаривать необходимость самого сурового поражения в правах. Убийца, сидящий в тюрьме,

не совершит новых преступлений. Другое утилитарное оправдание необходимости наказания, устрашение, объяснить сложнее. Кажется странным утверждение, что кого-то следует наказать не столько за уже совершенное преступление, сколько для того, чтобы никто больше не осмелился на подобные поступки. Да и практическая польза такого подхода сомнительна — исследования показывают, что потенциальных преступников останавливает скорее страх быть пойманным, не зависящий от грядущего наказания.

Еще одна важная составляющая утилитаристского подхода к проблеме преступления и наказания — идея перевоспитания или реабилитации преступника. В этой идее есть своя привлекательность, по крайней мере, для либерально настроенных граждан: наказание как форма терапии, позволяющей перевоспитать преступника и сделать его полезным членом общества. Определенные стимулы для примерно ведущих себя заключенных, такие как условно-досрочное освобождение, являются практическими примерами подобного подхода, но в целом существуют серьезные сомнения относительно способности тюремной системы — по крайней мере, в ее современном виде — достичь такой благородной цели.

Не так уж сложно отыскать изъяны в утилитаристской теории наказаний: случаи, когда преступник не представляет опасности или не нуждается в исправлении или когда наказание вовсе не имеет устрашающего эффекта. Утилитаристы в ответ предлагают целый набор возможных положительных последствий наказания, не настаивая, впрочем, на их универсальности. Некоторые идут дальше и предлагают действительно смешанный подход, в котором остается место для элементов возмездия.

Смертная казнь

Сторонники смертной казни часто ссылаются на то, что по справедливости самые тяжелые преступления должны приводить к самому суровому наказанию. Упоминают и предполагаемые положительные последствия, такие как устрашение преступника и защита общества, но для большинства сторонников эти факторы не являются единственно важными: они считают, что казнь — это симметричный ответ, отражающий отвращение общества к такого рода преступлениям. Их оппоненты утверждают, что идея устрашения неубедительна, а пожизненное заключение преступника обеспечивает не меньшую защиту обществу, в то время как сама идея смертной казни унижает общество в целом. Сильнейший аргумент против смертной казни — уверенность в том, что невиновные уже пострадали прежде и в дальнейшем, вероятно, неизбежны подобные судебные ошибки, — сложно опровергнуть. Можно возразить, что некоторые преступники предпочли бы смерть жизни за решеткой, следовательно, им надо предоставить возможность выбора наказания. С другой стороны, если задача судебной системы состоит в том, чтобы налагать максимально суровое наказание на совершивших наиболее тяжкие преступления, этот аргумент можно использовать в пользу пожизненного заключения, продлевающего мучения.

В сухом остатке
Необходимое зло?

10 Материализм

«Эти люди не сидят на пляже, прислушиваясь к рокоту прибоя. Они сидят на пляже, прислушиваясь к колебаниям атмосферного давления, создающего энергию океанических волн, каковая перераспределяется в форме звука в хаотической турбулентности отмели... Они не любят, как розовеет небо на западе в лучах закатного солнца. Они наблюдают смещение спектра солнечного излучения в сторону длинных волн, пока более короткие постепенно рассеиваются, по мере того как вращение Земли отдаляет нас от источника излучения».

За этой, возможно забавной, картинкой скрывается очень серьезное представление о будущем, высказанное в 1979 году Полом Черчлендом, философом канадского происхождения. По мере развития научного понимания, утверждает Черчленд, «народная психология» — бытовой способ мышления и выражения внутренней жизни в терминах представлений, желаний, намерений, суждений и т. п. — исчезнет, а на смену ей придут строгие концепции и описания, разработанные нейронаукой.

Черчленд, подобно большинству современных философов и ученых, является материалистом (или физикалистом). Вдохновленный бесспорными успехами науки, он полагает, что весь мир, включая самого человека, исключительно материален; Вселенная — это физический объект и может быть описана в простых физических терминах. Следовательно, для не-физического места не остается: ни для духовного и сверхъестественного (включая Божественное), ни для сознания и ментальных явлений в той части, где они оказываются за пределами физической реальности. «Элиминативный материализм» Черчленда,

СТРЕЛА ВРЕМЕНИ

1640-е

Декарт заявляет о существовании дуализма

1710

Епископ Беркли предлагает нематериалистическую теорию

1949

Гилберт Райл предлагает классическое описание (логического) бихевиоризма

«Никто не имеет ни малейшего представления о том, как нечто материальное может обладать сознанием. Никто не знает даже, на что это похоже — иметь представление о том, как нечто материальное может обладать сознанием. Это чудесчур для философии сознания»

Джерри Фодор, американский философ, 1992

названный так за стремление полностью избавиться от народной психологии, представляет собой крайнюю степень материализма. Но проблема, к которой он обращается, не менее важна и для других философов-материалистов. Все мы прекрасно осознаем, что обладаем сознанием и всей совокупностью ментальных феноменов, которые его составляют. Каким образом эта изобилующая смыслами внутренняя жизнь, сугубо частная и субъективная, соотносится с предельно материальным взглядом на мир, который формирует наука, сугубо объективная и лишенная предрассудков?

Трудные отношения Успехи нейронаук не оставляют сомнений в существовании тесной связи между психикой и физическим состоянием тела. За исключением элиминативистов вроде Черчленда, которые считают психику примитивной и отживающей концепцией, материалисты в основной своей массе своей согласны, что опыт сознания рождается или определяется электрохимическими процессами в нервных волокнах, из которых, собственно, и состоит мозг. Однако относительно природы этого «рождения» взгляды решительно расходятся.

Раньше многие материалисты считали, что определенные психические состояния можно соотнести с определенными процессами в мозге; ощущение боли, например, связано с возбуждением участка нейронной сети; таким образом, боль не является побочным продуктом специфического процесса в мозге — она и есть тот самый процесс (идентична ему). Однако «множественная реализуемость» — психическое состояние может быть порождено несколькими различными физическими процессами — положила конец этим наивным рассуждениям. Сегодняшние материалисты предлагают не-симметричную зависимость, так называемое «последствие»,

1950-е

В ответ на проблемы, вставшие перед бихевиоризмом, появляется функционализм

1974

Томас Нагель интересуется «Каково быть летучей мышью?»

1979

Пол Черчленд формулирует понятия элиминативного материализма

Идеалистический поворот

Серьезным стимулом для развития материализма стали жесточайшие препятствия, с которыми столкнулся дуализм тело/сознание, приписываемый французскому философу XVII века Рене Декарту. Взаимоотношения между столь различными явлениями, как духовное и материальное, настолько таинственны, что естественно обращение к монизму — принятию того, что в мире существует лишь одна особая «материя». В то время как одни философы убеждены, что речь идет именно о физической материи, другие, следующие путем идеализма, утверждают, что реальность состоит из идей и сознания.

Знаменитый идеалист XVIII века ирландский епископ Джордж Беркли был поистине напуган тем, что, если наше восприятие мира ограничено (а по его

мнению, так оно и есть) «подобиями, или идеями о предметах», нет никакой возможности подтвердить, что эти идеи действительно соответствуют внешним объектам. Между нами и внешним миром всегда существует «пелена восприятия»; мы пойманы в ловушку представлений, а это открывает путь крайнему скептицизму. Беркли находит неожиданное решение — отказаться от внешнего физического мира; он заявляет, что за «пеленой» ничего нет, а подлинная реальность как раз и состоит из идей. Жаль, что сегодня Беркли вспоминают преимущественно в связи с его знаменитым, но малопонятным опровержением нематериализма, увековеченным в «Жизни Сэмюэла Джонсона» Босуэлла: «Изо всех сил стукнув ногой по большому камню, [он воскликнул]: "Так я его опровергаю"».

согласно которому психическое следует за физическим — в том смысле, что первое полностью определяется вторым, но второе может происходить без первого. Можно провести параллель с эстетическими свойствами объекта, которые определяются его основными физическими характеристиками, но ими не ограничиваются. Но похоже, введение нового понятия просто переместило проблему в другую область, а вовсе не разрешило ее.

Самой влиятельной и распространенной среди современных материалистических теорий, объясняющих взаимоотношения тела и сознания, является, пожалуй, функционализм — теория, выросшая из более ранней, ошибочной теории, известной как бихевиоризм (центральная идея бихевиоризма заключается в том, что ментальные явления могут быть переведены, без потери смысла, на язык поведения).

Согласно функционалистской точке зрения, ментальные состояния функциональны: состояние сознания определяется как функция, которая взаимодействует с различными входными параметрами (причинами, вызывающими эту функцию) и воздействует на другие состояния и выходные параметры (проявляющиеся в поведении). Проблема функционализма (как прежде бихевиоризма) в том, что он не проливает свет на психические состояния, концентрируясь на взаимодействиях между ними в категориях «входа» (разные стимулы) и «выхода» (различное поведение). В результате функционализм не в состоянии ничего сообщить о сознании *per se*, поскольку не обращается именно к тому аспекту, который, по мнению большинства, и нуждается в разъяснении.

“В отсутствие сознания проблема тело/разум стала бы значительно менее интересной. А при наличии его она кажется совершенно безнадежной”

Томас Нагель, 1979

О летучих мышах

Ощущение неудовлетворенности, которое испытывали многие по поводу современных попыток анализировать душевную жизнь и сознание через сухую физическую терминологию, блестяще ухватил и описал американский философ Томас Нагель в работе 1974 года «Каково быть летучей мышью?». «Каково это — быть летучей мышью? Недостаточно представить, что руки наши оснащены перепончатыми крыльями, позволяющими нам порхать на рассвете и на закате, хватая ртом насекомых; недостаточно представить, что зрение у нас паршивое, а мир мы воспринимаем, улавливая отраженные ультразвуковые сигналы; недостаточно представить, что дни мы проводим в дреме, повиснув вверх тормашками на чердаке. Все, что я могу себе вообразить, говорит мне лишь о том, как бы почувствовал себя я, если бы вздумал вести себя, как летучая мышь. Но я ставил вопрос не так! Я хочу знать, как чувствует себя изнутри сама летучая мышь!» Центральная мысль Нагеля заключается в наличии «субъективного характера опыта» — что означает быть неким существом, с точки зрения самого этого существа. Эта субъективность никогда не принималась в расчет материалистами. «Если факты, информирующие о том, как переживает свой опыт сам организм, доступны только с одной точки зрения, — пишет Нагель, — то и истинный характер этого опыта можно обнаружить лишь в физической деятельности этого организма». И это все, что может предложить наука.

В сухом остатке Бытие определяет сознание

11 Релятивизм

«Сегодня на подлинно верующих людей навешивается ярлык “фундаменталистов”. Тогда как релятивизм, позволяющий “браться из крайности в крайность при малейших новых веяниях”, представляется единственной позицией, соответствующей нашему времени. Мы создаем диктатуру релятивизма, который ничего не признает в качестве абсолютной истины и главенствующей целью которого является исключительно эго и желания каждого отдельного человека».

18 апреля 2005 года, за день до своего избрания Папой Бенедиктом XVI, кардинал Йозеф Ратцингер произнес проповедь, в которой причиной социального и нравственного разложения, проявляющегося в таких явлениях, как однополые браки и аборт, назвал распространение релятивизма. Устои веры, которая «открывает наши сердца добру и дает знания, позволяющие отличать истинное от ложного», узурпированы, по его мнению, разрушительным представлением о том, что одна точка зрения ничуть не лучше другой и, следовательно, абсолютная истина недостижима. Результатом становится чувство ложной свободы, приводящее к нравственной, прежде всего сексуальной, распущенности.

Что есть мораль в определенном времени и месте? Это то, что нравится большинству там и тогда, а аморально то, что им не нравится

Альфред Норт Уайтхед, 1941

Хотя консервативная программа нового Папы была предельно ясна, он тем не менее констатировал социальную и политическую важность того образа мышления, который широко распространен, особенно в либеральных западных демократиях. От поверхностного суждения по любому поводу, что «все относительно», делается шаг к «все дозволено»,

СТРЕЛА ВРЕМЕНИ

VI в. до н. э.

Царь Персии Дарий демонстрирует (согласно Геродоту) склонность к релятивизму

V в. до н. э.

Крайний релятивист Протагор побежден Сократом в диалоге Платона

и в последние десятилетия нет недостатка в либертарианцах, которые повторяют эту мантру в противовес традиционным или реакционным силам — и не только религиозным.

Человеческая плоть... Релятивизм может принимать крайние формы, как указано выше, но все же необходимость определенного морального и культурного релятивизма признавалась на протяжении тысячелетий. Историк Геродот, живший в V в. до н. э., поведал историю о греках, которых пригласили ко двору персидского царя Дария и спросили, как они отнесутся к идее поедать тела своих умерших отцов. Греки пришли в ужас, но рядом с ними оказались люди из племени каллатов, у которых существовал именно такой обычай, — они, в свою очередь, ужаснулись обычаю греков сжигать своих покойников. В финале историк процитировал поэта Пиндара: «Обычай — царь всего». Другими словами, ни одна из сторон не права и никто не ошибается — у каждой группы собственные обычаи и традиции, и судить о поведении людей следует в соответствии с их культурным кодом.

Такие примеры культурных различий поддерживают точку зрения релятивистов: не существует абсолютной и универсальной истины, все моральные оценки и мнения следует выносить только в соответствии с социальными нормами данной группы. Релятивистская идея, по сути, состоит в том, чтобы относиться к моральным суждениям так же, как к эстетическим. Вы любите устрицы, а я нет, и мы просто признаем различия: нечто правильно для вас, но не для меня. Если вы откровенно признаетесь, что любите нечто, вы не можете ошибаться — это истина (для вас). Точно так же, утверждают релятивисты, если мы (в роли общества) одобряем смертную казнь, — это морально оправдано (для нас) и нам не стоит в этом сомневаться. И если мы не пытаемся убедить людей отказаться от любви к устрицам и не критикуем их за эту привязанность, то и в случае морали подобная критика неуместна.

Моральные расхождения Проблема в том, что наша нравственная жизнь полна осуждений и конфликтов. Мы привычно занимаем жесткую позицию по некоторым вопросам, как, например, смертная казнь, а зачастую со временем меняем точку зрения. Ярким релятивистам пришлось бы признать: то, что верно для одного, не годится для остальных, или истинное для нас сейчас перестанет быть таковым потом. И в случае с проблемами геноцида, рабства, женского обрезания, узаконенного убийства младенцев релятивистам пришлось бы проглотить эту горькую пилюлю.

1962

Концепция Куна о смене парадигмы предполагает, что наука не свободна

2005

Папа Бенедикт XVI осуждает «диктатуру релятивизма»

Научный релятивизм

В книге «Структура научных революций» (1962) американский философ Томас Кун подверг сомнению общепринятый взгляд на научный прогресс как поступательный процесс, в котором каждое поколение ученых опирается в своих трудах на работы предшественников. Вместо этого Кун предположил, что история развития науки — это куда более неровный, ухабистый путь дискретного и скачкообразного прогресса, с периодическими революционными кризисами, которые он назвал «смена парадигмы». Центральный элемент куновской картины развития науки — представление о неразрывной связи науки и комплекса культурно-исторических и прочих факторов. Хотя сам Кун пытался дистанцироваться от релятивистского толкования своей работы, его идеи поставили под сомнение представление о задаче науки как поиске объективно истинных фактов об устройстве мира. Какой вообще смысл говорить об объективной истине, если каждое научное сообщество определяет свои собственные критерии оценки доказательств, а затем пропускает все данные через мелкое сито существующих идей, убеждений и концепций? Обычное представление о достоверности научной теории заключается в том, что она выдерживает проверку объективными фактами. Но что, если не существует никаких «объективных» фактов и нет строгой связи между теорией и экспериментальными данными? Что, если, как утверждает Кун, каждое наблюдение «подкреплено теоретически» — то есть окутано толстым слоем существующих представлений и концепций?

Неспособность релятивизма принять во внимание аспекты, характерные для морали нашей нынешней жизни, обычно рассматривается как решающий удар против него, но релятивисты могут попытаться обернуть дело в свою пользу. Они будут настаивать, что не следует критиковать и осуждать других; что мы должны быть более толерантны, открыты и объективны, более чутки к чужим обычаям и манерам. Релятивизм рождает толерантность и объективность, утверждают они, а не-релятивисты просто фанатики, нетерпимые ко всему, отличающемуся от привычного им. Но это лишь карикатура: на деле нет никакого противоречия в том, чтобы сохранять толерантность по общим проблемам, но при этом полагать, что в некоторых вопросах другие люди или другие культуры могут ошибаться. В действительности релятивист страшно боится, что именно не-релятивист сумеет продемонстрировать толерантность и культурную чуткость в качестве универсальных ценностей!

Познавая в перспективе Строгий, или радикальный, релятивизм довольно быстро приводит к затруднительным положениям. А что, если сама идея об относительности всех норм относительна? С этим придется согласиться во избежание противоречий; но если это так, тогда мое заявление, что все нормы абсолютны, оказывается истинным для меня. Подобного рода непоследовательность стремительно проникает во все сферы, вплоть до того, что релятивизм не в состоянии последовательно и искренне мотивировать собственную позицию. Саморазрушительная природа радикального релятивизма была отмечена в самом его зарождении еще Платоном, который продемонстрировал противоречия релятивистской позиции софиста Протагора в диалоге его имени. Ключевой момент — рациональная дискуссия зависит от наличия некоей общей почвы; мы должны согласиться хоть в чем-то, чтобы содержательно взаимодействовать.

«Человек есть мера всех вещей»

Протагор, V в. до н. э.

Абсурдность тотального релятивизма порой закрывает собой глубинный смысл, содержащийся в его более сдержанных формах. Самый важный урок релятивизма заключается в том, что знание само по себе перспективно: мы всегда смотрим на мир под определенным углом, с определенной точки. Не существует выгодной внешней позиции, с которой мы можем наблюдать мир «как он есть». Это мнение часто объясняют в свете концептуальных схем или рамок. Проще говоря, мы можем воспринимать лишь образ реальности в наших концептуальных рамках, которые определяются сложной комбинацией факторов, в том числе и нашими культурно-историческими особенностями. Да, мы не можем выйти за границы собственной концептуальной схемы и объективно взглянуть на вещи — «глазами Бога», но это вовсе не означает, что мы вообще не можем ничего познать. Точка зрения — это точка зрения на что-то, и, сравнивая различные взгляды, мы можем надеяться объединить их и создать объемное представление, более полную картину мира.

В сухом остатке
Все позволено?

12 Утилитаризм

Кирк непременно умрет в течение недели, его жизнь поддерживается лишь аппаратами. Но его сердце и почки в прекрасном состоянии и идеально подходят для пересадки Скотти и Боунсу, которые, определенно, умрут еще раньше, чем он, если не получат донорских органов, но в случае трансплантации прогноз у них исключительно благоприятный. Других доноров на «Энтерпрайзе» нет. Разумно ли позволить умереть Кирку — или даже убить его, — чтобы спасти Скотти и Боунса? С одной стороны, очевидно, что в целом смерть Кирка принесет пользу; с другой стороны, сам факт выбора, предполагающий гибель человека, кажется нам неправильным, независимо от возможных положительных последствий.

Многие философы разделяют идею о том, что оценивать правильность или неправильность поступков следует в свете их последствий (такой подход называется консеквенциализмом). Утилитаризм, самая

«Природа поставила человека под управление двух верховных властителей — страдания и удовольствия.

Им одним предоставлено определять, что мы можем делать, и указывать, что мы должны делать»

Иеремия Бентам, 1789

значимая из консеквенциалистских теорий, представляет довольно специфический взгляд, согласно которому любое действие оценивается как правильное или неправильное в зависимости от того, насколько оно способствует улучшению человеческого состояния.

Сценарий с Кирком может показаться надуманным, но подобные ситуации морального вызова возникают в жизни постоянно.

Политики, к примеру, обязаны принимать важные решения по поводу использования

СТРЕЛА ВРЕМЕНИ

Конец XVIII в.

Бентам заложил основы классического утилитаризма

Машина иллюзий

В 1974 году американский философ Роберт Нозик предложил мысленный эксперимент, поставивший под сомнение предположение, лежащее в самой основе утилитаризма. Представьте, что есть некая «машина иллюзий», она создает воображаемую жизнь, в которой осуществляются самые заветные желания и стремления. Подключившись к машине, вы никогда не узнаете, как обстоят дела в действительности, — вы будете уверены, что мир вокруг реален, что все это происходит на самом деле. У вас есть шанс выбрать между реальной жизнью, полной разочарований и неудач, и виртуальным существованием, состоящим из непрерывного удовольствия и бесконечного успеха. «Подключитесь?» — спрашивает Нозик. — Имеет ли для нас значение что-нибудь, кроме нашего собственного восприятия

окружающего мира?» «Еще как имеет», — звучит в ответ. Несмотря на очевидную привлекательность «генератора иллюзий», большинство людей, по мнению Нозика, предпочтут не подключаться к этой фантастической машине. Реальность жизни, ее аутентичность важна сама по себе: мы хотим совершать действия, а не только испытывать удовольствие от этого процесса. Если бы удовольствие было единственным определяющим фактором, единственным источником радости в жизни, такой выбор вообще не стоял бы. Значит, должно быть нечто иное, помимо удовольствия, что считается действительно важным. Но если доверять интуиции Нозика, тогда утилитаризм, по крайней мере в его классической интерпретации, теряет смысл.

государственных средств и определения приоритетов в здравоохранении, что порой приводит к гибели невинных людей. Если принять человеческое благополучие в качестве универсального критерия, как предлагают утилитаристы, открываются возможности принятия подобных решений на рациональной основе.

Классическая формулировка утилитаризма была предложена в XVIII веке его основателем Иеремией Бентамом. С точки зрения Бентама, «полезность» есть не что иное, как человеческое счастье, и его этическую теорию часто сводят к формуле «наибольшее счастье для наибольшего количества людей». Один из главных аргументов Бентама заключался в том, что данная

1861

Эссе Милля «Утилитаризм» в защиту Бентама уточняет его теорию

1974

«Машина иллюзий» Нозика ставит под сомнение основные положения утилитаризма

теория позволяет создать рациональную научную основу для решения этических и социальных проблем — в отличие от хаотичных и непоследовательных интуитивных представлений, лежащих в основе так называемого естественного права. С этой целью он предложил *«felicific calculus»*, «исчисление счастья», согласно которому удовольствие и боль, вызванные действием, можно измерить и сравнить, а правильность такого действия можно определить с помощью простой арифметики.

«Лучше быть несчастным Сократом» Критики поспешили указать, насколько ограничена предложенная Бентамом концепция морали. Предположив, что в жизни нет ничего важнее удовольствия, он попросту отбросил все, что мы сочли бы безусловно значимым, — знание, честь, успех. Его молодой современник утилитарист Дж. С. Милль заклеил такую позицию как «доктрину, достойную только свиней». Сам Бентам в восхитительной манере парировал: «Если отбросить предрассудки, — игра в пятнашки не менее ценна, чем искусство, наука, музыка или поэзия».

Самого Милля не устраивала категоричность Бентама, и он стремился модифицировать утилитаризм, сделать его менее уязвимым для критики.

В придачу к двум составляющим меры счастья Бентама, длительности

«Любое действие верно настолько, насколько оно способствует счастью, и неверно настолько, насколько оно способствует его противоположности»

Дж. С. Милль, 1861

и интенсивности, Милль добавил третью переменную — качество, — создав тем самым иерархию «возвышенных» и «низменных» удовольствий. Некоторые удовольствия — «духовные» и «интеллектуальные» — по природе своей «выше» простых радостей плоти и обладают большей ценностью при исчислении полезности. В соответствии с этой концепцией Милль вынужден был признать, что «лучше быть несчастным Сократом, чем счастливым глуп-

цом». Этот компромисс, однако, недешево обошелся утилитаризму. Одно из главных достоинств схемы Бентама — простота — было утрачено. Более того, разделение удовольствий на «возвышенные» и «низменные» требует критерия, позволяющего их оценивать. Если нечто, помимо удовольствия, является значимым для идеи Милля о полезности, возникает вопрос, можно ли вообще считать его теорию утилитаризмом.

Утилитаризм сегодня Классический утилитаризм Бентама и Милля претерпел разнообразные модификации, но основная идея осталась неизменной. Современные формы утилитаризма признают, что счастье человека зависит не только от удовольствий, но также от удовлетворения широкого спектра потребностей и стремлений. Практическое

Там, где кончается долг

Утилитаризм часто критикуют за его чрезмерную требовательность. Предположим, вы решили отдать большую часть своих средств на благотворительность. Ваше благородство, безусловно, произведет впечатление на окружающих, но они, скорее всего, не сочтут обязательным последовать вашему примеру. Но давайте взглянем на ситуацию с точки зрения утилитаризма: если подобная неумеренная благотворительность увеличивает общее благо — что вероятнее всего, — почему нельзя считать этот поступок правильным? Радикальные утилитаристы принимают все следствия их теории и советуют изменить образ жизни в соответствии с ними. Но столь радикальные требования, идущие вразрез

с повседневной моралью, практически объявляют большинство человечества морально несостоятельным.

Экстраординарные поступки подобного рода — проявления удивительного героизма или благородства — обычно удел героев или святых — людей, которые обладают личным чувством долга, чувством того, что именно они должны совершить, и они вовсе не ожидают, что другие последуют их примеру. Но основные формы утилитаризма, безусловно, безличностны, и при этом, как правило, недооценивается важность личных устремлений и обязательств, чувство нравственной целостности человека.

применение идей утилитаризма также интерпретируется по-разному. Согласно непосредственному утилитаризму, или утилитаризму действия, каждый поступок оценивается по его вкладу в общую пользу. Однако, согласно утилитаризму правил, подходящий способ действий определяется на основании законов и правил, которые при условии их соблюдения обеспечат полезность. Так, убийство невинного человека может в определенных обстоятельствах привести к спасению множества жизней и оказаться полезным, потому с точки зрения утилитаризма действия это являлось бы правильным поступком. Но, как правило, убийство ни в чем не повинных людей уменьшает общую полезность, поэтому утилитаризм правил полагает тот же самый поступок неправильным, хотя тот и может иметь положительные последствия при определенных условиях.

В сухом остатке Принцип наибольшего счастья

13 Экзистенциализм

«Как правило, существование прячется от глаз. Оно тут, оно вокруг нас, в нас, оно мы сами, невозможно произнести двух слов, не говоря о нем, но прикоснуться к нему нельзя... Если бы меня спросили, что такое существование, я по чистой совести ответил бы: ничего, пустая форма, привносимая извне, ничего не меняющая в сути вещей. И вдруг на тебе — вот оно, все стало ясно как день; существование вдруг сбросило с себя свои покровы. Оно утратило безобидность абстрактной категории: это была сама плоть вещей... Разнообразие вещей, пестрота индивидуальности были всего лишь видимостью, лакировкой. Лак облез, остались чудовищные, вязкие и беспорядочные массы — голые бесстыдной и жуткой наготой».

К концу романа Жан-Поля Сартра «Тошнота» (1938) главный герой, Антуан Рокантен, переживает ужасающее прозрение, обнаруживая причину тошноты, «приторной болезни», мучившей его всякий раз при столкновении с кем-то или чем-то из окружающей действительности. Сдирая фальшивые покровы — цвет, вкус и запах, скрывающие сырую гомогенную массу бытия, — он приходит в ужас и смятение, потрясенный животной сутью существования — разбухающего, пресыщенного, омерзительного. «Существование всюду до бесконечности излишне, излишне всегда и всюду. Существование всегда ограничено только существованием. <...> Существованием заполнено все, и человеку от него никуда не деться». В ярости и отвращении от громадной массы его, Рокантен восклицает: «Какая гнусность! Какая гнусность!» — и встрахиивается, «стараясь освободиться от этой липучей гнусности, но справиться с ней было нелегко, ее было слишком много, тонны и тонны существований».

СТРЕЛА ВРЕМЕНИ

1840-е

В работах Кьеркегора сформулированы многие базовые понятия экзистенциализма

1880–1890-е

«Сверхчеловек» Ницше наслаждается неограниченной экзистенциальной свободой

Страдание, вызванное давящим бременем существования, — сердцевина экзистенциального видения мира. Для французского интеллектуала Сартра, самого знаменитого представителя экзистенциализма, существование — это очевидный, осязаемый факт, сила, которая «должна внезапно овладеть вами, завоевать вас, неподвижным тяжелым зверем лечь вам на душу». Но, хотя существование само по себе гнетуще избыточно, оно вместе с тем случайно, зависит от стечения обстоятельств: вы есть, но вас могло и не быть — это лишь дело случая. По мнению Сартра, никакого Бога, который мог бы объяснить причины нашего существования, нет; равно как не существует изначальной цели жизни. Вселенной нет дела до наших устремлений, и в этом кроется причина неизменной экзистенциальной тревоги. Но одновременно этот факт дает нам свободу — свободу принимать на себя ответственность, самостоятельно делать выбор, вовлекаться в суету мира и строить планы, имеющие значение только для нас. «Осужденные быть свободными», мы отвечаем за формирование собственных целей проживания жизни, которую мы сами выбрали.

«Человек осужден быть свободным; осужден, потому что, однажды брошенный в мир, отвечает за все, что делает»

Жан-Поль Сартр, 1946

Корни экзистенциализма Экзистенциализм всегда был более позицией, отношением к миру, чем философией в строгом смысле слова; он представлял собой собрание противоречивых идей и концепций. Общий эмоциональный тон в его сердцевине был вызван отчасти осознанием бессмысленности человеческого бытия, его «абсурдности» — ибо все мы явились в этот иррациональный мир в результате случайного импульса, без всякой цели и идеи. Экзистенциальная тревога неразрывно связана с унынием и отчаянием, которыми были окрашены первые десятилетия по окончании Второй мировой войны; в общественном сознании он считается феноменом в первую очередь XX века. Такое восприятие подкрепляется и фигурой самого Сартра, который (наряду с французским писателем Альбером Камю) стал настоящим «лицом» экзистенциализма. Интеллектуальные и литературные достоинства Сартра придали дополнительную выразительность тому движению, которое перешагнуло привычные границы между академической

1927

«Бытие и время» Хайдеггера отбрасывает тень на все последующие экзистенциальные поиски

1938

Опубликован роман Сартра «Тошнота»

1942

В эссе Камю «Миф о Сизифе» сформулирована доктрина абсурда

1943

Опубликована самая значительная философская работа Сартра «Бытие и ничто»

и популярной культурой. Но основные теоретические принципы экзистенциализма были все же разработаны немецким философом Мартином Хайдеггером, с которым Сартр вместе учился в 1930-е годы. Сам же Хайдеггер — исключительно противоречивая фигура, чья репутация пострадала от связей с нацистами, — многим обязан мыслителям прошлого, особенно датчанину Серену Кьеркегору.

«Страх есть головокружение свободы, возникающее постольку, поскольку... свобода заглядывает в собственную возможность и хватается за конечность, чтобы удержаться»

Серен Кьеркегор, 1848

страсти»; осознание потенциала человека как личности, с ощущением собственной индивидуальности, требует активного использования воли: он обязан делать выбор, который создает долговременные цели и этические границы жизни. И наконец, главная обязанность человека — это так называемый «прыжок веры», посредством которого он вступает в тесные отношения с Богом.

Существование предшествует сущности Кьеркегор первым заговорил о страхе, вызываемом осознанием превратностей и случайностей судьбы, которые в итоге приводят нас (как полагает Кьеркегор) к необходимости стать «подобными Христу» в выборе собственного пути. Похожая озабоченность, вкупе с решительным отрицанием Бога, вынудила Фридриха Ницше превозносить идеализированного *Übermensch*, «сверхчеловека», который, отбросив страхи, наслаждается экзистенциальной свободой. Вслед за Кьеркегором Хайдеггер считает полноценный факт существования характерной чертой человеческой жизни («образ жизни» он называет *Dasein* — существование, бытие). Мы не можем избежать тревоги по поводу своего собственного бытия, поскольку, утверждает Хайдеггер, человеческие создания — единственные существа, для кого существование является проблемой. Он, как и Кьеркегор, использует термин «страх» для описания отчаяния, которое мы испытываем, осознав ответственность за структуру собственного существования. Степень этого осознания и определяет полноту и образ нашей жизни.

Именно Кьеркегор впервые заявил, что человеческую жизнь можно понять только с личной точки зрения «этически существующего субъекта». Это он впервые наполнил слово «существование» таким богатством смыслов, которое отражало исключительность человеческого образа жизни. По мнению Кьеркегора, существование в качестве «реального субъекта» — не данность, но достижение. Невозможно «существовать без

Абсурд

Центральным понятием в экзистенциалистских взглядах на человеческое состояние является понятие абсурда. Вселенная по сути своей иррациональна, в том смысле, что для ее существования нет разумного объяснения, и никакого Бога тоже не существует. Следовательно, ценность или смысл человеческая жизнь обретает лишь изнутри, усилиями самого человека. Сам факт существования случаен и сам по себе лишен смысла или — в экзистенциальном смысле — «абсурден». Основную дилемму экзистенциализма сформулировал Альбер Камю в эссе «Миф о Сизифе» (1942): «Человек сталкивается с иррациональностью мира. Он чувствует, что желает счастья и разумности. Абсурд рождается в этом столкновении между призывом человека и неразумным молчанием мира». Брошенный в мир без всякого внешнего руководства и определенной цели, человек вынужден сам искать смысл, утверждая ценность свободы и творчества. Скрытое глубинное смещение и растерянность, окутывающие эту зловещую вселенную, порождают «театр абсурда», в котором Сэмюэл Беккет, Жан Жене и другие экспериментировали с литературой, создавая собственный эксцентричный язык.

Главная идея Хайдеггера в том, что не существует никакой неизменной сущности, определяющей человеческую жизнь, помимо целей, которые мы сами себе ставим и которые придают реальность нашему существованию. Этот тезис, сформулированный в знаменитом лозунге экзистенциализма «Существование предшествует сущности», стараниями Сартра превратился в утверждение: «Мы есть то, что мы сами выбрали». Иными словами, мы есть продукт важных решений, которые приняли самостоятельно. Мы сами создаем собственную сущность и тем самым придаем смысл своей жизни. В данном контексте Сартр вводит понятие «само-обман» для описания существования тех, кто не сумел осознать собственную ответственность за свободный выбор и придать форму своему существованию. Такие люди, по определению Хайдеггера, живут «неаутентично» — проживают жизнь, не признавая и не принимая доступные им возможности, а потому существуют бесцельно, утрачивая человеческую индивидуальность в повседневном бытии.

**В сухом остатке
Осужденные
быть свободными**

14 Зло

Дурные люди совершают дурные поступки, и, если люди и поступки действительно плохи, мы называем их «злыми». Можно использовать и другие слова — безнравственный, развращенный, порочный, — все они описывают одинаковую ситуацию нарушения моральных границ. Но слово «зло» имеет специфическую коннотацию, некий метафизический оттенок, обретенный в результате многовековых ассоциаций с религиозными понятиями.

Зло, находящееся в непримиримой космической оппозиции к добру, неразрывно связано с идеей греха, нарушения Божественной воли. Предполагаемое выступление против Бога (или богов) часто олицетворяет фигура дьявола (или дьяволов). В христианской традиции верховное воплощение зла — это Сатана, лукавый враг Бога, чьи приспешники, демоны, вселяются в людей, дабы подстрекать их к разного рода злодеяниям.

Что считается злом? На первый взгляд тесная связь между злом и грехом является готовым ответом на вопрос об определении зла — что же оно такое. С этой точки зрения действие или явление считается злом просто потому, что нарушает Божественный закон: мораль зиждется на Божественной воле; добро есть добро, а зло есть зло по той простой причине, что Бог установил, что так быть должно. И, поскольку слово Божье сохранено в Библии и прочих священных текстах, у нас есть детальный отчет о том, что нравится или не нравится Богу, и, следовательно, мы имеем авторитетное руководство, что нам следует и чего не следует делать.

СТРЕЛА ВРЕМЕНИ

IV в. до н. э.

Платон сформулировал
«дилемму Евтифрона»

Не повезло быть плохим?

В какой степени злые намерения, которые мы приписываем людям и их поступкам, зависят от везения? Мы можем проявить дурные или положительные черты характера, только если обстоятельства предоставляют нам такую возможность: в этом смысле все мы во власти удачи. Мы можем думать, что неспособны на жестокость, подобную зверствам нацистов в Освенциме, но нельзя быть в этом полностью уверенным. Единственное, что мы можем сказать наверняка, — нам очень повезло, что мы никогда этого точно не узнаем.

Большинство людей на протяжении человеческой истории, безусловно, принимали такую концепцию морали, добра и зла, без всяких вопросов. Но тем не менее проблемы остаются. Во-первых, различные религиозные тексты, посредством которых воля Господа стала известна людям, содержат множество противоречащих друг другу и/или довольно неприятных утверждений. И потому совсем непросто, используя указания самого Бога, построить непротиворечивую систему морали. Вторая проблема, подвергающая сомнению природу Божественной власти, была впервые сформулирована Платоном примерно 2400 лет назад в диалоге «Евтифрон». Предположим, добро и зло определяются одобрением или неодобрением Бога. Но тогда зло порочно, потому что неугодно Богу, или Богу неугодно зло, потому что оно порочно? Если первое, тогда получается, что Бог мог бы решить и по-другому — вполне мог бы одобрить геноцид (допустим), и тогда геноцид считался бы добром; в этом случае мораль не отличается от слепого подчинения деспотической власти. А если верно второе утверждение — Богу неугодно зло, ибо оно порочно, — выходит, что его

Зло не может прекратиться полностью, ибо всегда должно оставаться нечто, противостоящее добру

Платон, IV в. до н. э.

V в.

Святой Августин утверждает, что Бог совершенен, хотя и допускает существование зла

XIII в.

Фома Аквинский формулирует средневековое представление о зле

порочность не зависит от Бога; в этом случае Бог нам вообще не нужен. Итак, когда дело касается нравственности, Бог либо деспот, либо вообще ни при чем, — печальный вывод для тех, кто стремится сделать Бога официальным гарантом своей этики.

Проблема зла Среди вопросов о добре и зле и отношении к ним Бога самой коварной, вероятно, является так называемая «проблема зла» — каким образом совмещаются существование Бога и наличие зла в мире.

Мир очевидным образом полон зла: голод, убийства, землетрясения, болезни — будущее миллионов невинных людей рушится, дети сиротеют, тысячи семей остаются без крыши над головой, в страшных мучениях гибнут младенцы и старики. Тот, кто способен мановением руки прекратить череду страданий, но не делает этого, — бессердечное чудовище. И все же предполагается, что Бог, который в силах остановить весь этот ужас, — существо бесконечно мудрое и милосердное. Зло повсюду, но как оно может существовать параллельно с Богом, который, по определению, способен положить ему конец?

Эта проблема возникает как неизбежное следствие концепции Бога, в которой ему приписываются определенные свойства. Традиционно считается, что Бог:

- всезнающ: он (или она, или оно) знает все;
- всемогущ: он способен совершить все;
- всеблаг: он стремится совершить всякое добро.

Но отсюда следует, что Бог все знает о боли и страданиях в нашем мире, что он способен предотвратить их и что он стремится это сделать. Получается, если не отрицать наличия зла в мире, то либо Бога нет, либо он не обладает перечисленными свойствами: он не знает, что происходит; он просто ничего не может с этим поделать; ему это безразлично.

Возможно ли объяснить, каким образом зло и Бог, со всеми его сверхъестественными качествами, могут сосуществовать? Обычно утверждают, что есть «морально обоснованные причины», по которым Бог, оставаясь нравственно совершенным существом, не всегда избавляет нас от страданий. В некотором смысле в наших же интересах — для нашей пользы — Бог допускает существование зла в мире.

Так что это за высшее благо, которое оправдывает страдания бесчисленного множества людей? Пожалуй, самый мощный и убедительный ответ на проблему зла — так называемый «аргумент свободной воли», согласно которому наши страдания являются платой (и вполне разумной) за возможность совершать свободный выбор. Еще одна важная мысль — подлинная

В защиту свободы воли

Существование зла — серьезнейшая из проблем, с которой сталкиваются сторонники идеи всемогущего, всезнающего и всеблагого Бога. Исторически самой популярной и убедительной — демонстрирующей, что существуют веские причины, почему безоговорочно моральный Бог допускает существование зла, — стала так называемая версия «защиты свободы воли». Свобода воли, гласит она, — это величайший дар Бога человечеству: свобода совершать

осознанный выбор позволяет нам прожить по-настоящему достойную жизнь в глубоком, исполненном любви и доверия внутреннем контакте с Богом. Однако как мы используем этот дар — дело нашей совести; предоставленную нам свободу можно использовать и во зло. Это оправданный риск, ибо Бог не мог бы уничтожить коварство и подлость человеческой природы, одновременно не лишив нас способности осознанно творить добро.

нравственность выковывается на наковальне страданий: только преодолевая трудности, помогая угнетенным, противостоя тирании и т. п., человек превращается в святого или героя, озаряющего мир немеркнущим светом. Однако подобные аргументы выглядят поверхностными рядом с очевидной несправедливостью жизни. Дело не только в том, что общее количество зла и несчастий таково, что объяснить его «воспитательными» целями сложно, но наибольшие страдания выпадают на долю людей добродетельных, в то время как порок остается безнаказанным.

Самый очевидный из недостатков данного тезиса — отсутствие адекватного объяснения существования зла природного. Даже если признать, что свобода воли может оправдать существование «морального зла», как объяснить зло естественное: катастрофы, стихийные бедствия и прочее? Как ограничило бы нашу свободу уничтожение вируса СПИДа, геморроя, москитов, наводнений и землетрясений?

«Если устранить все случаи зла, то в мироздании неоставало бы многих благ»

Фома Аквинский, около 1265

**В сухом остатке
Злодеяния ради
нашей пользы?**

15 Судьба

Мысль о некоей силе, предопределяющей или «программирующей» будущее, издавна занимала умы людей. Судьба, порой воплощенная в образе божества или некоей сверхъестественной фигуры, представлялась человеку неумолимой и неотвратимой силой. «Судьба покорного ведет, а непокорного — тащит», — говорил греческий стоик Клеант. Эта сила действует, не считаясь с положением человека в обществе. «Когда судьба зовет, — писал английский поэт Джон Драйден, — монархи обязаны подчиняться».

Глубоко укоренившееся в массовом сознании представление о том, что наше будущее предопределено и с этого пути не свернуть, не слишком согласуется с иными постулатами привычного образа мыслей. Как правило, мы убеждены, что сами совершаем какие-то действия, по собственному выбору; наше решение обосновано анализом разных вариантов. Но если вся моя жизнь запрограммирована с самого рождения или вообще от начала времен, могут ли мои действия быть действительно свободными? Если любой мой выбор давным-давно высечен на скрижалях, каким образом я могу нести за него ответственность? Если свобода воли всего лишь иллюзия, мой статус нравственно ответственной личности представляется сомнительным. Доверию и осуждению нет места в мире, где правит железная рука судьбы.

Греки и римляне о судьбе В греческой философии и общественном сознании идея о предопределенности человеческой судьбы доминировала с древнейших времен. Греческое слово, обозначающее судьбу, «мойра» («доля, часть» или «судьба, жребий, доля»), относилось и к величайшему дару, подлежащему распределению, — самой жизни.

СТРЕЛА ВРЕМЕНИ

Около 700 г. до н. э.

Древнегреческий поэт Гесиод описал судьбу в образе трех мойр

Около 300 г. до н. э.

Зенон и его последователь Клеант основали афинскую школу стоиков

Около 100 г.

В Риме творит Эпиктет, самый известный из поздних стоиков

Наука: сомнительный союзник судьбы

Казалось бы, наука едва ли может выступать в союзе с древними примитивными представлениями о судьбе. Но на деле стройная регулярность ньютоновской механистической вселенной предполагает детерминистское понимание каждого события, включая действия и выбор, которые мы обычно считаем плодом нашей свободной воли. Говоря попросту, идея детерминизма заключается в том, что любому действию предшествует причина, любое состояние мира предопределено предыдущим его состоянием, которое, в свою очередь, является результатом предыдущих состояний. И эта цепочка может быть продолжена до начала времен, следовательно, история Вселенной предопределена с момента ее возникновения. Получается, научный детерминизм разделяет взгляды древних относительно нашей судьбы, подвергая сомнению тезис о свободе воли и нашей нравственной ответственности.

Многие ученые и философы (так называемые «убежденные» детерминисты) считают, что детерминизм реален и противоречит свободе воли. Наши действия предопределены, и идея свободы наших действий иллюзорна. Другие («умеренные» детерминисты) принимают детерминизм, но отрицают его несовместимость со свободой воли. По их мнению, тот факт, что мы в принципе могли бы действовать по-разному при определенных условиях, позволяет не отказываться от свободы воли; не имеет значения, что выбор предопределен; важно, что выбор нам не навязывается. И наконец, либертарианцы отрицают детерминизм; свобода воли существует, и наши действия не предопределены. Проблема в том, как объяснить действия, происходящие без причины. Точнее, как беспричинное событие может не быть случайным, ведь случайность не менее разрушительна для концепции моральной ответственности, чем детерминизм.

Великий поэт VII века до н. э. Гесиод первым представил судьбу в образе трех женщин, мойр, которые прядут нить человеческой жизни. Клото (Прядущая) держит прялку, Лахесис (Распределяющая жребий) тянет и скручивает нить, Атропос (Неотвратимая) перерезает эту нить ножницами, определяя момент смерти человека. В неизменном виде мойры

Начало V в.

Августин утверждает, что спасение человека зависит от милости Божьей, а не от его заслуг

XVI в.

Жан Кальвин настаивает на значении предопределения для спасения человеческой души

1682

Английский поэт Драйден задумывается о неразборчивости судьбы

1687

Механистическое мировоззрение Ньютона предполагает существование детерминистической вселенной

перекочевали в римскую мифологию как «парки» (Нона, Децима и Морта), где изначально ассоциировались с деторождением. Другое их название, фаты, происходит от латинского глагола «говорить» — подразумевается, что человеческая судьба есть безапелляционный приговор богов.

Концепция судьбы была центральной в философии стоиков, основанной Зеноном в Афинах примерно в 300 г. до н. э. Стоицизм сформировался на основе доктрины о природе — о Вселенной, управляемой Логосом, который считали «Богом» (безличной космической силой), Божественным разумом, провидением или судьбой. Главная задача мудрого человека состоит в том, чтобы определить, на что именно в своей жизни он в силах повлиять, а что — вне его власти и, следовательно, должно быть мужественно принято. Последнее, известное как *amor fati* (дословно «любовь судьбы»), позже станет квинтэссенцией добродетели стоиков. Эпиктет, оказавшийся рабом в Риме в конце I века, обобщил позицию стоиков по поводу судьбы:

Que sera sera

На вызов судьбы можно ответить коротко: «Будь что будет». Человек бессилен перед действием рока, поэтому просто позволяет произойти всему, что предопределено. Недостаток такого фаталистического подхода в том, что бездействие на основании «мне все равно конец» отвергает возможность иного исхода — предпринятые действия могли бы предотвратить трагический финал. Английский писатель Г. К. Честертон предельно точно сформулировал отношение к этому ошибочному тезису в эссе 1928 года: «Я не верю в рок, который обрушивается на человека, что бы он ни делал; но я верю в рок, который обрушивается на человека, если он бездействует». Это означает, что мы должны взять судьбу в свои руки, а не позволять ветрам судьбы бесцельно швырять нас из стороны в сторону.

«Помни, что ты актер в комедии, которая разыгрывается, как угодно господину: если он хочет длинную, сыграй длинную; короткую — сыграй короткую. Если он хочет, чтобы ты сыграл роль бедняка, играй ее с изяществом, равно как и роль калеки, чиновника или плебея! Ибо твое дело — хорошо сыграть данную тебе роль, но выбирать ее — дело другого».

Свобода воли и предопределение Представление о предопределенности будущих событий порождало серьезные разногласия в различных религиозных системах. В христианстве всеведущий Бог осведомлен обо всем, включая будущее, и потому история Вселенной предопределена заранее. Но как знание Бога о предстоящих событиях соотносится со свободой воли, которая считается величайшим даром Бога человечеству, позволяющим нам

прожить по-настоящему достойную жизнь? Способность творить добро равнозначна способности творить зло — в отсутствие свободы воли концепция греха утрачивает смысл. Именно эта потенциальная возможность грешить, которой всемогущий Бог мог бы при желании лишить человека, обычно поднимается на щит в стремлении объяснить наличие зла в мире.

Некоторые христианские теологи осознавали, что одно лишь абсолютное знание о будущем не вполне соответствует понятию о Божественной сущности, наделенной всеми мыслимыми

совершенствами. Величие Божества предполагает не только предвидение событий, но и управление ими. Согласно доктрине предопределения, разработку которой связывают с именами святого Августина и Жана Кальвина, Бог определил судьбу Вселенной в пространстве и времени даже прежде момента творения. В то же время он установил, что одни души должны быть спасены, а другие (спорный вопрос) прокляты. Получается, что любой поступок или выбор, совершаемый человеком, соответствует Божьей воле, но одновременно не имеет никакого отношения к спасению души, чья судьба давно предрешена.

«Ты станешь тем, что Бог начертает на твоём лбу»

Коран, VII в.

«Судьба: то, чем деспот оправдывает злодейство, а глупец — неудачу»

**Амброз Бирс,
«Словарь
Сатаны», 1911**

**В сухом остатке
Железная рука
судьбы**

16 Душа

Сегодня, как и в прошлом, миллионы людей верят в существование некоей мистической силы под названием душа. Христиане, иудеи, мусульмане, индуисты, сикхи, даосы, джайны — не говоря уже о древних египтянах, греках, римлянах, китайцах и десятках других, нынешних и прошлых, — верили в разумную душу, космическую душу, двухчастную и трехчастную душу, бессмертную душу и душу, которая исчезает вместе с телом... Несмотря на глубочайшее единодушие по вопросу существования этого психического феномена, о том, чем он является по сути, в каких отношениях состоит с физическим телом и как можно доказать его наличие, согласия достичь пока не удастся.

Душа, утверждает основатель бахаизма, это «знак Бога, небесный самоцвет, действительность коего не удалось понять ученым из людей и чью тайну никакой ум, сколь угодно острый, не может надеяться разобрать». «Обитающий во всех существах, — гласят индийские “Упанишады”, — свидетель, мыслитель, единый властитель многих бездействующих». Нечто таинственное, непостижимое, неосязаемое: посредством этого мы становимся причастны Богу или богам (или не становимся), именно благодаря этому мы живем вечно (или нет).

«Эта Душа/Он [атман] не то и не то. Он непостижим, ибо не постигается; неразрушим, ибо не разрушается; неприкрепляем, ибо не прикрепляется; не связан, не колеблется, не терпит зла»

Брихадараньяка-упанишада

СТРЕЛА ВРЕМЕНИ

IV в.

Платон заявляет о бессмертии души. Аристотель утверждает, что бессмысленно говорить о душе вне тела

1640-е

Декарт вводит понятие «дуализма сущностей»

Несмотря на многообразие теорий о природе души, у всех них есть общая почва. Отталкиваясь от противного — то есть физического тела, которое материально, — душу можно определить как нематериальную составляющую человеческого существа. Это витальный принцип или аспект, вдыхающий жизнь в тело, создающий индивидуальность человеческой личности и обеспечивающий ее непрерывность во все времена. Душа обладает самосознанием, является вместилищем человеческой воли и разума и, следовательно, может отождествляться с сознанием и личностью. Во многих религиозных традициях предполагается, что душа способна жить вне тела и уцелеть даже после его смерти; она может быть бессмертной, именно душа является объектом Божественного воздаяния и наказания.

Дух из машины Представление о различиях между телом и душой, общее для большинства религиозных традиций и наиболее ярко отраженное в христианстве, обнаруживает огромную пропасть между одним и другим. Разделение обнаруживается уже у древних греков (если не раньше), особенно у Платона, который постоянно говорит о бессмертии души, описывая особую «сферу бытия», населенную идеальными неизменными

Неуловимая суть

Сконцентрируйтесь на своем внутреннем мире и попытайтесь отыскать «душу» (свою истинную сущность). Сколь бы пристально вы ни вглядывались внутрь себя, вы обнаружите там только мысли, воспоминания, опыт и т. п. Но, по мнению шотландского философа Дэвида Юма, ошибочно было бы пытаться обнаружить себя в качестве субъекта этих мыслей, личность как сущностный «объект», который мы считаем своей сутью. Там совершенно нечего искать: мы всего лишь «пучок или коллекция различных

представлений, объединенных разного рода отношениями». Это равносильно попытке оценить точку съемки, глядя на фотографию. Ракурс важен для понимания смысла изображения, но он не виден на самой фотографии. Точно так же сущность не более чем точка зрения, которая придает смысл нашим мыслям и опыту, но не является самим опытом. Бесплодные поиски этой неуловимой сущности составляют одну из ключевых психологических мотиваций тысячелетней веры в наличие души.

1674–1675

Мальбранш объясняет причинно-следственную проблему тела и души существованием Бога

1739–1740

Согласно Юму, душа всего лишь «пучок представлений»

1949

Гилберт Райл создает карикатурный образ дуализма разум/тело в виде «духа в машине»

сущностями (Формами), которые и есть душа. Образ боговдохновенной души, временно заточенной в падшем земном теле, впечатан в сознание ранних христианских теологов. Так, святой Августин представлял, что душа «есть некоторая субстанция, причастная разуму, приспособленная к управлению телом».

В западной философской традиции идею разделенных души и тела (так называемый «дуализм сущностей») наиболее активно продвигал французский философ XVII века Рене Декарт. Полагая сознание и душу по сути одним и тем же, Декарт определил сознание как полностью самостоятельную сущность — некую ментальную субстанцию, чья природа представляет собой процесс мышления. Все прочее, то есть материальная субстанция, занимает определенное положение в пространстве (заполняет собой физический мир). В книге «Понятие сознания» (1949) английский философ Гилберт Райл создал уничижительный образ «духа в машине» — нематериальное сознание (дух), живущее внутри человеческого тела (машина) и дергающее там за рычаги.

Непримиримое противоречие? Главная проблема Декарта состоит в том, что, по его мнению, тело и душа — абсолютно разные сущности и пропасть между ними непреодолима. Данная картина мира предполагает все же, что тело и душа взаимодействуют — дух дергает за рычаги, — но если эти сущности настолько различны, каким образом они взаимодействуют? Как ментальные процессы влияют на физические процессы, происходящие в теле? С этой точки зрения картезианский дуализм оказывается частным случаем более общей философской дилеммы — проблемы тела и разума. Все мы прекрасно осознаем, что обладаем сознанием: у нас есть мысли и чувства, свойственные лично нам; наука, напротив, торжествующе объективна и открыта для исследования. Удивительно, как в физическом мире, описываемом наукой, может существовать нечто столь странное, как сознание; с таким же трудом в этом физическом мире мы отыскиваем место и для души — предполагаемого вместилища сознания.

В убеждении, что душа бессмертна и способна переносить любое зло и любое благо, мы все... всегда будем держаться высшего пути и всячески соблюдать справедливость вместе с разумностью

Платон, «Государство», IV в. до н. э.

Аристотель признавал опасность строгого платоновского разделения души и тела. Он утверждал, что душа составляет саму сущность человека и бессмысленно пытаться отделить ее от тела: «Не следует спрашивать, есть ли душа и тело нечто единое, как не следует это спрашивать ни относительно воска и отпечатка на нем, ни вообще относительно любой материи и того, материя чего она есть». Декарт, понимая наличие проблемы, признавал, что для ее решения требуется вмешательство Бога как творца причин и следствий, но сам практически не занимался поисками выхода. Его ближайший последователь Николя Мальбранш взял на себя бремя разрешения причинно-следственной проблемы тела и души, но предложенное им решение (окказионализм) скорее лишь обозначило серьезность проблемы и намерение ее разрешить. Современные философы, большинство из которых справляются с загадкой картезианского дуализма, просто отрицают его, утверждают, что в мире есть только одна «субстанция». Они настаивают, что, поскольку предмет естествознания абсолютно материален, разум и сознание тоже можно считать материальным объектом и они должны быть описаны в простых физических терминах. В такой картине душе почти не остается места.

В сухом остатке
Эту тайну разумом
не постичь

17 Вера

«Сердце открывает Бога, а вовсе не разум. Это и есть вера: не умом, а сердцем понимать Бога». Такими словами Блез Паскаль — естествоиспытатель и благочестивый христианин — описал в своих «Мыслях» (1670) сложные взаимоотношения между верой и разумом. Для Паскаля вера и разум не противостоят друг другу; они имеют разную природу и различные цели: «Вера рассказывает о том, о чем не могут поведать чувства, но она не противоречит очевидному; она выше чувств, но не против них».

Религиозные убеждения верующего человека не зависят от рациональных доказательств и не могут быть ими поколеблены. Какая самонадеянность, скажет он, предполагать, что наш интеллект позволяет познать и понять Бога. Те, кто ставит веру выше разума, — фидеисты — утверждают, что вера — это альтернативный путь к истине и в случае религиозных вопросов — единственно правильный. Состояние убежденности, вызванное влиянием Бога на человеческую душу, требует от верующего добровольного и сознательного акта воли; вера требует прыжка, но это не прыжок во тьму. «Вера состоит в том, что мы верим тому, чего не видим, — поясняет святой Августин. — А наградой за веру является возможность увидеть то, во что мы верим».

**«Рассудок — левая рука души,
а вера — правая»**

Джон Донн, 1633

СТРЕЛА ВРЕМЕНИ

Начало V в.

Святой Августин разъясняет природу веры

1540-е

Мартин Лютер превозносит силу веры, называя разум «величайшей шлюхой дьявола»

1670

Размышления о вере в посмертно опубликованных «Мыслях» Блеза Паскаля

Те, кто убежден, что разум и вера враждебны друг другу, — как сторонники веры, так и ее противники — занимают крайние позиции. Мартин Лютер, отец протестантизма, настаивает, что вера должна «топтать ногами всякий разум, смысл и понимание»; разум, по его представлениям, «величайший враг» веры, «шлюха дьявола», которую должны гнать все христиане. Рационалисты и скептики, напротив, не желают освобождать религиозные представления от разумных, обоснованных мнений, к которым они привыкли во всех остальных областях знания; они требуют рассматривать доказательства и на их основании делать выводы. Противники религии тоже не отличаются сдержанностью. «Религия — одно из главных мировых зол, — вступает в бой Ричард Докинз, идеолог антирелигиозной гвардии. — Она сравнима по вредности с вирусом черной оспы, только искоренить ее гораздо труднее».

Мы не говорим о вере, когда речь идет о том, что дважды два четыре... О вере мы говорим лишь в том случае, когда хотим подменить доказательство чувством. Подмена доказательства чувством обычно приводит к раздорам, поскольку различные группы людей испытывают различные чувства

Бертран Рассел, 1958

Авраам и Исаак

Непреодолимый разрыв между разумом и верой иллюстрирует библейская история Авраама и Исаака. Авраам с его безоговорочным подчинением Господу — архетипический пример верующего: он готов не задумываясь принести в жертву собственного сына, Исаака. Но вне религиозного контекста действия Авраама выглядят откровенно нездорово. Практически любое

другое прочтение ситуации кажется более разумным; к примеру, Авраам мог бы задаться любым из следующих вопросов: не сошел ли я с ума? может, Господь проверяет меня? может, это дьявол, выдающий себя за Господа? В любой другой ситуации Авраама сочли бы душевнобольным (потенциальным) детоубийцей; он же просто псих.

1748

Дэвид Юм утверждает, что вера в чудеса иррациональна

1859

В эссе «О свободе» Дж. С. Милль восторгается свободой мысли

1997

Ричард Докинз сравнивает веру с вирусом оспы

Бухгалтерия веры Невозможность рационального доказательства существования Бога в руках фидеистов оборачивается достоинством этой идеи. Если бы существовал (полностью) рациональный путь доказательства, отпала бы необходимость веры, но если разум не помогает, вера приходит на помощь. Акт воли, который требуется от верующего, добавляет вере моральное измерение, а безоговорочная преданность почитается как

«Верить в Бога невозможно, не верить в него — абсурдно»

Вольтер, 1764

искренняя набожность. Привлекательность веры очевидна: жизнь обретает ясный смысл, в бедах и горестях находится утешение, отрадno осознать, что после смерти тебя ждет лучший мир, и так далее. Религиозные верования позволяют удовлетворить многие базовые потребности человека, более того — поверив в Бога, многие люди действительно меняются в лучшую сторону. Наконец, символизм и нарративная составляющая религии служили и служат неисчерпаемым источником вдохновения для писателей, поэтов, художников...

То, что фидеисты относят к достоинствам веры, с точки зрения их оппонентов, оказывается недостатком. Один из главных принципов светского либерализма, сформулированный Дж. С. Миллем, — свобода мысли и выражения — плохо совмещается с привычкой к слепому одобрению, свойственной истово верующим. Безоговорочная преданность идее, которую фидеисты считают достоинством, людям неверующим кажется нетерпимостью. Абсолютное доверие авторитету может привести людей к принятию опасных идей, созданию тоталитарных сект и превратить искреннюю веру в фанатизм. Способность искренне верить — достойное качество, но при условии, что объект веры заслуживает подобного отношения. Невозможно отрицать тот факт, что в некоторых религиях в определенные периоды времени здравый смысл и милосердие уступали место нетерпимости, фанатизму и более страшным грехам.

Итак, составлен баланс, с дебетом и кредитом для каждой стороны, и то, что одна сторона мыслит достоинством, другая считает недостатком. Если продолжить бухгалтерскую метафору, обе стороны используют разные системы подсчета, и любые попытки сравнить две таблицы безрезультатны — именно такое ощущение создают споры верующих с неверующими. Они не слышат друг друга, не могут найти точек соприкосновения и категорически не желают сдавать позиции. Атеисты доказывают, к своему собственному удовольствию, что вера иррациональна; верующие считают, что это к делу вообще не относится. Вера по сути своей иррациональна или вне-рациональна; она противостоит разуму, и, в общем-то, в этом весь смысл.

Юм о чудесах

Один из неперенных признаков веры — готовность верить в то, что Бог способен совершать и совершает действия, противоречащие законам природы, — он творит чудеса. Чудо не поддается рациональному объяснению и потому всегда является главным спорным моментом в дискуссиях о вере и разуме. Абсурдность веры в чудеса использовал в своем знаменитом доказательстве шотландский философ XVIII века Дэвид Юм. Вера подобного рода должна основываться на представлении о некоей высшей силе, подтвержденном опытом самого человека или свидетельствами очевидцев. Но, как указывает Юм, «никакое свидетельское показание не может служить

доказательством чуда, за исключением ситуации, когда ложность свидетельства представляется еще более невероятной, чем тот факт, который оно должно подтвердить». Иными словами, разумнее опровергнуть «великое чудо» (нарушение законов природы) и предположить, что доказательство ложно (просто жульничество, галлюцинация и т. п.). «Христианская религия, — заключает Юм, — не только сопровождалась чудесами в начале своего существования, но и в наши дни лишь чудо позволяет разумному человеку уверовать в нее». Но, как мы имели возможность убедиться, верующий человек не всегда считает это разумным.

В сухом остатке
Вера слепа
к доводам разума

18 Фундаментализм

После событий 9/11 в Нью-Йорке и Вашингтоне США охватила исламофобия. В атмосфере страха и подозрительности, где понятия «фундаменталист» и «террорист» стали практически равнозначны, президент Джордж У. Буш объявил «войну терроризму», которая не закончится, «пока не будут найдены и уничтожены все террористические группировки». Началась демонизация исламского фундаментализма, слово «фундаментализм» приобрело оскорбительное значение.

В результате единственная оставшаяся в мире сверхдержава, самопровозглашенный защитник свободы и демократии, вступила в бой с противником, по мнению общества — фанатиком, отвергающим общепринятые ценности. Но по иронии судьбы президент, возглавивший цивилизационную войну с фундаментализмом, одновременно руководил страной, где правит мощнейшее фундаменталистское лобби на свете. Буш сам является фундаменталистом.

«Швырните яйцо из окна вагона, и вы непременно попадете в фундаменталиста, которые сегодня наводнили Соединенные Штаты». То, что, по мнению юмориста Г. Л. Менкена, было справедливо для Америки 1920-х при зарождении протестантского фундаментализма, не менее справедливо и для первого десятилетия XXI века. В 1990 году преподобный Пэт Робертсон, мультимиллионер, телепроповедник и основатель влиятельной «Христианской коалиции», заявил: «У нас достаточно голосов избирателей, чтобы править этой страной». И это не пустая похвальба: действительно, ни один из кандидатов в президенты не может позволить себе игнорировать религиозных

СТРЕЛА ВРЕМЕНИ

Начало XX в.

Зарождение протестантского фундаментализма в США

1920

К. Л. Лоус изобретает термин «фундаменталист»

1960-е

В США широко распространяется евангелическое радио

консерваторов или их политические планы. И вот в сентябре 2001 года сверхдержава, находящаяся в плену христианского фундаментализма, вступила в войну с неувимыми силами фундаментализма исламского.

Религиозные баталии Сегодня слово «фундаментализм» употребляется по отношению к такому многообразию идеологий и традиций, что ему трудно дать точное определение. Тем не менее американский фундаментализм — в первоначальном значении термина — остается одним из наиболее бескомпромиссных проявлений этого феномена. Изначально реакционное движение, распространившееся в начале XX столетия среди американских протестантов-евангелистов, было порождено тревогой и страхом перед реформистскими тенденциями «либеральных» теологов. Модернисты пытались интерпретировать библейские и евангельские чудеса символически или метафорически, чтобы адаптировать их восприятие к современным культурным и научным веяниям. В ответ на такой компромисс ведущие консервативные теологи декларировали незыблемость «основ» своей

Отличная работа дьявола

Зачастую, сталкиваясь с реальностью, фундаментализм никак не может решить, то ли не замечать безнравственности эпохи, то ли ввязаться в схватку и уничтожить зло. Ярче всего эта нерешительность проявляется во взаимоотношениях фундаментализма с современными технологиями. Американские христианские фундаменталисты объявляют современную науку и технику порождением дьявола, но демонстрируют завидную находчивость, приспособливая технологии к собственным задачам, чтобы охватить большую аудиторию и собрать громадные средства путем

активной проповеди своих ценностей по радио и телевидению. С середины 1990-х, в период массовых репрессий в Афганистане, исламистский талибан координировал свои действия по погружению афганского общества обратно в каменный век, используя мобильную связь. А с 2001 года, после падения режима талибов, террористы переместились в интернет-пространство. Солдаты ислама владели ноутбуками не хуже, чем автоматами Калашникова, а интернет-кафе превратились в вычислительные и командные центры антизападного джихада.

Начало 1990-х

Распространение агрессивного движения против абортов в США

Середина 1990-х

Талибан захватывает контроль над Афганистаном

Сентябрь 2001

Теракт 9/11 и начало «войны с терроризмом»

веры, включая непорочное зачатие и физическое воскресение Иисуса, достоверность чудес и непогрешимую истинность Библии. В 1920 году редактор баптистского журнала Кертис Ли Лоус впервые назвал фундаменталистами тех, кто «привержен великим принципам и готов сражаться» за веру.

«Мы верим в эволюцию, потому что ее реальность подтверждается фактами, но, появившись новые доказательства, демонстрирующие ее ложность, мы тут же от нее откажемся. От фундаменталиста вы такого заявления никогда не услышите... их веру ничто в мире поколебать не сможет»

Ричард Докинз, 2007

Небеса или преисподняя? Общей для всех религиозных фундаменталистов является убежденность, что существует единственное авторитетное учение с единственной фундаментальной истиной о Боге (или богах) и его (их) отношениях с человечеством. Священный текст — это слово самого Бога, оно не подлежит никаким интерпретациям и критике, и моральные предписания и законы этого текста должны соблюдаться буквально. По мнению христиан, описание творения мира в книге Бытия абсолютно достоверно, и все, что противоречит ему, — например, дарвиновская теория эволюции — решительно отвергается.

Воля Божья, открывшаяся людям в священных текстах, разумеется, неизменна и вечна, поэтому естественным спутником фундаментализма является консерватизм. Приверженность традициям зачастую сливается со

Проблемы у вас на заднем дворе

Запад склоняется к одностороннему взгляду на фундаментализм. Сенсационные репортажи о зверствах боевиков-смертников, совершенных в надежде на ласки 72 девственниц, каковые поджидают героев на небесах, шокируют обывателей. Но столь же возмутительные эксцессы в своей стране вызывают лишь недоумение, а иногда даже сочувствие. На первый взгляд невелика разница между мотивацией исламских смертников и христианских фанатиков-фундаменталистов, того же Пола Хилла, члена экстремистской

организации «Армия Господа», который в 1994 году во Флориде расстрелял врача, делавшего аборт, и охрану клиники. «На небесах меня ждет награда... я жду смерти с нетерпением», — заявил он перед казнью в 2003 году. Однако исследования доказывают, что исламистами движут не столько религиозные догмы, сколько экономические проблемы, социальные и политические претензии, так что в реализации изначального смысла данного понятия американские фундаменталисты, пожалуй, имеют преимущество.

стремлением восстановить предыдущее, якобы лучшее, состояние — обычно идеализированное прошлое. Подобный утопический традиционализм ведет к противостоянию всему новому, особенно процессу секуляризации, происходящему в западном мире после эпохи Просвещения.

Социальный и моральный консерватизм идут рука об руку с религиозным, и большую часть гражданских и политических свобод, завоеванных в последние три столетия, отвергают фундаменталисты всех мастей. Вера в абсолютный авторитет Священного Писания предполагает догматизм, поэтому, с точки зрения фундаменталистов, мнение, отличное от их собственного, попросту неверно, а лелеемые западными либералами идеи — вроде культурной и религиозной толерантности и плюрализма — предаются анафеме. Свобода слова, равенство полов, права геев, аборт равно заклеены. Глубину такой убежденности ярко продемонстрировал пламенный американский фундаменталист и основатель «Морального большинства» Джерри Фалуэлл, сразу же после 9/11 обвинив во всем «язычников, сторонников абортов, феминисток, геев и лесбиянок... которые все вместе пытаются секуляризовать Америку».

Религиозные фундаменталисты зачастую полны мессианских или апокалиптических настроений, живут в ожидании пришествия Спасителя и/или конца света. Их взгляды порой заставляют искать особых, специфических отношений с Богом, бежать прочь от мира, которым пока еще, временно, правят атеисты или не-фундаменталисты. Другие же фундаменталисты, напротив, жаждут политической власти в стремлении навязать правительству свои собственные взгляды. Они противятся разделению Церкви и государства и добиваются ресакрализации политической сферы. Фундаменталисты — представители элиты и авторитарной власти, как правило, стремятся к свержению демократических институтов и установлению теократии.

«Фундаменталисты не друзья демократии... Каждое фундаменталистское движение, которое я изучил в иудаизме, христианстве и исламе, убеждено, на каком-то глубинном интуитивном животном уровне, что светское либеральное общество хочет стереть религию»

Карен Армстронг, 2002

**В сухом остатке
Когда вера обращается
в фанатизм**

19 Атеизм

«Каждый раз, когда я попадаю за границу... меня всегда спрашивают, каковы мои религиозные убеждения. И я никогда не знаю, отвечать ли мне “я агностик” или “я атеист”... Как философ, выступая перед аудиторией, состоящей исключительно из философов, я должен был бы называться агностиком, так как я не вижу решающего доказательства того, что Бога нет. С другой стороны, чтобы создать верное впечатление у обычного человека с улицы, я должен был бы называться атеистом, так как, говоря, что я не могу доказать отсутствие Бога, я должен также добавить, что в равной степени не могу доказать, что богов, описанных у Гомера, тоже не существует».

С тех пор как в 1947 году Бертран Рассел выразил свою неуверенность в формулировках, в общественном сознании мало что изменилось, во всяком случае, в отношении большей определенности и ясности. Сегодня «человек с улицы» называет атеистом того, кто занимает позицию, откровенно противостоящую религии, категорически отрицая существование Бога или богов. Агностиком, с другой стороны, считают того, кто занимает выжидательную позицию,

«Как? Разве человек только ошибка Бога? Или Бог только ошибка человека?»

Фридрих Ницше, 1888

сохраняет нейтралитет или отвечает уклончиво, не желая или не будучи в состоянии выбрать определенную точку зрения. Но эти бытовые, по сути, представления — первое слишком узкое, второе чересчур расплывчатое — крайне ограничивают понимание этих глубоких и вместе с тем тонких вопросов.

СТРЕЛА ВРЕМЕНИ

399 г. до н. э.

Сократ казнен в Афинах за то, что «не чтит богов»

1670

Религиозные воззрения защищает Паскаль в форме пари в посмертно опубликованных «Мыслях»

О богах и чайниках Термин «атеизм» происходит от греческого *atheos*, «безбожный», и в самом широком смысле означает отказ от теизма, от веры в божество вообще. Отказ этот может принимать различные формы, от простого неверия до решительного отрицания, этим и объясняется двусмысленность определения. Категорическое отрицание, исповедуемое некоторыми атеистами (абсолютным меньшинством), — по сути, особая доктрина, декларирующая не-существование Бога и порой именуемая «воинствующий атеизм», — нуждается в доказательствах отсутствия Божественной силы. Обычная стратегия в таком случае заключается в попытке продемонстрировать, что сама идея трансцендентного Бога —

Пари Паскаля

Предположим, мы решили, что доказательств существования Бога недостаточно. Что делать в таком случае? Мы можем либо верить в Бога, либо не верить. Если мы предпочтем верить и окажемся правы (то есть Бог действительно существует), нас ждет вечное блаженство, а если окажемся не правы, то ничего не теряем. С другой стороны, если мы решаем не верить в Бога и оказываемся правы (то есть Бога действительно нет), мы ничего не теряем, но ничего и не выигрываем; но зато, если окажемся не правы, последствия будут весьма плачевны — в лучшем случае вечного блаженства нам не видать, а в худшем — нас ждут вечные муки в аду. При таком раскладе нужно быть полным идиотом, чтобы не верить в Бога. Это замечательное доказательство необходимости веры, известное как «Пари Паскаля», было предложено французским математиком и философом Блезом Паскалем в его «Мыслях» в 1670 году, — замечательное, но не лишенное изъянов. Самая большая проблема связана с предполагаемым, в соответствии с этим доказательством, характером Бога. В духе Ницше, жаловавшегося: «Я не могу верить в Господа, который хочет, чтобы его постоянно восхваляли», мы могли бы усомниться в ценности Бога, на которого производят впечатление расчетливые типы, решающие вопросы веры исходя исключительно из собственных интересов. Бог, заслуживающий нашего почитания, должен, по нашим представлениям, походить на того, о ком говорил Томас Джефферсон, призывая нас «бесстрашно поставить под сомнение само существование Бога; ибо если он есть, то ему более придется по душе свет разума, чем слепой страх».

1843

Маркс называет религию
«опиумом народа»

1869

Биолог Т. Г. Гексли вводит
термин «агностицизм»

1947

Бертран Рассел
задает вопрос
«Я атеист или агностик?»

таинственного существа, первопричины всех причин, создавшего Вселенную из пустоты и находящегося вне ее пределов, — бессмысленна и невнятна. Само это существо просто по определению находится за пределами нашего опыта и вообще любого вероятного опыта, и говорить о нем поэтому вообще абсурдно.

Некоторые атеисты, возможно, удовлетворены аргументами подобного рода, но большинство из них менее амбициозны относительно метафизики. В отличие от воинствующих атеистов, полагающих, что доказательств существования Бога нет и не может быть в принципе, они придерживаются более умеренной точки зрения, что такие доказательства на сегодняшний день отсутствуют. В своей статье 1952 года Рассел приводит знаменитую аналогию: вероятно, невозможно опровергнуть утверждение, что по одной из орбит между Землей и Марсом летает фарфоровый чайник, но тем не менее довольно эксцентрично (мягко говоря) полагать, что он там действительно есть. Точно так же сторонники умеренного атеизма полагают, что бремя доказательства должно лечь на тех, кто утверждает существование Бога, и настаивают, вслед за викторианским философом У. К. Клиффордом, что «всегда неправильно, всюду и для каждого, верить чему-либо, не имея достаточных доказательств». Они указывают, что даже теисты являются атеистами по отношению ко всем другим богам, кроме их собственного, — сами же они просто делают еще один шаг в том же направлении.

Истоки атеизма и агностицизма

Философская идея, которая ныне может быть охарактеризована как атеистическая, была известна со времен античности. Некоторые из собеседников Сократа в платоновских диалогах критически высказывались по поводу общепринятой религии, а сам Сократ был казнен в 399 г. до н. э. по обвинению в «непочитании богов». Античные мыслители придерживались, по сути, агностических взглядов, но само слово «агностицизм»

появилось сравнительно недавно. Впервые термин, состоящий из греческих «а» («не», «без») и «*gnosis*» («знание»), был использован английским биологом Т. Г. Гексли в 1869 году. Он высказался по поводу личного бессмертия в письме 1860 года: «Я не утверждаю бессмертия человека, но и не отрицаю его. Я не вижу оснований верить в бессмертие, но, с другой стороны, у меня нет возможности его опровергнуть».

Знаменитый атеист Карл Маркс считал религию подачкой народу — сдерживающей силой, которую капиталисты используют для порабощения рабочего класса; болеутоляющим — «опиумом», признаком социальных репрессий. «Религия — это вздох угнетенной твари, — писал он, — сердце бессердечного мира, подобно тому как она — дух бездушных порядков. Религия есть опиум народа».

Для умеренных, или эмпирических, атеистов «умеренность» вовсе не означает «отсутствие страсти». Признавая, что могли бы в принципе поверить свидетельствам, которые изменяют их точку зрения, они утверждают, что все доступные доказательства несоизмеримы с гипотезой о существовании Бога. С одной стороны, Бог больше не нужен, чтобы «латать дыры», поскольку научный прогресс от Ньютоновой механики до дарвиновской эволюции заполнил бреши в нашем понимании природы и продолжает заполнять пробелы, которые прежде имели лишь «Божественное» объяснение. С другой стороны, аргументы, которые ранее считались достаточными, — телеологическое доказательство, онтологическое и т. д. — ныне считаются несостоятельными; они неубедительно выглядят по сравнению с доказательствами противной стороны, такими, как, например, проблема зла, ставящая под сомнение веру во всемогущего и всезнающего Бога.

«Мой атеизм... это набожность по отношению к Вселенной, я отвергаю богов, придуманных людьми по своему образу и подобию для того только, чтобы они представляли их человеческие интересы»

Джордж Сантаяна, 1922

**В сухом остатке
По ту сторону веры**

20 Секуляризм

«Свобода вероисповедания является самой первой нашей свободой. Это первое, о чем говорится в Билле о правах, который открывается словами о том, что конгресс не может издавать законы, устанавливающие религию или ограничивающие свободу вероисповедания. Как и каждое положение Конституции, этот закон подвергался различным толкованиям, и порой оказывается, что некоторые из нас согласны с чем-то, в то время как другие не согласны. Но одно неоспоримо: Первая поправка защитила нашу свободу быть религиозными или не быть таковыми — по нашему усмотрению, в результате чего в наш светский век Соединенные Штаты — самая религиозная страна в мире, по крайней мере, среди промышленно развитых стран».

Обращаясь в июле 1995 года к студентам с речью «Свобода вероисповедания в Америке», президент Билл Клинтон очень точно уловил главный парадокс США: одна из самых религиозных стран на свете одновременно и одна из самых светских. Как выясняется, этот очевидно удивительный факт более говорит о противоречивой сущности секуляризма, чем об особенностях Америки. Хотя эта концепция часто ассоциируется (а порой и отождествляется) с такими понятиями, как атеизм и гуманизм, она вовсе им не тождественна. В том значении, которое имел в виду Клинтон, секуляризм не противостоит религии, но предполагает понимание особого места религии в конституции и деятельности государства.

Разделяющая стена Первая поправка к Конституции, принятая одновременно с остальным Биллем о правах в 1791 году, гласит, что «конгресс не должен издавать ни одного закона, относящегося

СТРЕЛА ВРЕМЕНИ

XIV–XV вв.

Зарождение гуманизма в Европе времен Ренессанса

Начало 1700-х

Европа истерзана религиозными войнами

1789–1790

Laïcité (светский характер общества) провозглашен во Франции

к установлению какой-либо религии или запрещающего свободное исповедание оной». Отказываясь от установления официальной государственной религии и гарантируя свободу вероисповедания, отцы-основатели США заложили фундамент «разделяющей стены» (по выражению Томаса Джефферсона), проводящей четкую границу между сферами веры и политики. Эти 16 слов на протяжении 200 лет подвергались разнообразным интерпретациям со стороны Верховного суда, и вплоть до настоящего времени заинтересованные группы юристов с жаром обсуждают их истинное значение. Но сходятся в том, что данная формулировка предотвращает взаимное вмешательство государства и Церкви в дела друг друга и гарантирует гражданам свободу

выбора и исповедования любой веры или вообще никакой.

«Если государство предпочитает какую-то конкретную религию, то это автоматически ведет к дискредитации тех, кто к этой, предпочитаемой государственными властями, религии не принадлежит»

Гарри А. Блэкман, судья Верховного суда США, 1997

Эта поправка, глубоко секулярная в том смысле, что передала управление светскими делами из рук Божественных в человеческие, тем не менее стала инструментом оформления одного из наиболее энергичных и многообразных в религиозном отношении обществ. Моральных проблем, возбуждающих страсти и буквально разрывающих общество, у американцев достаточно: аборты, эвтаназия, исследования стволовых клеток, молитва в школе, цензура и много других. Веские конституционные гарантии — и прежде всего строго соблюдаемое разделение Церкви и государства — обеспечивают в целом мирное разрешение этих вопросов в рамках закона.

Самоопределение Европы Самое невероятное в американском опыте — его исключительность. Хотя Европа была и остается признанной родиной секуляризма, нынешняя реальность европейских стран менее

«Деспотизм может существовать без веры, но не свобода. Общество не может избежать разрушения, если галстук морали не будет затянут в той же мере, как расслаблен галстук политический»

Алексис де Токвиль, 1835

1791

Первая поправка к Конституции Соединенных Штатов утверждает разделение Церкви и государства

1802

Президент Томас Джефферсон впервые упоминает о «стене разделения»

1990-е

Национальные и религиозные противоречия подстегивают войну на Балканах

Июль 1995

Речь Билла Клинтона «Свобода вероисповедания в Америке»

религиозна и вместе с тем менее секулярна, чем американская. Это обстоятельство, впрочем, не признают в самой Европе. Современные самозванные «светские» европейцы с недоумением смотрят на восток, где им мерещится опасность азиатского фундаментализма, и с подозрением — на запад, где они обнаруживают пылкую американскую религиозность. При наличии фанатиков с каждой стороны для высокомерной срединной территории велико искушение видеть секуляризм в качестве главного достижения именно европейской, а не абстрактной западной цивилизации. Но это обманчивая картина.

Представление Европы о себе основано на полумистических байках о секуляризации, уходящей корнями в Ренессанс, когда человек впервые потеснил Бога на сцене мироздания, а научное объяснение его места во

Вселенной пошатнуло теологические теории. Согласно официальной истории, этот процесс закончился кризисом эпохи религиозных войн XVII века. Разрушительные сектантские страсти, высвобожденные протестантской Реформацией, постепенно угасти под влиянием секулярных преобразований, предложенных мыслителями эпохи Просвещения, такими как Гоббс и Локк, и окончательно были сметены волной научного прогресса. Совокупным итогом этих процессов стала замена политической теологии, основанной на идее Божественного откровения, политической философией, апеллирующей к человеческому разуму. Религия переместилась на собственную защищенную территорию, а рядом возникло открытое либеральное общественное пространство, в котором восторжествовала свобода самовыражения и терпимость к различиям. На этой богатой секулярной почве якобы расцвела будущая демократия.

Еврострах

Очевиднее всего европейский страх перед секуляризмом проявился в последних мероприятиях Совета Европы (СЕ). СЕ — проект, изначально субсидированный христианскими демократами и поддержанный Ватиканом, — вступил в ожесточенный конфликт по поводу преамбулы Конституции Европейского Союза. В первоначальной редакции упоминались Бог и европейские христианские ценности, но высказанные опасения относительно общности европейских ценностей привели к компромиссному варианту — «вдохновляясь культурным, религиозным и гуманистическим наследием Европы». Последующие редакции были инспирированы расширением Европейского Союза на восток, вступлением агрессивно католической Польши, а затем проблемами со вступлением в ЕЭС Турции — страны, где демократические свободы сочетаются с нарастающей общественной поддержкой исламской культуры и религии.

К несчастью, эта утешительная сказочка, одновременно превозносящая генеалогию и объясняющая особенности современной европейской секулярности, неточна в ключевых моментах. За исключением Франции (чей революционный секуляризм, *laïcité* — светскость, оплачен кровью ее граждан), ни одна европейская страна так и не стала последовательно и полностью светской. Вследствие религиозных войн XVII века Европа превратилась в лоскутное одеяло конфессиональных территориальных образований; единственной свободой (если она вообще имеет место), доступной религиозному меньшинству на определенной территории, оказалась «свобода» проваливать на все четыре стороны. По большей части такая ситуация сохранилась до настоящего времени. В Соединенном Королевстве, например, существует официальная Церковь большинства населения, то же касается и лютеранских стран Скандинавии, а вот Польша, Ирландия и Италия остаются по сути католическими. Жесткий секуляризм победил на некоторое время в Советском Союзе и Восточной Европе, но там он сопровождался репрессиями, нетерпимостью и насилием со стороны авторитарного правительства. Нет лучшего подтверждения сомнительности европейского секуляризма, чем опустошительная война последнего десятилетия XX века на Балканах, причиной которой стали не только этнические, но и религиозные разногласия.

«Мы не используем Бога»

Противоположный опыт Британии и США доказывает, что секуляризм может быть эффективной силой в распространении религиозных идей. В интервью 2003 года Алистер Кэмпбелл, пресс-секретарь британского премьер-министра Тони Блэра, резко осадил журналиста, задавшего вопрос о религиозности Блэра: «Мы не используем Бога». Публичная демонстрация религиозности считается в Соединенном Королевстве признаком слабости проигрывающего — несмотря на то, что в стране существует практически государственная Церковь (Церковь Англии) и монарх является не только главой государства, но и «защитником веры». В США, где светский характер власти охраняется Конституцией, напротив, амбициозному политику жизненно необходимо разыграть «религиозную карту» и атеиста никогда не выберут президентом.

В сухом остатке Обойтись без Бога

21 Креационизм

В августе 2008 года губернатор Аляски Сара Пэйлин включилась в избирательную кампанию, став по предложению республиканца Джона Маккейна кандидатом на пост вице-президента. На фоне относительно пожилого кандидата-республиканца журналисты подчеркивали достоинства 44-летней особы, «питбуля с накрашенными губами», которая спустя несколько месяцев уже могла бы с замиранием сердца войти в самый главный кабинет в мире. Жаркие споры шли вокруг приверженности Пэйлин креационизму — вере в то, что планета и жизнь на ней являются плодом трудов Божественного Творца.

Либеральные аналитики обсуждали, насколько серьезно на действия Пэйлин на посту вице-президента повлияли бы ее религиозные взгляды. Всего за несколько недель до начала предвыборной кампании она

«Теория разумного творения — это не настоящая научная теория, и, следовательно, ей нет места в программе по естествознанию для государственных школ»

Сенатор Эдвард Кеннеди, 2002

обратилась к Союзу евангелических общин с заявлением, что братоубийственная война в Ираке — это «замысел Божий», а после начала кампании попросила молитв о сомнительном и опасном для экологии проекте строительства газопровода на Аляске. В ходе своей деятельности она продемонстрировала целый букет социально консервативных взглядов, часто ассоциирующихся с креационистским лобби, включая запрет аборт, исследований стволовых клеток и расширения прав геев. Со своими креационистскими воззрениями Пэйлин оказалась в обширной компании. Последние исследования показывают, что

СТРЕЛА ВРЕМЕНИ

21 сентября 4004 г. до н. э.

День творения по расчетам архиепископа Джеймса Ашшера

1802

Классический аргумент Уильяма Пэйли в пользу телеологического доказательства

1925

Дело креационизма натолкнулось на препятствие в виде «обезьяньего процесса» Скоупса

около двух третей взрослых американцев поддерживают главный принцип полноценного креационизма, концепцию «молодой Земли», признавая, что человек был создан в своем нынешнем виде не ранее 10 000 лет назад.

Разница всего в 4 499 993 988 лет В общественном дискурсе термин «креационизм» обычно используется в узком смысле, характеризуя в основном протестантских фундаменталистов в США. Они убеждены, что Библия — это записанное людьми Слово Божье и потому все ее содержание должно восприниматься в качестве абсолютной истины. Самые спорные первые главы Книги Бытия содержат подлинное описание сотворения мира, всех растений и животных, населяющих его (смущает, что в Библии два различных описания); процесс был завершен в течение шести дней примерно 10 000 лет назад. (Довольно точной считают дату создания мира, рассчитанную в XVII веке архиепископом Джеймсом Ашшером, — 4004 год до н. э.) Такие выводы по многим аспектам откровенно противоречат строгому научному пониманию мироустройства. Согласно принятой геологической хронологии, Земле примерно 4,5 миллиарда лет, а многообразие видов (включая человека), населяющих ее сегодня, является результатом процесса эволюции, начавшегося сотни миллионов лет назад.

Преодоление непреодолимого разрыва между наукой и религией многие религиозные доктрины, христианство в том числе, видят в признании границы между физической и духовной сферами. В соответствии с постулатами Римской католической церкви, изложенными Папой Иоанном Павлом II в 1981 году, цель библейского рассказа о творении не в научном истолковании, но в разъяснении сути отношений между Богом и человеком; понимаемая аллегорически и символически, а вовсе не буквально, данная история поведала нам не «как были созданы Небеса, но как на них взойти». Эта трактовка, однако, не устраивает убежденных креационистов, настаивающих, что Библия (по определению Общества изучения творения) — это «записанное Слово Божье и... все в ней изложенное истинно с исторической и научной точек зрения».

«Учите полемике» В Соединенных Штатах креационизм всегда был серьезным политическим течением и последнее столетие всячески противился преподаванию эволюционной теории в государственных школах. Подлинность библейского рассказа о творении предполагает несостоятельность теории эволюции, так что неудивительны попытки креационистов

1960-е

«Наука о творении» отстаивает концепцию «молодой Земли»

1981

Закон Арканзаса о «сбалансированной трактовке» признан противоречащим Конституции

1990-е

Сторонники Разумного Творения подчеркивают «неупроощаемую сложность» природы

2005

Федеральный суд признал, что концепция Разумного Творения не отличается от креационизма

удалить дарвинизм (так они именуют эволюционную теорию) из школьной программы. Впрочем, этот призыв утратил большую часть энергии после печально известного «Обезьяньего процесса» Скоупса 1925 года. Начиная с 1960-х усилия креационистов направлены на достижение «сбалансированного отношения».

Обезьяний процесс

Водоразделом в истории креационизма стал 1925 год, когда в Дейтоне, штат Теннесси, политик-антиэволюционист Уильям Дженнингс Брайан задумал «изгнать дарвинизм из наших школ», предъявив обвинение Джону Скоупсу, молодому учителю биологии, который осмелился преподавать «непроверенные гипотезы» эволюции в нарушение законов штата Теннесси. К несчастью для Брайана, он столкнулся с грозным соперником в лице защитника Кларенса Дэрроу. Кульминацией фарса стало требование к Брайану представить очевидцев эволюционного процесса. Единственным доказательством стало искаженное понимание Брайаном эволюционной теории; в итоге его обязали признать,

что он не думал о том, о чем он не думал, после чего Дэрроу язвительно поинтересовался: «А вы думаете о том, о чем вы думаете?» Победа антиэволюционистов оказалась Пирровой — Скоупса признали виновным, но оправдали по апелляции. Брайан умер через пять дней после завершения судебного процесса, и безжалостные насмешки публики сосредоточились на «приматах из горных долин», как саркастически обозвал невежд из Теннесси журналист Г. Л. Менкен. Но колодец оппозиции глубок, и, как предупреждал Менкен, «огонь креационизма еще тлеет среди холмов и в любой момент может вспыхнуть с новой силой». Сегодня этот пожар разгорелся вновь и, похоже, не собирается угасать.

Под знаменем «Учите полемике» активисты стремятся продемонстрировать, что в креационистском понимании мира есть место и научной аргументации, — их доказательства не уступают по убедительности эволюционным, — и, следовательно, в школьных классах должны звучать на равных обе точки зрения. Появилась новая дисциплина — «наука о творении», ее задачей является создание альтернативного, якобы научного, объяснения всего комплекса доказательств, посредством которых естественные науки (геология, палеонтология, биология, в том числе молекулярная) обосновывают хронологию Земли и происхождение жизни.

Все тот же старый часовщик Перед креационистами, которые не прекращают попыток переопределить само понятие науки и внедрить в программы американских школ конкурирующие теории, возникает множество юридических препон, поскольку американская Конституция строго разделяет религию и государство. На исходе XX века они разработали новую стратегию. Отрекаясь от любых ассоциаций с креационизмом (тактический прием, по мнению их оппонентов) и, соответственно, с религией, новое поколение сторонников Разумного Творения (РТ) выдвигает реанимированную версию телеологического доказательства существования Бога, предложенного еще Фомой Аквинским и художественно изложенного английским философом Уильямом Пэйли в начале XIX века. Если вы, прогуливаясь по вересковой пустоши, найдете часы, рассуждает Пэйли, то, задумавшись об их сложнейшем устройстве, неизбежно придете к выводу, что у них был создатель — часовщик. Вот так и сложность творений природы предполагает создателя — Бога. В своей новой инкарнации РТ модно оправдывать «неупрощаемой сложностью»: различные элементы живых систем организованы столь сложно и гармонично, что это невозможно объяснить действием эволюционных механизмов. Отсюда якобы следует вывод, что подобные явления следует объяснять действием некой разумной силы. Биологи-эволюционисты, разумеется, отрицают тезис о необъяснимой сложности творений природы. Британский биолог Ричард Докинз, намекая на знаменитый пример Пэйли, назвал главный механизм эволюции, естественный отбор, «слепым часовщиком», создающим сложные структуры без всякой цели и метода.

«Все недуги Америки порождены преподаванием теории эволюции. Следовало бы уничтожить все книги, оставив лишь три первых стиха Книги Бытия»

Уильям Дженнингс Брайан

**В сухом остатке
Столкновение
мировоззрений**

22 Война

«Прислушайтесь к нашей истории — лишь один звук слышен отовсюду, бой боевых барабанов. Межплеменные войны, религиозные войны, гражданские войны, международные войны, колониальные войны, завоевательные войны, освободительные войны, войны, предотвращающие другие войны, — непрерывная цепь конфликтов с самого начала существования человеческой цивилизации, и конца ей не видно».

Только хронический оптимист, совершенно не знающий истории, может всерьез спорить с этим высказыванием британского ученого-эрудита венгерского происхождения Артура Кестлера. Война — явление столь вездусущее, что многие философы считали и считают склонность к конфликтам неотъемлемой частью человеческой природы. Другие, впрочем, надеются, что склонность эта — продукт общественного устройства и в принципе может быть преодолена. В поисках ответа обратимся для начала к прусскому военному теоретику Карлу фон Клаузевицу, автору знаменитой фразы «Война есть продолжение политики другими средствами». Пока люди живут в обществе и жаждут земли, власти и других благ, между ними неизбежно будут возникать конфликты, и не все из них получится решить мирным путем — следовательно, войны неизбежны.

Впрочем, не все конфликты одинаково серьезны и не все войны одинаково разрушительны. Попытки морально оправдать войну, продолжающиеся и по сей день, имеют богатую историю. Еще в V веке святой Августин попытался примирить пацифистское мировоззрение отцов Церкви и имперские устремления христианских правителей. Так родилась христианская доктрина справедливой войны — морального обязательства искать справедливости и защищать невинных.

СТРЕЛА ВРЕМЕНИ

IV в. до н. э.

Сунь-Цзы пишет «Искусство войны», первую в истории книгу о теории военных действий

V в.

Святой Августин разрабатывает христианскую доктрину справедливой войны

Теория справедливой войны и сегодня остается объектом горячих споров среди философов, но возможные взгляды на проблему войны не ограничиваются единственной концепцией. Две крайности здесь — реализм и пацифизм. Сторонники реализма скептически относятся к самой идее применения этических категорий к войне. Международная политика, в том числе и ведение войн, считают реалисты, определяется исключительно стремлением усилить влияние страны на международное сообщество, обеспечить национальную безопасность и защиту собственных интересов. Пацифисты же уверены, что международные отношения должны подчиняться законам морали, а войны абсолютно недопустимы, ибо всегда существует возможность разрешить конфликт мирным путем.

Справедливая война «Война уродлива, но гораздо уродливей моральное разложение и отсутствие патриотизма, к которым приводит убеждение, что нет ничего, ради чего стоит воевать». Самый человечный и совершенно невоинственный викторианский философ Дж. С. Милль полагал, что бывают ситуации, когда следует сражаться. В определенных обстоятельствах война может быть меньшим из двух зол и даже может быть справедливой.

Благословение войны

И в наше время, как и прежде в истории, находилось немало защитников войны. В 1911 году, за три года до начала Первой мировой, «последней войны в истории», прусский военный историк Фридрих фон Бернардти радостно писал о «неизбежности, идеализме и благословении войны». В эссе, появившемся в начале той же страшной трагедии, английский поэт Эдмунд Госсе превозносил войну как «великий очиститель», который «потоком алой крови... очищает застоялый пруд

и забытые каналы разума». И совсем не удивительно, что войну оправдывали фашисты — Муссолини восхищался тем, как война «отмечает печатью благородства народы, имеющие смелость воевать». Показательно, что ветераны войн обычно не разделяют этого восторга: «Я ненавижу войну, как может ненавидеть только переживший ее солдат, видевший всю ее жестокость, тщетность и глупость» (Дуайт Э. Эйзенхауэр).

XIII в.

Фома Аквинский определяет принципы справедливой войны

1832

Публикация знаменитой работы Клаузевица «О войне»

1862

Гражданская война в Америке побуждает Дж. С. Милля защищать идею справедливой войны

1978

Артур Кестлер отмечает неизменность природы войны

«Бисмарк вел «необходимые» войны и погубил тысячи; идеалисты XX века ведут войны справедливые — и губят миллионы»

А. Дж. П. Тейлор, 1952

Идеи справедливой войны Августина были развиты в XIII веке Фомой Аквинским, который разделил *jus ad bellum* («право войны», моральное оправдание военных действий) и *jus in bello* (правила ведения войны). Споры об этичности войны по сей день в основном касаются именно этих понятий.

Jus ad bellum Практически все философы согласны с тем, что существуют обстоятельства, оправдывающие начало военных действий. Самое важное и одновременно самое спорное из них — наличие справедливого повода. Раньше справедливым поводом к войне часто становились религиозные противоречия, которые сегодня не считаются (по крайней мере, в секулярном западном мире) достаточным оправданием для начала военных действий. Большинство современных теоретиков сузили это условие до защиты от агрессии. Чуть меньше споров вызывает объявление справедливым поводом к началу войны защиты основных прав государства — политического суверенитета и территориальной целостности (Кувейт против Ирака, 1990–1991); и многие согласны, что помощь третьей стороне, пострадавшей от агрессии, также вполне оправданна (освобождение Кувейта союзниками, 1991). Но одного справедливого повода недостаточно. Необходимы также справедливые намерения. Единственным намерением должно быть предотвращение агрессии, защита от которой стала поводом к войне. Ее нельзя использовать как фиговый листок, прикрывающий национальные интересы, попытки захватить новые территории или усилить свое международное влияние.

Решение о начале войны должно принимать легитимное правительство. «Война — дело королей», — писал Драйден в конце XVII века. Веком позже Французская революция передала право начинать войны представительным органам власти. «Легитимность власти» сама по себе довольно сложный вопрос и не всегда подтверждается отношением граждан к правительству. Очевидно, например, что у правительства нацистской Германии в 1930-х годах не было не только справедливого повода к войне, но и легитимного права ее начинать.

Еще одно спорное условие справедливости войны — возможность победить. Страна должна обращаться к войне, даже при наличии справедливого повода, только имея «разумный шанс на успех»: нет смысла жертвовать жизнями людей и ресурсами понапрасну. Но разве не следует сопротивляться агрессору

до последнего, даже если надежды на успех нет? Кроме того, должна быть соблюдена пропорциональность — равновесие между желаемым результатом и вероятными реальными последствиями: ожидаемое добро (исправить несправедливость, вызванную агрессией) должно перевешивать возможный ущерб (жертвы, человеческие страдания и т. д.).

«Лучшее из лучшего — покорить чужую армию, не сражаясь», — писал китайский полководец Сунь-Цзы, первый великий военный теоретик в истории. Война — крайнее средство, прибегать к которому следует только в том случае, если все мирные способы урегулирования конфликта уже испробованы и не принесли результатов. Как заметил британский политик Тони Бенн, «любая война — это результат провала дипломатии».

Jus in bello Другой аспект теории справедливой войны — *jus in bello*, моральные принципы, регулирующие порядок ведения боевых действий. Правил этих много — от поведения отдельных солдат по отношению к военным и гражданским вражеской страны до стратегических вопросов, таких как использование оружия (ядерного, химического, мин и т. д.).

В этой области главными считаются два соображения — пропорциональность и различия. Пропорциональность предполагает соответствие целей и средств. К примеру, практически все согласны, что ядерная бомбардировка недопустима, вне зависимости от возможных выгод с точки зрения тактики. Различение подразумевает четкое разграничение военных и гражданских. Например, нельзя нападать на мирных граждан, даже если это поднимает воинский дух армии.

Очевидно, что справедливая война может вестись несправедливыми методами, а несправедливая — справедливыми. Другими словами, требования *jus ad bellum* и *jus in bello* различны, и одни из них могут быть соблюдены без соблюдения других. Многие аспекты *jus in bello* совпадают с международным законодательством (например, с Гаагской и Женевской конвенциями), и нарушения его как победителями, так и побежденными следует считать военными преступлениями.

«Человечество должно положить конец войне, иначе война положит конец человечеству»

Джон Ф. Кеннеди, 1961

В сухом остатке
Политика
другими средствами

23 Долг

Вы — участник Сопротивления в оккупированной нацистами Франции, и вас только что поймало гестапо. Допрашивающий вас офицер собрал десять детишек из вашей деревни и угрожает их расстрелять, если вы не согласитесь найти и убить двух товарищей по Сопротивлению. Вы уверены, что офицер приведет свою угрозу в исполнение.

Что делать в такой жуткой ситуации? В философии существуют два прямо противоположных подхода к таким дилеммам. Одни философы считают, что следует оценить возможные последствия каждого из действий: если вы согласитесь, двое членов Сопротивления умрут; если не согласитесь, погибнут десять детей. Важны последствия ваших действий, то есть при прочих равных следует согласиться с требованиями офицера. Другие понимают, что в случае согласия стрелять в бывших товарищей придется лично вам. Убийство аморально — для вас лично, — а значит, следует отказаться, несмотря на последствия.

В реальной жизни дилеммы редко оказываются столь очевидными, простыми или драматичными. Почти всегда существует иной, более благоприятный выход из положения (впрочем, если бы офицер гестапо действительно дал вам оружие, вы, возможно, предпочли бы застрелиться — или, вероятнее, пристрелили гестаповца). Описанный сценарий, конечно, драматичен, но ничего принципиально невозможного в нем нет, и он прекрасно иллюстрирует некоторые философские проблемы, которые в более ординарных обстоятельствах были бы не столь очевидны. Основной вопрос здесь заключается в определении понятия долга. В любом случае чьи-то права будут ущемлены, перед всеми заинтересованными сторонами у вас есть обязательства и ваше собственное чувство сталкивается с непреодолимым противоречием. Как принять решение?

СТРЕЛА ВРЕМЕНИ

XIV—XIII вв. до н. э.

Согласно Писанию, на горе Синай Бог даровал Моисею Десять заповедей

1688

«Славная революция» положила конец английскому абсолютизму

«Долг — главное слово в нашем языке. Всегда выполняй свой долг. Больше сделать невозможно, а меньше — непозволительно»

Роберт Э. Ли, XIX век (приписывается)

Долг перед Господом Долг — это обязательства, которые человек принимает на себя относительно добровольно, в силу своего общественного положения, или в соответствии с обычаем или законом. Для большей части человечества на протяжении большей части истории верховной властью была власть Божественная. Законы, представленные в виде священных текстов и толкуемые священнослужителями, выражают желания Бога или божеств, и долг человека — исполнять эти желания, соблюдая определенный кодекс поведения и осуществляя различные действия, например жертвоприношения Богу/богам. В иудео-христианской традиции таким кодексом поведения стали Десять заповедей — Божественные установления, обязывающие человечество соблюдать определенные правила: не убивать, не возжелать жены ближнего своего и т. д.

На протяжении многих веков Божественная власть была главным «источником» долга, и, опираясь на нее, земные «представители» Всевышнего могли править, не задумываясь о желаниях своих подданных. Королевские династии, в том числе Стюарты в Англии и Бурбоны во Франции, считали, что обладают богоданном правом на власть, и требовали от своих подданных безоговорочного подчинения и верности. Революции XVII–XVIII веков разрушили абсолютизм и создали конституционную форму правления, которая предполагала взаимное разделение прав и обязанностей между монархами и подданными.

Кант о долге В философии самый значительный вклад в развитие идеи долга внес немецкий философ XVIII века Иммануил Кант. У Канта действия не имеют моральной ценности и не являются нравственными, если они мотивированы сочувствием, дружбой или желанием добиться определенной цели. Безусловно добродетельными могут считаться лишь действия, совершенные из чувства долга, — долга подчиняться моральным законам, установленным разумом. Побуждения, вызванные эмоциями, он называет «гипотетическим императивом»: если вас не интересует конечный

1775–1783

В результате Американской революции в США установлена система прав и обязанностей

1785

В «Основах метафизики нравственности» Кант анализирует понятие долга

1789

Декларация прав человека определяет права и обязанности граждан во Франции

результат, вы не обязаны подчиняться приказам. Моральный закон, напротив, имеет форму «категорического императива»: приказ, подчиняться которому необходимо всегда и без всяких условий, — это абсолютное правило, одинаковое для всех разумных существ.

Гениальность этической системы Канта — в переходе от чисто логической структуры категорического императива к моральному содержанию: он сумел объяснить, как «чистый разум», освобожденный от пристрастий

Действие, бездействие и двойной эффект

Рассмотрим описанный в начале главы случай с офицером гестапо и французским Сопротивлением. Предположим, вы считаете своим абсолютным моральным долгом не убивать, даже если в результате вашего бездействия погибнет больше людей. В таком случае вы обязаны объяснить, почему так важно, что именно вы совершаете или не совершаете убийство. Обычно считается, что способствовать гибели людей значительно хуже, чем позволить им погибнуть, бездействуя. Но решение не действовать ничем не отличается от решения действовать; и «ничего не делать» в моральном отношении вовсе не то же самое, что «не делать ничего плохого». Позволить ребенку умереть от голода ничуть не более морально, чем утопить его. На практике проблема соотношения действия и бездействия имеет большое значение в дебатах о правомерности эвтаназии — довольно сложно доказать значимое с точки зрения морали различие между смертельной инъекцией (действие) и отсутствием лечения (бездействие).

Чтобы как-то решить вопрос о разнице между действием и бездействием, часто привлекают принцип двойного эффекта, который поднимает вопрос различения действий, результаты которых были либо запланированы, либо всего лишь предполагались. Поступок, у которого есть и положительные и отрицательные последствия, может быть оправдан с точки зрения морали, если положительные последствия были его целью, а отрицательные были предвидены, но целью не являлись. Например, известно, что обезболивающее может ускорить смерть неизлечимо больного пациента. Но если, вводя его пациенту, врач не ставил себе целью убить больного, а хотел лишь облегчить его страдания, его действия могут быть морально оправданы. А вот всегда ли различие между намерением и предвидением настолько существенно, чтобы оправдать поступок, — вопрос весьма спорный.

и устремлений, может направлять и определять поведение индивида. Он нашел ответ в ценности морали самой по себе — ценности, основанной на «едином высшем моральном принципе»: свободе воли, подчиняющейся законам, которые она налагает сама на себя. Высший смысл независимой, свободной воли личности отражает великая формула категорического императива:

Поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого так же, как к цели, но никогда не относился бы к нему только как к средству.

Признав бесспорную ценность своей собственной свободной воли, необходимо распространить уважение на других. Нельзя обращаться с другими людьми как со средством достижения своих целей, поэтому эгоистические принципы (максимы) противоречат категорическому императиву и не могут считаться законами морали. В сущности, здесь идет речь о признании основных естественных прав человека, которые ни при каких обстоятельствах не могут быть попраны; и, следовательно, существует долг, который должен быть исполнен во что бы то ни стало.

**“Долга
не существует
без веры”**

**Бенджамин Дизразли,
1847**

**В сухом остатке
Ты не должен...
во что бы то ни стало?**

24 Утопия

Австрийский философ Карл Поппер однажды заметил: «Попытка создать рай на земле неизбежно приводит к созданию преисподней». Со времен Платона не было недостатка в пророках, мистиках и сумасшедших, которые придумывали свои версии прекрасного нового мира, рождавшие надежды на лучшее будущее и демонстрировавшие бездну человеческой глупости. Эти картины рая на земле имели мало общего с действительностью, но те немногие, что были отчасти реализованы, подтверждали уверенность Поппера в способности человечества превращать свои мечты в кошмары.

Сегодня, называя идею «утопической», обычно подразумевают, что она практически нереализуема. Нечто подобное имел в виду и автор термина «утопия», английский ученый и государственный деятель сэра Томас Мор. В свое сочинение «Утопия», опубликованное в 1516 году, Мор включил небольшое вступление, согласно которому идеальное государство Утопия (от греческого «нигде») можно было бы смело назвать Эутопия («хорошее место»). Остров Мора — гуманистический рай, протокоммунистическое общество, где все общее и все живут в гармонии. Религиозная нетерпимость уничтожена, государство предоставляет всем гражданам образование, а золото не имеет ценности и используется лишь для производства ночных горшков.

Маргинальные голоса Размышляя об идеальном государстве, Мор противопоставлял его политической картине современных ему европейских стран. В те времена движущей силой политики были в основном жадность и эгоизм. По примеру Мора многие более поздние авторы использовали образ утопии как инструмент критики общества своего времени — что позволяло избежать гнева сильных мира сего.

СТРЕЛА ВРЕМЕНИ

Около 375 г. до н. э.

Платон описал идеальное государство («Государство»)

1516

Томас Мор придумывает термин «утопия»

1649

В ходе английской Гражданской войны развивают свою коммунистическую деятельность диггеры

1868

Дж. С. Милль изобретает термин «антиутопия»

В постмарксистской работе «Идеология и утопия» (1929) венгерский социолог Карл Мангейм утверждает, что утопические идеи особенно привлекательны для групп, занимающих подчиненное положение в обществе. Их привлекает сама идея изменений, доминирующие же группы придерживаются идеологии преемственности и сохранения *status quo*. Иными словами, те, кто страдает от социальной несправедливости, готовы извлечь максимум пользы из социальных реформ. Утопические идеи часто активно продвигают маргинальные деятели, не влияющие на управление страной. Многие утописты считали источником всех зол имущественное

Стремление к лучшему будущему

Среди сегодняшних интеллектуалов утопизм не популярен. Утопии, литературные и не только, критикуют за статичность и безжизненность. В отличие от реального мира (и от своих мрачных двойников, антиутопий) утопии лишены страсти, конфликта, они остаются лишь мертвыми конструкциями, выдуманными политиками и экономистами. Утопии совершенны и потому скучны, а читателя интересуют как раз недостатки выдуманного мира. В XIX веке думали иначе. Тогда, в эпоху утопического оптимизма, поиск утопии

казался ключом к прогрессу. Оскар Уайльд выразил эту жизнерадостную самоуверенность в эссе «Душа человека при социализме» (1891), называя социалистическое общество миром, где скука повседневной работы уничтожена технологией. «Не стоит и смотреть на карту, раз на ней не обозначена Утопия, — заявлял он. — Ибо это та страна, на берега которой всегда высаживается человечество. А высадившись, оно начинает осматриваться по сторонам и, увидя лучшую страну, снова поднимает паруса».

“Без утопий прошлого люди все еще жили бы в пещерах, нагие и несчастные... Из благородных мечтаний рождается лучшая действительность. Утопия — это принцип любого прогресса, стремление к лучшему будущему”

Анатоль Франс, около 1900

1888

Опубликован роман
Беллами «Взгляд назад»

1890

Опубликован роман
Уильяма Морриса
«Вести ниоткуда»

1932

«О дивный новый мир»
Олдоса Хаксли

1949

«1984» Джорджа Оруэлла

неравенство — по их мнению, источник жадности, зависти и смятения в умах. Как и Мор, они видели решение проблемы в устранении неравенства и создании уравнилельной коммунистической системы.

Надежда обращается в страх Новый всплеск интереса к утопическим идеям, вызванный стремительным прогрессом науки и техники, произошел в XIX веке. Хотя в целом XIX век был эпохой оптимизма, а самым распространенным рецептом исцеления общества оставался социализм, философы предлагали широкий спектр самых разнообразных идей. Одну крайность представлял американский писатель Эдвард Беллами. Герой его романа «Взгляд назад» (1888) переносится в 2000 год и обнаруживает, что в мире царит равенство, общество больше не делится на классы, зато промышленность и бюрократия развиваются. Технократическая утопия Беллами привела в ужас английского писателя и политика-социалиста Уильяма Морриса. В своем романе «Вести ниоткуда» (1890) Моррис предложил прямо противоположный взгляд на будущее: мир абсолютного равенства мужчин и женщин, лишенный всякой промышленности.

Уильям Моррис первым выразил беспокойство по поводу стремительного прогресса науки и технологий. В начале XX века эта тревога распространялась все шире. Викторианцы были полны надежды и создавали утопии абсолютного равенства, а встревоженные люди эпохи короля Эдуарда пугали утопиями элитизма и эксклюзивности. Для футуристов, как, напри-

мер, Герберт Уэллс, целью было не создание мира, в котором людям жилось бы лучше, но создание людей, более достойных жизни в мире. Страх того, что достойные будут уничтожены «народом бездны» — растущим рабочим классом, — появился одновременно с рождением новой «науки», которая, казалось, предлагала готовое решение. Социальный дарвинизм (грубейшее извращение идей Дарвина) предполагал, что слабые и уязвимые должны быть уничтожены путем естественного отбора; их нужно оставить «как есть», без всякой поддержки со стороны более успешных членов общества, наблюдающих за ходом отбора со стороны.

Железная рука Платона

Утопии существовали, пусть и под другими именами, задолго до Томаса Мора. Первой и самой важной была платоновская «республика», одно из самых отвратительных государств, выдуманных человечеством. Идеальное государство Платона чрезвычайно авторитарно, философская элита, обладающая подлинным знанием, правит непросвещенным большинством, суровая цензура предотвращает распространение нежелательных идей, а евгеническая политика позволяет размножение только «правильным» людям.

«Разум человеческий весьма изобретателен, если нужно придумать кошмар, и только когда дело доходит до изобретения рая, мы показываем свою ограниченность»

Ивлин Во, 1942

В то же время евгеника обещала улучшение самого человечества любыми средствами, вплоть до принудительной стерилизации.

«Проблема с царствами небесными на земле в том, что они иногда могут появляться, и тогда их мошенническая сущность становится очевидной для всех». Это мрачное предсказание британского журналиста Малкольма Маггериджа подтвердилось уже после Первой мировой войны. Тевтонский кошмар нацистской Германии, с ее белокуроыми бестиями в солдатских сапогах, продемонстрировал евгенику и социальный дарвинизм «во всей красе», а коммунистическая утопия Маркса и Энгельса обернулась ужасами ГУЛАГа в сталинской России и культурной революцией в маоистском Китае. Пожалуй, единственное позитивное наследие этих режимов — два величайших антиутопических романа XX века. В «Дивном новом мире» Олдоса Хаксли (1932) общественная стабильность достигается за счет массового оболванивания наркотиками и евгенической кастовой системы. В романе Джорджа Оруэлла «1984» (1949) автор находит, пожалуй, лучшую метафору тоталитарного общества — «сапог, топчущий лицо человека — вечно».

Диггеры

Социальные потрясения всегда плодят утопических реформистов. Такой эпохой перемен в европейской истории был период Гражданской войны в Англии. Среди тогдашних многочисленных радикальных групп одной из самых эксцентричных были диггеры, или истинные левеллеры. Их харизматичный лидер Джерард Уинстенли утверждал, что земля Божья — общее достояние, а институт собственности есть результат грехопадения. В апреле 1649 года, в порядке утверждения всеобщего права на землю, группа диггеров начала обрабатывать общинные земли в Сент-Джордж-Хилл, графство Суррей. Появилось и еще несколько колоний, но все они просуществовали недолго — с ними жестко разбирались и власти, и раздраженные местные жители.

**В сухом остатке
Рай (или Ад) на земле**

25 Либерализм

«Если бы мы жили во времена Гражданской войны, так называемые консерваторы назывались бы либералами, а либералы считались бы тори». Из всех американских президентов XX века, пожалуй, самым далеким от либерализма был Рональд Рейган. И тем не менее именно он в интервью 1975 года указал на непростую историю двух главных политических идеологий современности — консерватизма и либерализма.

«Стремление ограничить вмешательство правительства в жизнь общества, децентрализация власти и расширение индивидуальной свободы» — звучит как определение классического либерализма, взятое прямо из учебника, но, по мнению Рейгана, именно это является «основой консерватизма». Как могут две идеологии, сегодня считающиеся (особенно в США) диаметрально противоположными, так сильно пересекаться, тем более в представлении человека, которого сегодняшние правые консерваторы считают чуть ли не полубогом?

Ответ на этот вопрос кроется в истории либерализма. В основе либерализма лежит всего одна, пусть и непростая, идея — идея важности личности, ее прав и свобод, которые необходимо защищать от произвола власти. Ради достижения этой цели либералы в какой-то момент вынуждены были сменить свои методы на прямо противоположные.

По мере того как человечество становится либеральней, оно будет все более склонно предоставлять достойным членам общества равные права на защиту от произвола правительства

Джордж Вашингтон, 1790

СТРЕЛА ВРЕМЕНИ

1651

В «Левиафане» Гоббс утверждает, что суверен правит только на основе общественного согласия

1688

«Славная революция» устанавливает в Англии конституционную монархию

1690

Опубликованы «Два трактата о правлении» Джона Локка

1775–1783

Американская революция во имя «жизни, свободы и стремления к счастью»

1776

«Богатство народов» Адама Смита утверждает понятие свободной торговли

Первые идеологи либерализма сомневались в добросовестности правительства и требовали ограничения его полномочий, особенно в экономике. Позже, когда стало очевидно, что неконтролируемая экономическая активность создает имущественное неравенство, возможно, даже более разрушительное для свободы личности, чем деятельность правительства, либералы поддержали государственное вмешательство в общественную жизнь и экономику и выступили за создание сильной власти, которая сможет исправить несправедливость, порожденную капиталистической экономикой. Консерваторы, в свою очередь, начали пользоваться (но с иными целями) средствами ранних, классических либералов — поддерживали свободу предпринимательской деятельности и выступали за минимализацию государственного вмешательства в экономику.

Классический либерализм Появление либерализма как политической идеологии обычно связывается с периодом религиозных войн, и особенно с Тридцатилетней войной, бушевавшей в Европе в первой половине XVII века. Смута и разруха, неизбежно следовавшие за десятилетиями религиозных и династических конфликтов, приводили в ужас мыслителей того времени. Именно эти драматические события заставили английских философов Томаса Гоббса и Джона Локка задуматься о происхождении государства как явления и его легитимности. Оба считали, что

Различие темпераментов

Викторианские мыслители полагали, что главное отличие консерватизма от либерализма в разном восприятии человеческой природы. С точки зрения консерваторов, люди по натуре слабы и эгоистичны, и своей задачей они видели поддержание общественного порядка и стабильности; либералы считали, что люди по натуре добры и рациональны, и для них главной задачей было обеспечение счастья

человечества. Сторонники более оптимистичного взгляда на человеческую натуру были обычно прогрессивны и с энтузиазмом воспринимали реформы. Этот контраст прекрасно описал величайший из либеральных премьер-министров Великобритании Уильям Гладстон: «Либерализм — это доверие народа, настроенного благоразумно, консерватизм — это недоверие испуганного народа».

1789–1799

Французская революция во имя «свободы, равенства, братства»

1859

Опубликована статья Джона С. Милля «О свободе»

1933

Франклин Д. Рузвельт осуществляет «Новый курс» для преодоления последствий Великой депрессии

1979–1980

Избрание Маргарет Тэтчер (1979) и Рональда Рейгана (1980) означает приход к власти неолиберальных политиков в Британии и США

суверенная власть правомерна только при соблюдении «общественного договора» между правителем и подданными, добровольно ограничивающими свои права и свободы ради общей безопасности. Эти идеи нашли выражение в «Двух трактатах о правлении» Локка, опубликованных в 1690 году, всего через два года после «Славной революции», установившей конституционно ограниченную монархию в Англии. Эти работы вдохновили политических деятелей следующего века — революционеров Франции и Америки. В эпоху социальных потрясений осознание ценности индивидуума обрело невиданную прежде глубину. Личность освободилась от оков королевской власти, лендлордов, не подчинялась более ни авторитету Церкви, ни диктату древних обычаев.

Идея ограничения роли правительства и вера в рационально мыслящую личность породили одну из главных черт классического либерализма — его связь с капитализмом и свободной торговлей. Первым эту связь проследил шотландский экономист Адам Смит в своем «Исследовании о природе и причинах богатства народов» (1776). Смит выступал против вмешательства правительства в экономику, утверждая, что действия свободного индивидуума в рамках свободного рынка, его разумное стремление к собственной выгоде пойдут на пользу обществу в целом, поскольку в экономике, основанной на обмене, выгода одного неизбежно оказывается выгодной всем.

Классический либерализм достиг пика своего развития в XIX веке, когда великие утилитаристы Иеремия Бентам и Джон Стюарт Милль использовали идеи свободной экономики Смита — особенно принципы свободы выбора и просвещенного эгоизма — в политике. Они разработали систему индивидуальных прав, лежащую в основе современного либерального мышления. К концу века либерализм преобразовал политический климат в Европе, где главной формой правления стала конституционная монархия, а промышленный капитализм способствовал невиданному прежде росту экономики.

Новый либерализм Уже Адам Смит предвидел, что ничем не контролируемый свободный рынок может привести к появлению ярко выраженного неравенства. Милль считал, что это неравенство следует сглаживать по мере сил. Сторонников либерализма часто упрекали в одержимости ограничением власти государства и неспособности увидеть опасность частной, капиталистической власти. К концу XIX века стало очевидно, что промышленников и финансистов мало заботит жизнь обычных граждан. Как реакция на эту новую тиранию реакционной plutократии появился новый (социальный) либерализм. Его сторонники были готовы мириться с расширением полномочий правительства — при условии, что оно

ограничит произвол капиталистов и проведет экономические реформы. Среди главных достижений нового либерализма было создание системы социального обеспечения и социальной безопасности в рамках политики «Нового курса» президента Рузвельта в 1930-х.

Новый либерализм достиг своего расцвета в годы беспрецедентного экономического подъема после Второй мировой войны. Но в 1970-х экономический рост сначала замедлился, а потом и вовсе остановился, началась экономическая стагнация. В результате к власти в Америке и Великобритании пришли «новые правые», Рональд Рейган и Маргарет Тэтчер (так называемые неолiberaлы), поддерживающие — в теории, если не на практике — идеи классического либерализма: ограничение государственной власти и свободу экономики. В информационной войне, которую вели «новые правые», либерализм безжалостно критиковали и пародировали: тут и разбухающий госаппарат либеральных правительств, и растущие налоги, и бессмысленный «политически корректный» жаргон; само слово «либерал» в американской политике стало практически ругательством. Такая ситуация для исторически самой либеральной — во всех смыслах — страны была весьма необычна. Тем не менее пламя просвещенного и прогрессивного либерализма не гаснет, как красноречиво сказал кандидат в президенты Роберт Кеннеди полвека назад:

«Что имеют в виду наши оппоненты, когда навешивают на нас ярлык “либерал”? Если “либеральным” они называют... правительство, ведущее мягкую внешнюю политику, противостоящее независимости местного управления и не заботящееся о расходовании денег налогоплательщиков, то вся деятельность нашей партии показывает, что мы не “либералы”. Но если либеральным назвать правительство, смотрящее в будущее, а не в прошлое, приветствующее новые идеи, заботящееся о благополучии граждан, — то я горд считать себя “либералом”».

«Либерализм есть предел великодушия; это право, которое большинство уступает меньшинству, и это самый благородный клич, когда-либо прозвучавший на Земле»

Хосе Ортега-и-Гассет, 1930

**В сухом остатке
Общественный прогресс
и свобода личности**

26 Демократия

Сегодня среди представителей всех участков политического спектра, от крайне правых до крайне левых, наблюдается беспрецедентное согласие — все считают демократию лучшей формой правления. В современной политике «демократический» стало практически синонимом слова «легитимный». И, как следствие, режимы, которые не имеют никакого отношения к демократии, считают необходимым называть себя таковыми. Например, бывшая Восточная Германия — репрессивное авторитарное однопартийное государство — официально называлась Германской Демократической Республикой.

Даже если не принимать в расчет подобные очевидно абсурдные определения, распространение демократии по планете впечатляет. Согласно независимым исследованиям, в 2000 году примерно половина населения земного шара жила в демократических государствах.

Быстрое распространение демократии в XX веке отчасти объясняется катастрофическим провалом других форм правления. Выступая перед палатой общин в 1947 году, вскоре после окончательной победы над фашизмом, Уинстон Черчилль заметил: «Демократия — это наихудшая форма правления, до тех пор, пока вы не сравните ее с остальными». Коммунизм — единственная альтернатива демократии за последние полвека — потерпел окончательное поражение с крахом коммунистических режимов в России и Восточной Европе.

Сегодня демократия настолько распространена, что легко забыть, как недавно она появилась на политической арене. В течение двух с половиной тысяч лет философы и политики противостояли и самой идее демократии, и ее практической реализации. Они обвиняли демократию

СТРЕЛА ВРЕМЕНИ

507 г. до н. э.

Клисфен проводит в Афинах демократическую реформу

1651

Гоббс рассматривает вопрос равновесия между государственной властью и индивидуальной свободой

1690

Локк считает общественный договор основой государственной власти

в анархичности, зачастую ничем не отличающейся от власти толпы, и ставили под сомнение способность простых людей (какой бы смысл ни вкладывали в это определение) участвовать в управлении государством. Даже в целом симпатизирующий демократическим идеям Дж. С. Милль был озабочен «коллективной посредственностью» масс, которые «следуют указаниям Церкви, государства, недобросовестных политиков или советам из книжек». Американский юморист Г. Л. Менкен в 1920 году еще точнее назвал демократию «жалкой верой в коллективную мудрость и индивидуальное невежество».

«Демократия — одурачивание народа при помощи народа ради блага народа»

Оскар Уайльд, 1891

Древняя Греция и прямая демократия Яростная критика демократической формы правления восходит к самому зарождению демократии в Афинах, греческом полисе, который считается «колыбелью демократии» (само слово «демократия» происходит от греческого «власть народа»). Система управления, установившаяся в Афинах, представляла собой, возможно, самую прямую и чистую демократию в истории. Основой системы, введенной известным политиком Клисфеном в 507 году до н.э., являлась «эκκλeσιa», или «собрание», в которой могли участвовать все полноправные граждане (мужчины-афиняне, достигшие возраста 18 лет). Экκлeσιa регулярно созывалась для обсуждения важных государственных вопросов, решения принимались большинством голосов присутствующих, голосование же осуществлялось поднятием рук. Достоинства афинской демократии лучше всего выражены (если верить историку Фукидиду) в речи, произнесенной афинским стратегом Периклом над могилами павших воинов в 430 году до н.э. Он прославлял устройство государства, которое «зиждется не на меньшинстве, а на большинстве», и подчеркивал важность свободы, равенства перед законом и права на занятие политических должностей в соответствии с личными заслугами, а не богатством или происхождением.

Два крупнейших греческих философа, Платон и Аристотель, жившие на век позже Перикла, не разделяли его энтузиазма. Катастрофическое поражение, нанесенное Афинам глубоко авторитарной Спартой, несомненно, повлияло на их восприятие демократии — они считали, что демократия беспорядочна, порочна и неустойчива. «Демократия, — едко замечал Платон, — строй, не имеющий должного управления, но приятный и разнообразный. При нем существует своеобразное равенство, уравнивающее равных и неравных». Согласно знаменитой классификации форм правления

1787

Конституция определяет механизм деятельности американского демократического правительства

1788–1789

Французская революция впервые продемонстрировала действие радикальной демократии

1945

Завершение Второй мировой войны и разгром фашизма

1989

Крах коммунистических режимов в Советском Союзе и Восточной Европе

Некоторые более равны, чем другие

Правительства, существовавшие до XX века, как бы они себя ни называли, сегодня вряд ли считались бы демократическими — во многом потому, что процент имеющих право голоса в них был смехотворно мал. В Афинах, где женщины, некоренные жители города и рабы не входили в имеющий права голоса demos (народ), по мнению некоторых ученых, голосовать мог едва ли один житель из десяти. Еще более плачевной была ситуация в Британии XIX века, где жестокий имущественный

ценз привел к тому, что даже после великой реформы 1832 года всего лишь семь процентов взрослого населения имели право голоса. Всеобщее избирательное право было введено лишь в 1928 году, когда право голосовать наконец получили все взрослые женщины. В США многие афроамериканцы фактически (хотя и не официально) были лишены избирательных прав вплоть до принятия Акта о гражданских правах 1964 года.

у Аристотеля, демократия — испорченная и извращенная версия «политии», идеального устройства, в котором большинство правит, направляя общество к общему благу. В демократии же те, кто правит, — низший слой общества — правят в собственных интересах и, разумеется, стараются отобрать богатства у более удачливых сограждан.

Представительная демократия И Платон, и Аристотель понимали, что афинская модель прямой демократии, с постоянным и непосредственным участием всех граждан в управлении, применима только в небольших государствах — каким и были Афины. Проблема очевидной невозможности применения такой системы в государстве с достаточно большими территорией и населением оставалась нерешенной до XVII–XVIII веков, когда вновь началось серьезное обсуждение идей демократии, теперь уже в контексте Просвещения.

В 1651 году, сразу после Гражданской войны в Англии, Томас Гоббс сформулировал вопрос, определивший дальнейшее развитие демократических идей: как ограничить суверенную власть государства, оправданную в том числе необходимостью защищать права личности, и помешать государству злоупотребить властью и нарушить эти права? Джон Локк четыре десятилетия спустя писал, что предоставление такой власти правительству и сопутствующее ограничение свобод может быть осуществлено только с согласия

народа. Споры о взаимоотношениях народа и государства свелись к спору о равновесии силы и права, пропорциональности требований со стороны государства и прав личности.

Плодом всех этих усилий после двух кровавых революций, сначала в Америке, потом во Франции, стала конституционная представительная демократия в ее либеральном понимании. Развиваясь и усложняясь на протяжении последующих десятилетий, эта форма правления — «великое открытие современности», как называл ее Дж. С. Милль, — породила множество политических механизмов, включая регулярные конкурентные многопартийные выборы, благодаря которым правительство остается подконтрольным народу и, следовательно, народ остается источником власти и имеет право контролировать политический процесс.

Самое тираническое из всех правительств

В начальный период Нового времени даже самые прогрессивные мыслители были озабочены тем, что демократия — власть большинства — может привести к попранию прав меньшинства. В 1787 году Джон Адамс, будущий второй президент США, выразил опасения отцов-основателей по поводу возможного перехода всех ветвей власти под контроль большинства: «Сначала откажутся от выплаты долгов. Налоги будут высоки для богатых и едва заметны для остальных, и в конце концов они потребуют поделить все поровну и за такое решение

проголосуют». Четвертый президент, Джеймс Мэдисон, с неодобрением писал в 1833 году о «безоглядном осуждении правления большинства как самого тиранического и невыносимого». Тем не менее именно стремление ограничить власть большинства стало главной причиной введения принципа разделения властей, а также создания сложной системы политических «рычагов и противовесов», занимающей столь заметное место в Конституции США, — системы, которая во многом появилась благодаря самому Мэдисону.

В сухом остатке
Дубина для народа
в руках народа?

27 Консерватизм

«Наука управления, практически уже сама по себе и предназначенная для решения таких же практических проблем, — проблем, которые требуют опыта, причем такого, который ни один человек не смог бы приобрести за всю жизнь, каким бы прозорливым и наблюдательным ни был, — эта наука с необычайной осторожностью подходит к вопросу разрушения системы взглядов, сносно отвечавшей в течение веков общим целям человечества, не имея перед собой моделей, одобренных общественностью».

В работе «Размышления о революции во Франции» 1790 года ирландский политик и писатель Эдмунд Берк высказывался в поддержку системы политических взглядов, ставящей превыше всего (как позже сказал Вордсворт) «институты и законы, освященные временем» и «жизненную силу общественных связей, сформированных обычаями». Предпочтение практического опыта теории; отказ от изменений ради изменения; нежелание рисковать тем, что и так работает, ради возможного улучшения — за следующие два века на основе этих идей сформируется одна из главных политических идеологий — консерватизм.

Если не сломано... Базовую — и по-человечески очень понятную — предпосылку консервативного мышления удачно передает максима, приписываемая обычно английскому государственному деятелю XVII века виконту Фолкленду: «Если нет необходимости изменить нечто, его необходимо не менять». Перемены, ужаснувшие Берка, — это Великая французская революция. В 1790 году, еще до того, как революция потонула в крови, Берк обратил внимание на идеологический задор революционеров — их страсть вдохновлялась в основном абстрактными размышлениями философов

СТРЕЛА ВРЕМЕНИ

1651

Томас Гоббс утверждает, что основным мотивом человеческих действий являются эгоистические интересы

1762

«Общественный договор»
Жан-Жака Руссо

1789–1799

Французская революция породила множество консервативных страхов в Европе

Склонность к ностальгии

Вероятно, главная претензия к консерватизму — его реакционность. Консерватизм обвиняют в идеализации прошлого и нежелании адаптироваться к нуждам настоящего и будущего. Викторианский моралист Мэтью Арнольд, например, жаловался, что «принципы консерватизма... уничтожают то, что стремятся сохранить, поскольку не желают его ремонтировать». Отдельные консерваторы только усугубляют ситуацию, предаваясь умильно-ностальгическим воспоминаниям. Например, консервативный премьер-министр Джон Мэйджор в 1993 году разразился

панегириком в адрес Британии — «страны темного пива, зеленых пригородов и старушек, спешащих в церковь на велосипедах рано поутру». Но настоящий консерватизм далек от противостояния любым реформам, о чем прямо заявлял и Берк: «Существуют альтернативы абсолютного разрушения или прозябания без всяких реформ... Установка на то, чтобы сохранить лучшее, и способность к усовершенствованию недостаточного, взятые вместе, — вот что определяет для меня государственного человека. Все остальное изначально пошло и сомнительно».

Просвещения — и предсказал грядущие ужасы. Идеализм, бездумная ненависть к прежним устоям — все во Французской революции вызывало у консервативного Берка отвращение.

Консерватизм в целом по сути реакционен. Политические взгляды Берка вдохновили консерваторов следующих поколений, противостоявших любым изменениям, нарушающим *status quo*. Волны либеральных реформ и социальных потрясений сменяли друг друга весь XIX век и были главным источником недовольства консерваторов. Некоторые из проблем — в частности, вопрос о всеобщем избирательном праве — не утратили актуальности и в XX столетии, но энергия консерваторов в это время уходила в основном на борьбу с угрозой социализма и, позже, коммунизма.

Демократия мертвецов Традиция — это «демократия мертвецов», иронизировал Г. К. Честертон. Она требует «предоставить право голоса самому угнетенному классу в обществе — нашим предкам».

Консервативные традиционалисты не готовы «ущемлять права человека

1790

Первое значительное высказывание Берка о консервативных ценностях

1832

Вордсворт в «Прелюдии» воспекает «гений Берка»

1861

«Размышления о представительном правлении» Милля

1980-е

Рейганомика и тэтчеризм как проявления неолиберализма в США и Европе

из-за такой случайности, как смерть». Берк считал совокупную мудрость традиций, обычаев, формирующих культуру в целом, драгоценным фондом. Соглашаясь с Гоббсом и Руссо в том, что государство существует благодаря «общественному договору», он в отличие от титанов Просвещения был убежден: соблюдение договора обеспечивает вовсе не страх перед абсолютной властью государства, но «гармоничное сотрудничество не только ныне живущих, но живущих, умерших и тех, кому еще только предстоит родиться». Общественный прогресс направляется коллективной мудростью поколений, неизбежно превосходящей интеллект любого человека и требующей некоторой сдержанности в реформах. Как позже заметил Гладстон, консерваторы (в отличие от либералов) разделяют «недоверие испуганного народа». Они склонны считать, что люди по природе своей эгоистичны и подлы, а политические и социальные институты, выдержавшие проверку временем, — «приятные иллюзии, которые делают власть мягкой, а подчинение ей — свободным» — сдерживают эти разрушительные наклонности.

Мудрость невежества В 1861 году либерал Дж. С. Милль писал, что консерваторы «по природе своей глупейшая из партий». Комментарий не вполне справедливый, поскольку Милль имел в виду их склонность действовать вопреки собственным принципам, что свойственно и другим политическим партиям. Но в некотором смысле консерваторы и впрямь невежественны, чего сами и не стесняются. Как мудрость Сократа происходила из осознания того, как мало он знал, так и консерваторы скептически относятся к человеческому знанию в целом.

В широком смысле расчет на мудрость предков — вера в ценность опыта, испытанных и проверенных методов — естественным образом следует из сомнений в способности современных политиков предвидеть последствия своих действий. Если правительство недостаточно квалифицировано, если любая реформа может закончиться появлением новых проблем, лучшая политика — придерживаться проверенных методов и сузить масштаб реформ. Политика ограничения полномочий правительства, за которую выступают уже многие поколения консерваторов, закономерно следует из убеждения, что отдельные индивидуумы и местные органы власти

**Консервативный идеал свободы и прогресса —
всем предоставляются равные возможности
оставаться точно там, где они есть**

Джеффри Мадан (1895–1947)

Политический хамелеон

Консерватизм — реакционная позиция, и его политика неизбежно определяется — до некоторой степени — тем, чему он противостоит. Поэтому спектр идей, которые можно считать консервативными, весьма широк. Сегодняшняя одержимость идеями свободного рынка ставила в тупик многих комментаторов, но неолиберальная политика эры Рейгана и Тэтчер, для которой свободный рынок был одним из главных приоритетов, наравне с сокращением государственного

регулирования экономики и уменьшением госаппарата, является классически консервативным ответом на дорогостоящую социальную политику предыдущих правительств. Сочетание рейганомики (ограничивающей экономическую деятельность государства) с социальным консерватизмом (ограничивающим моральные обязательства государства) было типичной консервативной реакцией на появление молодежной контркультуры в 1960-х.

способны принимать решения лучше, чем центральное правительство. С такой точки зрения задача центрального правительства — слуги народа, а не его хозяина — сводится к созданию основ законности и безопасности, которые обеспечивают гражданам и местным властям свободу и возможность принимать самостоятельные решения.

Пожалуй, самое очевидное отличие консерваторов от социалистов и либералов — их отношение к возможности перемен к лучшему. Планы глобальных изменений, призванные разом излечить все недуги общества, кажутся им «мимолетными фантазиями» (по выражению Берка) безответственных теоретиков. Консерваторы не верят в социальные панацеи, в отличие от либералов они сомневаются в способности человечества к самосовершенствованию. Такое отношение — циничное и пораженческое, с точки зрения оппонентов, — позволяет обвинять консерваторов в ненависти к прогрессу и пренебрежении достижениями человечества. В ответ консерваторы склонны вспоминать, как часто дорога в Ад бывает вымощена благими намерениями. Как писал Амброз Бирс в «Лексиконе циника» (1906), консерватор — это «деятель, влюбленный в существующие пагубы, в отличие от либерала, который стремится заменить их пагубами новыми».

**В сухом остатке
Держаться корней**

28 Империализм

Хотя термин «империализм» появился относительно недавно, само явление — захват более сильными государствами более слабых и их последующая эксплуатация — старо как мир. История древних цивилизаций Месопотамии и Средиземноморья — это история непрерывной череды сменяющих друг друга империй: Вавилонской и Ассирийской, Персидской империи Кира, Македонской империи Александра Великого... Со временем остатки этих древних империй вошли в одну из величайших империй в истории — Римскую, которая в период своего расцвета простиралась от Британии до Северной Африки и Ближнего Востока.

Если учесть историческое значение Римской империи, неудивительно, что даже сами термины «империя» и «империализм» происходят от латинского *imperium*. Первое значение слова «*imperium*» — «право приказывать», т. е. власть либо гражданских должностных лиц, либо военного командира. Суть империализма во всех его многочисленных формах сводится именно к этому — к власти, которой неизбежно обладает один из участников любых неравных отношений, в том числе и между государствами. Как показывает история, народы, имеющие военные или какие-либо иные преимущества перед соседями, всегда готовы использовать собственное превосходство для расширения своего влияния. Хуже того, подобные преимущества обычно трактуются в контексте расовой или культурной «инаковости», которая дает завоевателю чувство морального превосходства, оправдывающее даже самую отвратительную жестокость и самое бесовское угнетение.

СТРЕЛА ВРЕМЕНИ

Середина VI в. до н. э. 478–404 гг. до н. э. 336–323 гг. до н. э. с III в. до н. э.

Кир Великий создал Персидскую империю в Передней Азии

Союз греческих полисов против Персии превратился в Афинскую империю

Великая империя Александра Македонского простирается до Индии

Создание Римской империи по мере распространения власти Рима за пределы Италии

О рабах и пуделях

Отрезвленные окончательным выводом американских войск из Вьетнама в 1975 году, последующие президентские администрации пытались влиять на другие страны не столь прямолинейно. Самыми эффективными оказались экономические методы, позволившие вашингтонским политикам распространять идеи свободы (и свободного рынка) и демократии (и антикоммунизма) с помощью пряника, а не кнута — в виде огромных американских инвестиций и займов. Самым очевидным свидетельством распространения американских экономики и культуры по всему миру стали появившиеся повсюду рекламные щиты компаний «Макдоналдс» и «Кока-Кола».

Критики внешней политики США часто обвиняли Белый дом в империализме (или неоимпериализме). Но только после террористических атак 11 сентября 2001 года мир узрел американскую

имперскую машину во всей красе. Официально вашингтонские неоконсервативные «ястребы» это отрицали («Мы не строим империй», — утверждал госсекретарь Дональд Рамсфельд), но правда была очевидна — и врагам Джорджа Буша-младшего, и его союзникам, особенно после начала «войны с терроризмом» сначала в Афганистане, потом в Ираке. С удивительной точностью будущий британский премьер Гарольд Макмиллан предсказал во время Второй мировой войны: «Мы... в этой американской империи — греки... мы должны управлять... как греки-рабы управляли деятельностью императора Клавдия». В начале XXI века справедливость этих слов и крайнюю асимметричность «особых отношений» осознали британские высокопоставленные чиновники и в первую очередь ставший объектом многочисленных насмешек «пудель Буша» — премьер Тони Блэр.

Открытый и бесстыдный Сегодня слово «империализм» употребляется почти исключительно в негативном значении — как правило, представителями угнетенных народов для осуждения политики угнетателей. Но еще в начале XX века империалистические действия были предметом национальной гордости и уж точно не считались постыдными.

Неудивительно, что фашистские лидеры, в первую очередь Муссолини и Гитлер, восторженно возвещали миру о победоносном расширении

XV–XIX вв.

Европейская колонизация Америки, Индии и т. д.

1880-е — 1914

«Борьба за Африку», то есть стремление европейских стран к захвату африканских территорий

1920-е — 1945

Фашистские диктатуры породили новый виток агрессивного империализма

с 2001

«Война с терроризмом» обозначила новую фазу развития американского империализма

своих империй. Для них империалистическое владычество было частью естественного порядка: сильный побеждает слабого, такова природа вещей. Эти вселенские злодеи, впрочем, лишь повторяли постулаты таких выдающихся мыслителей, как де Токвиль, Фрэнсис Бэкон, Макиавелли — и множества их предшественников «от начала времен». В 432 году до н. э., накануне Пелопонесской войны, греческий историк Фукидид описал обращение афинской делегации к спартанскому народному собранию с целью предотвратить войну. Оправдывая свое право на власть над всеми греками, афиняне заявили, что на их месте так поступил бы каждый: «Искони уже так повелось на свете, что более слабый должен подчиняться сильнейшему». Соображения справедливости, с их точки зрения, «никого еще не заставили упустить представившийся случай расширить свое могущество с помощью силы»; важны были лишь политическая выгода и сила.

Мало что изменилось за следующие две с половиной тысячи лет. С 1880-х до 1914 года Британия, Германия и другие европейские державы постоянно пытались расширить владения своих империй в лихорадочной «борьбе за Африку» — и отказались от своих шовинистических амбиций только после Первой мировой войны. Борьба эта была столь активной, что к 1914 году примерно четыре пятых Земли контролировала горстка колониальных империй, к тому моменту включавшая в числе прочих Японию и США. Претензии этих империалистов звучали так же бесстыдно, как и в древних Афинах, но без древнегреческого блеска и изящества. В 1899 году лорд Роузбери, бывший британский премьер-министр

Высшая стадия развития капитализма

Во время Первой мировой империализм подвергся безжалостной критике со стороны коммунистов. В одном из своих памфлетов 1917 года Ленин несколько расширил предложенное Марксом определение империализма, назвав его «высшей стадией развития капитализма, победить которую может только революция». На этом этапе прибыль капиталистов-промышленников

падает, несмотря на рост производства, им приходится искать рынки сбыта за границей и бороться за них с другими капиталистическими странами. Отчасти в результате марксистской критики термин «империализм» приобрел негативный оттенок — не только для коммунистов, но и в устах политиков из бывших колоний.

и защитник так называемого «либерального империализма», утверждал, что колониализм есть естественное продолжение народного национализма. «Разумный империализм, — провозглашал он, — в отличие от империализма дикого, есть всего лишь неизбежное продолжение патриотизма». В том же году в журнале «Современное обозрение» Дж. Л. Уолтон великолепно выразил чувство превосходства, свойственное колониальным державам: «Житель империи гордится завоеваниями предков, их храбростью и энергией и ясно осознает свой священный долг».

Бремя Белого Человека Упомянутый Уолтоном «священный долг» — один из аспектов идеологии империализма — в общих чертах обозначился еще в XV веке, на заре европейского колониализма. К середине XIX века идея «имперских добродетелей» прочно утвердилась в умах и нашла выражение в знаменитом стихотворении Киплинга, вызвавшем жаркие споры сразу после своей публикации в 1899 году. Призывая читателя принять на себя «бремя Белого Человека... служить покоренным», Киплинг утверждал, что истинное призвание колониальных властей — заботиться о покоренных народах и что правление колонизаторов благотворно для подданных, которых он со снисходительным высокомерием называл «наполовину бесами, наполовину людьми». Таков был миф о «цивилизаторской миссии», согласно которому народы Запада приняли на себя задачу, как сказал британский государственный деятель лорд Палмерстон, «не поработить, но освободить». Представление о том, что насаждение среди завоеванных народов благ цивилизации и культуры может служить оправданием империалистической политики, разделяли многие представители британской политической и интеллектуальной элиты, включая даже таких либеральных гуманистов, как Дж. С. Миль.

**«Неси это гордое бремя —
Родных сыновей пошли
На службу тебе подвластным
Народам на край земли —
На каторгу ради угрюмых
Мятущихся дикарей,
Наполовину бесов,
Наполовину людей»**

**Редьярд Киплинг,
«Бремя Белого Человека», 1899**

Перевод А. Сергеева

**В сухом остатке
Поработить
или освободить?**

29 Национализм

«За нашу страну! В отношениях с другими странами пожелаем ей быть всегда правой; но права она или нет, это наша страна!» Этот знаменитый тост был произнесен в 1816 году героем американского флота Стивеном Декейтером. Обычно фраза сокращается (с небольшим искажением) до «Это моя страна, права она или нет!» и в таком виде часто используется до сих пор. Но те, кто цитирует знаменитый тост Декейтера, не слишком задумываются о его истинном значении, которое не ускользнуло от Марка Твена. Соглашаясь со знаменитым высказыванием «со всем его подобострастием», говорил он, «мы отказались от самого важного, что у нас было: от права личности противостоять государству... если оно поступает неправильно».

Патриот, согласно тосту Декейтера, должен закрывать глаза на ошибки и даже откровенную несправедливость собственного правительства только потому, что совершаются они его родной страной или во имя ее. На первый взгляд такая точка зрения кажется необычной, если не откровенно аморальной. В ней причудливым образом сливаются патриотизм и родственный ему национализм — чувства и идеи, фанатическая приверженность которым стала поводом, если не причиной, для большинства конфликтов, раздиравших мир в последние два века. Эйнштейн называл национализм «детской болезнью... корью человечества», но эта «детская болезнь» стала причиной двух мировых войн и до сих пор вызывает вспышки насилия в регионах столь далеких друг от друга, как, например, Руанда и Балканы. Впрочем, при определенных обстоятельствах национальное чувство может

СТРЕЛА ВРЕМЕНИ

1775–1783

США, выкованные в огне Американской революции, предлагают идеи либерального национализма

1789–1799

Французская революция во имя «свободы, равенства, братства»

Около 1870

Создание Итальянского государства после полувековой национально-освободительной борьбы

«Патриотизм — это живое чувство коллективной ответственности. Национализм — глупый петух, кукарекающий на куче собственного помета»

Ричард Олдингтон, английский поэт и романист, 1931

пробудить в человеке и лучшие качества, а также способствовать появлению уникального чувства национального единства среди угнетенных национальных меньшинств колониальных держав, где именно национализм стал побудительным мотивом для героического самопожертвования и беззаветной борьбы с тиранией.

Гений нации Патриотизм — это любовь к своей стране и обеспокоенность ее благополучием. Национализм же объединяет патриотическое чувство с определенной политической программой. Целью подобной программы чаще всего становится обретение независимости и государственного суверенитета на основе «национальной принадлежности». После формирования независимого государства встает вопрос, как обеспечить его процветание, защиту и создать национальную идентичность, т. е. чувство принадлежности к определенной нации. Националисты настаивают, что именно такое государство — национальное государство — может гарантировать верность со стороны всех граждан, а преданность отчизне и защита ее интересов для граждан будут превыше всего.

Что же такое нация и чем определяется ее идентичность? Большинство националистов согласятся со словами поэта Сэмюэла Тэйлора Кольриджа, который в «Застольных беседах» (1830) писал: «Я, например, не называю своей страной почву под ногами. Но язык, религия, законы, правительство, кровь — именно они объединяют людей в страну». Джузеппе Мадзини, один из лидеров движения за объединение Италии, высказал, по сути, ту же идею тридцатью годами позже, утверждая, что территория — лишь основа: «Страна — это идея, это чувство любви, чувство братства, объединяющие сынов этой земли». Оба авторитета согласны с тем, что речь идет (в первую очередь) не о земле как таковой — хотя территория с надежно охраняемыми границами почти наверняка будет непременным условием для выживания национального государства.

1871

Создание национального государства в Германии под руководством Бисмарка

1922–1945

Политика крайнего национализма фашистских правительств в Европе

1991–2001

Националистическая ненависть привела к войне на Балканах

1994

Геноцид в Руанде, порожденный национализмом

Главная особенность нации, которой дорожат националисты, ее особая, уникальная идентичность, которую в 1844 году Ральф Уолдо Эмерсон определил как «гений нации, который невозможно обнаружить в отдельных гражданах, но который характеризует общество в целом». Жюль Мишле, автор многотомной и откровенно националистической истории своей страны, написанной в XIX веке, сформулировал знаменитую максиму «Франция — это личность» и настаивал, что нация — это некая природная сущность, вечное существо, душа которого — реликвии и традиции, почерпнутые из «*silences de l'histoire*» («молчания истории»). Этот особенный национальный характер оказывается продуктом уникального сочетания разнообразных исторических, географических и культурных факторов: происхождения этноса, общего языка, единого набора мифов и легенд, традиционных ценностей и обычаев. Эти факторы — все или некоторые из них — с точки зрения националистов, определяют принадлежность к нации.

Два лика национализма

Со времени своего зарождения национализм развивался в двух направлениях: либерально-прогрессивном и авторитарно-реакционном. Различие между этими двумя видами национализма объясняет неприглядную роль, которую он сыграл в истории XX века.

Отцы-основатели США были искренними патриотами, но их национализм был, по сути, либеральным, прогрессивно мыслящим, рациональным и универсальным. Они считали свою страну маяком для всего человечества на пути к свободе и равенству. Их видение американской нации вдохновило национализм французских революционеров, выражавших свои устремления знаменитым лозунгом «Свобода, равенство, братство».

И в Америке, и во Франции формирование нации было осознанным действием общества. Немецкий национализм, возникший в первой половине XIX века в ответ на ужасы Французской революции и вторжение Наполеона, принял совсем другую форму. Романтический и интроспективный, он предпочитал инстинкт разуму, традиции — прогрессу, авторитет — свободе. Отказавшись от универсализма и идеи братства наций, эта версия национализма привела к сосредоточенности нации на самой себе, и из нее выросла национальная история, подчеркивающая особенность и превосходство. Именно эта концепция нации создала национализм, которым воспользовались фашистские диктаторы XX века.

Феномен современности Согласно концепции национализма, мир состоит из отдельных уникальных сообществ, каждое из которых объединено сложной сетью исторических, культурных и других факторов. К сожалению, эта картина очень далека от реальности. Этнические группы перемешивались на протяжении тысячелетий, и ни одна современная популяция сколько-нибудь значительного размера не гомогенна этнически, да и в любом случае этническое единство обычно не так важно для общественного единства, как общий язык или религия.

«Нации не думают, они только чувствуют. Они получают свои чувства подержанными, пропущенными через темпераменты, а не через мозг»

Марк Твен, 1906

В настоящее время национальные государства — это политические субъекты, где национализм и национальное самоопределение считаются законными политическими стремлениями. Важной частью националистического фольклора становится предполагаемый тысячелетний возраст любимой нации, корни которой уходят в глубокую древность. Но современная наука полагает, что такого рода легенды абсолютно бессмысленны: национальные государства являются современным явлением, и представление об их существовании в древности есть продукт «ретроспективного национализма». Это не значит, что на протяжении многих веков и даже тысячелетий люди не были привязаны к своей земле, обычаям и традициям предков. Но вплоть до Нового времени они объединялись в союзы совсем по другим принципам. Объектом верности было не государство, а богоизбранный правитель и сопутствующая ему феодальная иерархия. А в основе единства лежало чувство общей принадлежности к религиозному сообществу, которое стремилось включить в себя все человечество. И только с разрывом этих древних связей, начало которому положили Американская и Великая французская революции, современные идеи, концепции и тенденции — секуляризация, суверенитет народа, права человека, научная революция, индустриализация — привели к появлению национальных государств и национального чувства.

**В сухом остатке
Детская болезнь
человечества**

30 Мультикультурализм

В 1903 году сонет Эммы Лазарус «Новый Колосс» выгравировали на бронзовой пластине и прикрепили на стене в музее, находящемся в пьедестале статуи Свободы. «Новый Колосс» стал одним из самых известных стихотворений в мире, по крайней мере вот эти строки из него: «Отдайте мне всех тех, кого гнетет/ Жестокость вашего крутого нрава,/ Изгоев, страстно жаждущих свобод». Дальнейшая судьба «изгоев, страстно жаждущих свобод» описывалась в пьесе «Плавильный котел», вышедшей спустя пять лет: «Америка — это Горнило Господне, великий плавильный котел, в котором переплавляются и преобразуются все народы Европы!»

Миллионы иммигрантов, прибывших в Америку в начале XX века, вынуждены были с головой погрузиться в «плавильный котел», который с таким энтузиазмом описывал автор пьесы Израэль Зангвилл. В то время считалось, что все народы, собравшиеся в Америке, пройдут через процесс интеграции и разнообразные традиции войдут в единую американскую культуру. В то же время философ-иммигрант Гораций Каллен предлагал принципиально иной подход к той же проблеме. Он считал, что Америка станет богаче и сильнее, если сумеет сохранить этническое, культурное и религиозное разнообразие своих народов.

«E pluribus unum»
(Из многих — единое)

Девиз на гербе
(Большой печати) США

Каллен и его единомышленники были поначалу в меньшинстве, но на протяжении нескольких следующих десятилетий идея так называемого «культурного плюрализма» приобретала все новых

СТРЕЛА ВРЕМЕНИ

476

Римская империя пала — или распалась на части?

630-е

Арабское завоевание Сирии и Египта

1903

Сонет «Новый Колосс» выгравирован внутри статуи Свободы

1908

«Плавильный котел» Израэля Зангвилла

Поймите, что Америка есть горнило Господа, в котором народы Европы переплавляются и преобразуются! Вся ваша вражда, все ваши мелкие дразги — чушь! Немцы и французы, ирландцы и англичане, евреи и русские — все в этот тигель! Так Господь создает американца!

Израэль Зангвилл, «Плавильный котел», 1908

сторонников и к 1960-м стала основой американской культурной политики. Образ плавильного котла постепенно заменялся другими метафорами: мозаикой или (в шутку) миской с салатом, в которой целое создается из отдельных частей, сохраняющих свой неповторимый вкус. Следует ли придерживаться принципов культурного плюрализма, или «мультикультурализма», как его теперь называют, — один из главных вопросов нашего времени.

Имперский императив Сегодня социальные проблемы, решением которых должен стать мультикультурализм, возникают из-за миграции, вызванной экономическими причинами, но раньше те же вопросы вставали в результате завоеваний и необходимости поддержания порядка в империях. Пионерами и величайшими мастерами ассимиляции были римляне, всегда быстро переходившие от фазы военного подавления завоеванных к романизации: они строили города, в которых непременно присутствовали бани и другие элементы римского образа жизни, чтобы покоренные народы привыкали как к радостям *pax Romana* («римского мира»), так и к менее приятным его аспектам, например налогам. Процесс ассимиляции был столь успешен, что провинции зачастую становились более «римскими», чем сам Рим, — некоторые историки даже считают, что Римская империя не столько пала, сколько распалась на части. Другой подход, при котором завоеванные культуры существовали параллельно с доминирующей культурой завоевателей, практиковали арабы при завоевании Сирии и Египта в VII веке. В этих странах победители не требовали обращения побежденных в ислам, но позволяли христианам и иудеям сохранить свою религию — при условии, что те исправно платили специальный налог.

1915

«Демократия против Плавильного котла»
Горация Каллена

1980

Норман Теббит
предлагает «тест
на крикет» для проверки
лояльности иммигрантов

11 сентября 2001

Террористическая атака
исламских террористов
на США

2007

Николя Саркози избран
президентом Франции

Из плавильного котла... И ассимиляция, и мультикультурализм — два разных подхода к проблеме этнической неоднородности — основаны на либеральных принципах, но по-разному интерпретируют идею равенства и ее практической реализации. В случае ассимиляции равенство по определению предполагает одинаковость. Социальная справедливость требует предоставления равных прав и возможностей; дискриминация по этническому признаку недопустима. Поэтому механизм предоставления прав — гражданство — должен быть для всех одинаковым. Эта модель активнее всего использовалась во Франции, где идея общего гражданства вылилась в подавление любых этнических различий. Французскую модель часто критикуют, поскольку она предполагает, что национальность и культурные особенности — это случайные, заменяемые аспекты личной или групповой индивиду-

«Хочешь жить во Франции — уважай наши правила. Не женись много раз, не делай обрезание своим дочерям и не режь овец у себя в ванной»

Николя Саркози, 2006

альности, а такое политическое явление, как гражданство, нейтрально по отношению к цвету кожи и культуре. Критики французского подхода считают, что нейтральное политическое пространство, где этнической принадлежности не существует, — это миф, а от иммигрантов, по сути, требуют отказаться от своей культуры и безоговорочно принять ценности страны пребывания. В пользу справедливости этого возражения говорят и масштабы недовольства среди этнических меньшинств во Франции, и заявления французских политиков правого толка, требующих от эмигрантов «любить Францию или уезжать».

Либеральные корни мультикультурализма подразумевают, что любой образ жизни, при условии, что он не мешает остальным, следует воспринимать терпимо и даже поддерживать. Но представление о равенстве как одинаковости мультикультурализм отрицает, придерживаясь так называемой «политики идентичности». Как геи и феминистки считают равенство с гетеросексуалами или мужчинами в целом критерием успеха, так и этнические меньшинства, в том числе иммигранты, требуют признания равноценности своей культуры и права следовать своему образу жизни. Но при таком подходе возникают сомнения относительно способности общества служить нейтральной матрицей, в которую могут быть уложены чужие обычаи и нравы. Зачастую принимающая сторона вынуждена демонстрировать терпимость, которую далеко не все из прибывающих готовы проявить сами. И если мультикультурализм требует придерживаться культурного релятивизма, отрицающего осуждение меньшинств, принимающей стороне, возможно, придется защищать

Тест Теббита

В интервью «Лос-Анджелес таймс» в 1990 году британский консервативный политик Норман Теббит задал вопрос, до сих пор вызывающий живой отклик: «Значительная часть живущих в Англии азиатов не может пройти простую проверку крикетом. За кого они болеют? Это хороший тест, позволяющий разом понять, остается человек разумом на своей прежней родине или все-таки живет здесь, в Англии, становится ли он британцем?» Так называемый тест Теббита подвергся жесткой критике. Его недостатки очевидны: по результатам такой проверки большинство шотландцев и валлийцев тоже не следует считать британцами. Но высказывания Теббита задели за живое значительную часть белого населения Англии. Их обеспокоенность легко списать со счетов как обычный расизм, но это никак не изменит того факта, что и сегодня, двадцать лет спустя, она нигде не исчезла.

Последующие опросы показали, что многие азиаты и чернокожие, живущие в Англии, — и иммигранты, и родившиеся в Британии — считают себя британцами. Как показывает опыт, множество этнических групп могут существовать совместно, в рамках одного общества, сохраняя в значительной мере свои обычаи. Но при этом у них должна быть некая общая основа. В какой момент преданность своему народу становится несовместима с преданностью стране? Сколько времени требуется, чтобы сформировать единую идентичность и «склеить» мультикультурное общество? Эти вопросы становятся все актуальнее в свете исламистских атак в США и Европе, свидетельствующих о радикализации мусульманской молодежи. К сожалению, сейчас, когда терпимость и сдержанность необходимы сильнее чем когда-либо, многие начинают задаваться вопросами куда более неприятными, чем «тест Теббита».

обычаи, противоречащие ее собственным ценностям, такие как брак по соглашению родителей или принудительное женское обрезание. Такого рода противоречия неизбежно создают внутреннее напряжение в современном мультикультурном обществе.

В сухом остатке
Плавильный котел
или миска с салатом?

31 Общественный договор

Почему люди заключают договоры? Если договор честный, обе стороны считают, что получают определенные преимущества. Вы соглашаетесь приходить в одно и то же место каждый день с понедельника по пятницу и остаетесь там с девяти до пяти, потому что ваш работодатель согласен ежемесячно выплачивать вам за это определенную сумму денег. В целом имеет смысл добровольно ограничивать свою свободу в обмен на определенные блага.

Многие философы, включая Гоббса, Локка, Руссо и Джона Ролза, разрабатывали политические теории, в которых легитимность правительства обеспечивается так называемым общественным договором. Граждане государства соглашаются отказаться от части прав в пользу правительства в обмен на защиту их жизни, собственности и поддержание общественного порядка.

«Левиафан» Гоббса Заключению договора должно предшествовать рассуждение о том, как соглашение изменит положение вещей. Все теории общественного договора начинаются с рассмотрения «естественного состояния» — самой ранней стадии развития человечества, когда еще не существовало законов и других ограничений, налагаемых государством. Естественное состояние в представлении Томаса Гоббса — картина пессимистичная и мрачная. Главная мотивация человека, в его понимании, — «вечное и беспрестанное желание все большей и большей власти, длящееся до самой смерти». Сам по себе человек озабочен лишь собственным удовольствием, своими интересами и безопасностью. В условиях постоянного соперничества и борьбы «всех против всех» не существует основы для взаимного доверия, никакое сотрудничество невозможно, соответственно, неоткуда

СТРЕЛА ВРЕМЕНИ

1651

«Левиафан» Томаса Гоббса поддерживает идею абсолютной власти

1690

«Два трактата о правлении» Джона Локка

возникнуть цивилизации, творчеству и процветанию — «нет ремесла, литературы, нет общества, а, что хуже всего, есть вечный страх и постоянная опасность насильственной смерти». И, подводит итог Гоббс, в «естественном состоянии жизнь человека одинока, бедна, беспросветна, тупа и кратковременна».

Очевидно, что сотрудничество является естественным способом выбраться из этого кошмарного состояния, почему же человеку в его «естественном состоянии» так сложно договориться о взаимодействии с другими? Да просто потому, что непременно приходится поступаться собственными интересами. Но если единственный моральный ориентир для «естественного человека» — собственные интересы и собственная безопасность, с чего ему быть уверенным, что другой не нарушит договор и не нанесет удар первым? Если все рассуждают подобным образом, невозможно никакое доверие и, следовательно, никакое сотрудничество: немедленная выгода всегда оказывается важнее любых долгосрочных преимуществ, и человечество не в силах выбраться из порочного круга лжи и насилия.

Каким же образом люди, жившие некогда в этом естественном состоянии, сумели из него вырваться и договориться друг с другом? Для Гоббса суть этой проблемы сводилась к простой формуле: «Соглашения без меча — лишь слова». Необходима внешняя сила, которая заставит людей подчиниться условиям договора, выгодного всем. Люди должны добровольно ограничить свою свободу ради общего блага, когда «каждый из них будет признавать, как свои собственные, все действия и суждения того человека или собрания людей, которому большинство дает право представлять лицо всех (т. е. быть их представителем)». Решением в таком случае становится общее подчинение абсолютной власти государства (которое Гоббс называл «Левиафаном») — «общей власти, держащей всех их в страхе».

Ролз и концепция справедливости Среди теоретиков общественного договора стоит отметить американского философа Джона Ролза, чья «Теория справедливости» (1971) стала, возможно, важнейшей работой по вопросам социальной справедливости и равенства во второй половине XX века.

«Таково рождение Левиафана, или государства... это реальное единство, воплощенное в одном лице посредством соглашения... Тот, кто является носителем этого лица, называется сувереном, и о нем говорят, что он обладает верховной властью»

Томас Гоббс, 1651

1762

В «Общественном договоре» Жан-Жака Руссо появляется идея о «благородном дикаре»

1971

Джон Ролз разрабатывает концепцию справедливости как беспристрастности в «Теории справедливости»

1979–1980

Администрации «новых правых» в Британии и США осуществляют экономическую политику «просачивания благ»

Любая концепция социальной справедливости, по мнению Ролза, должна основываться на идее беспристрастности. Любое общество, принципы существования которого обеспечивают интересы определенной группы людей (класса, касты, национальности или политической партии), автоматически считается несправедливым. Как же должны распределяться права и обязанности, трудности и блага в справедливом обществе?

Чтобы проиллюстрировать идею беспристрастности, Ролз предложил мысленный эксперимент, являющийся своеобразной переработкой концепции «естественного состояния». В так называемом «изначальном состоянии» мы не имеем никаких личных интересов и привязанностей: «никто не знает своего места в обществе, классовой принадлежности и социального статуса, никто не знает, какими способностями и талантами наделила его природа — ни своего интеллекта, ни своей силы, ничего». Покрытые «завесой неведения», без всякого представления о своей роли в обществе, мы вынуждены действовать осторожно, чтобы ни одна группа не оказалась ущемлена в пользу других. Как и у Гоббса, источником принятия решений станут рациональные эгоистические интересы. И самое благоразумное решение, по мнению Ролза, какое может принять рационально мыслящий индивидум, — придерживаться так называемого «принципа различия».

Локк об общественном договоре

Спустя полвека другой великий английский философ, Джон Локк, также объяснял происхождение государства общественным договором. Гоббс называет Левиафана (символ государства) «смертным Богом», подразумевая, что суверенитет государству придает согласие человека, а не Божественное предопределение (что противоречило общепринятым взглядам его времени). Локк в этом с ним соглашается, но его концепция естественного состояния гораздо менее пессимистична, чем у Гоббса, и условия договора,

создающего общество, куда менее суровы. Гоббс настаивает на абсолютной власти государства во имя предотвращения ужасов «войны всех против всех». Локк же выступает скорее за конституционную монархию: граждане согласны пожертвовать своими правами в пользу правителя — при условии, что тот будет пользоваться властью ради достижения общего блага и народ сохраняет за собой право вернуть эту власть в свои руки, если правитель не справляется со своими обязанностями.

Согласно этому принципу, неравенство в обществе оправданно только тогда, когда наименее успешные его члены оказываются в лучшем положении, чем были бы без него. Идея Ролза вызвала множество откликов, позитивных и негативных, с ее помощью пытались обосновывать идеологии, принадлежащие порой к прямо противоположным сторонам политического спектра и даже весьма далекие от эгалитаристских левых взглядов самого Ролза. Например, принципу различия не противоречат реформы, укрепляющие положение тех, кто и так получает львиную долю общественных богатств, при условии, что остальные также получают определенную выгоду (пускай и очень незначительную). Этот элемент теории Ролза использовался для оправдания так называемой «экономики просачивания благ» — экономической политики, которую проводили правительства Рейгана и Тэтчер в 1980-х. В их политических программах снижение налогов для богатых оправдывалось (предполагаемым) последующим улучшением положения менее успешных слоев. Эту методику экономист Дж. К. Гэлбрейт пренебрежительно назвал «экономикой лошади и воробья»: «если скармливать лошади достаточно овса, некоторое его количество пройдет через нее и достанется воробью».

«Принципы справедливости создаются за завесой незнания»

Джон Ролз, 1971

Сон разума

Идеи Гоббса оказали значительное влияние на французского философа Жан-Жака Руссо, но представление Руссо о естественном состоянии человека (изложенное в знаменитом трактате «Общественный договор» (1762) несколько не напоминает мрачные воззрения великого англичанина. Гоббс полагал, что власть государства необходима для укрощения животной природы человека, в то время как Руссо считал человеческие

грехи и пороки результатом воздействия общества: «благородный дикарь», от природы невинный, вполне удовлетворенный «сном разума», живущий в гармонии с природой и окружающими, развращается под воздействием образования и прочих социальных факторов. Идеи Руссо стали источником вдохновения для романтизма, доминировавшего в европейской культуре в конце XVIII века.

В сухом остатке Общество по договоренности

32 Республика

«Королем в Америке является закон. Ибо как в абсолютистских государствах король является законом, так и в свободных странах закон должен быть королем и не должно быть никакого другого». Так писал в своем знаменитом памфлете «Здравый смысл» Томас Пейн. Автор «Здорового смысла» выступал за установление республиканской формы правления и полный разрыв с британской монархией как единственно возможное решение проблем американских колоний. 4 июля 1776 года, всего через шесть месяцев после публикации памфлета Пейна, Второй континентальный конгресс в Филадельфии принял Декларацию независимости. Так был сделан решающий шаг к созданию одного из сильнейших республиканских государств нашего времени.

Десятилетием позже, в 1787 году, будущий второй президент США Джон Адамс повторил утверждение Пейна о важности власти закона. Он считал правильным, «и единственно правильным», следующее определение понятия республика: «Государство, в котором все, богатые и бедные, магистраты и подданные, чиновники и народ, хозяева и слуги, от первого до последнего гражданина, в равной мере подвластны закону». Еще один из отцов-основателей, Александр

6 Подчинение свободных людей общему для всех закону, как бы тяжело оно ни было, много совершеннее подчинения рабов самодурству монарха 7

Александр Гамильтон, 1780

СТРЕЛА ВРЕМЕНИ

510 г. до н. э.

Изгнание этруских царей знаменовало создание Римской республики

27 г. до н. э.

Император Август положил конец Римской республике

1688

Славная Революция устанавливает в Англии конституционную монархию

Гамильтон, в письме 1780 года, сравнивая республику и монархию не в пользу последней, писал о «подчинении свободных граждан закону» и «подчинении рабов самодурству монархов».

Сегодня слово «республика» настолько распространено, что им описывается практически любое государство, не имеющее монарха. Но Пейн, Адамс и Гамильтон, эти три гиганта Американской революции, дают достаточно узкое и потому более значимое определение. В их представлении всевластие закона, главный среди «предохранителей», вписанных в Конституцию, предотвращает произвол правительства. Философия республики вовсе не ограничивается простым отрицанием монархии.

Римская модель Согласно классической республиканской парадигме, в деспотизме монархического правления повинен в первую очередь властолюбивый монарх («коронованный дикарь», по словам Пейна), свержение которого и передача власти в руки народа становится частью мифологии нового режима. Эта классическая схема впервые была реализована в политической системе, ставшей источником вдохновения для всех будущих теоретиков-республиканцев, — римской (само слово «республика» образовано от латинского слова «государство», или «общее дело», — *res publica*).

Как сообщают официальные римские источники, республика была установлена в 510 году до н. э. после свержения последнего этрусского царя в ходе восстания под руководством героя Луция Брута. Поводом к восстанию стало надругательство Секста Тарквиния, омерзительного сына не менее гнусного царя Тарквиния Гордого, над римской матроной Лукрецией. После свержения царей установилась номинально демократическая республика, власть в которой принадлежала народу. Все взрослые граждане мужского пола имели право участвовать в политической жизни, но на практике власть оказалась в руках олигархии — 50 знатных семей держали под контролем основные государственные должности-магистратуры. Ядром власти был сенат, где бывшие магистраты, пожизненные сенаторы, обсуждали государственные дела и принимали решения.

Впрочем, у римлян было достаточно гарантий, которые призваны были предотвратить злоупотребление властью. Например, срок полномочий всех

Республиканская форма правления единственная не противоречит — скрыто или явно — правам человека

Томас Джефферсон, 1790

1775–1883

Рождение США в результате Американской революции

1776

Республиканский «Здравый смысл» Томаса Пейна призывает разорвать отношения с Британией

1787

Джон Адамс подчеркивает значение закона в концепции республики

магистратов был ограничен по времени (обычно год), и даже высшие должностные лица республики, два консула, действовали лишь в рамках определенных законом полномочий, а на решения консула могли налагать вето десять трибунов, избираемых простым народом (плебеями) для защиты своих интересов.

От Рима к Вашингтону Несмотря на все эти защитные механизмы, развивавшиеся на протяжении четырех веков, Римская республика была далека от совершенства. В конце концов в 27 году до н. э. она пала под гнетом коррупции и злоупотреблений, и на смену ей пришла автократическая империя Августа. Идеи Римской республики, даже не столько политическое устройство, сколько несгибаемый дух ее лидеров, приводили в восхищение многих философов и политиков последующих веков, в том числе и авторов американской Конституции. Главной добродетелью героев республики,

«Безнравственность — это основа деспотизма, а добродетель — это сущность республики»

Максимилиан Робеспьер, 1794

которую с тоской вспоминали потомки, например Цицерон, была *pietas*, или верность долгу: непоколебимая и бескорыстная преданность интересам общества, которую демонстрировали и тираноборец Брут, и Сципион, разрушивший Карфаген, и Катоны, Старший и Младший, — суровый цензор и его правнук, который в 46 году до н. э. предпочел совершить самоубийство, но не поступиться своими принципами.

Римская *pietas* стала тем примером гражданской добродетели, на которой зиждилась доктрина американской республики. В соответствии с республиканским мышлением Америки 1770-х, главным качеством гражданина была готовность служить стране и народу и ставить интересы общества выше интересов политической партии или своих собственных. Обычно это требовало определенного веса в обществе и уровня образования, которые позволяли рассуждать здраво и независимо среди себе равных. В результате женщины и не имеющие собственности работники (и, конечно, рабы) были вынуждены полагаться на добродетельных (белых мужчин) представителей

«Главное возражение против единоличного правления — частота, с которой автократы скатываются в мегаломанию, к которой прибавляется, в случае наследования власти, еще и некомпетентность наследников»

Энтони Квинтон, 1995

Коронованная республика

В 1775-м, за год до провозглашения независимости американских колоний, деспотическая родина получила от них неожиданный комплимент: «Британия... в сущности республика, где король является главным официальным лицом. Передача власти по наследству не противоречит республиканской форме правления — при условии, что полномочия правителя ограничены законом, а народ имеет возможность участвовать в создании закона и право его защищать». Это наблюдение Джона Адамса, который противостоял британскому правлению не из фундаментальных идеологических разногласий, а лишь потому, что английские власти не предоставляли американцам «основных прав, гарантированных любому англичанину, которых заслуживает любой свободный человек». После окончательного свержения абсолютизма Стюартов в результате «Славной революции» 1688 года Англия (Британия с 1707 года) стала, согласно часто цитируемой фразе Адамса, «империей закона, а не человека», или, как описал ее в 1920 году Герберт Уэллс, «коронованной республикой». Секретом создания республики без свержения монархии стало принятие Конституции сообразно «британской формуле», как назвал ее Троцкий: монарх «царствует, но не правит». Британцам всегда было свойственно симпатизировать республиканским идеям, и в периоды правления непопулярных монархов эта симпатия становилась особенно выраженной, хотя очень редко проявлялась на практике.

элиты, которые защищали их интересы. Хотя отцы-основатели считали себя и либералами, и сторонниками республики, их республиканская доктрина противоречила либерализму, сущностью которого была защита прав личности от произвола государства. Социальный консерватизм и аскетизм, поддерживаемые глубокой религиозностью отцов-основателей, не соответствовали идеям классического либерализма с его стремлением к богатству и экономической самостоятельности. Эта внутренняя борьба идей республики с идеями либерализма определила развитие массового сознания и культуры США в следующие два столетия.

В сухом остатке Всевластие закона

33 Коммунизм

«Коммунисты считают презренным делом скрывать свои взгляды и намерения. Они открыто заявляют, что их цели могут быть достигнуты лишь путем насильственного ниспровержения всего существующего общественного строя. Пусть господствующие классы содрогаются перед Коммунистической Революцией. Пролетариям нечего в ней терять кроме своих цепей. Приобретут же они весь мир. Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

Этим громогласным призывом Карл Маркс завершил «Манифест Коммунистической партии», брошюру длиной меньше 12 000 слов, написанную им совместно с Фридрихом Энгельсом и опубликованную в 1848 году в качестве политической платформы «Лиги Коммунистов» — бесплодной, недолговечной, скандальной и склочной. И тем не менее эта брошюрка повлияла на историю человечества сильнее, чем любой другой сравнимый с ней текст. Еще за три года до «Манифеста» Маркс с отвращением писал о философах, которые довольствовались лишь попытками объяснить окружающий мир. «Дело же заключается в том, — писал он, — чтобы изменить его». При всем своем радикализме и революционности Маркс вряд ли мог представить, как поведет себя вызванный им к жизни «призрак коммунизма».

Прошел целый век со смерти Маркса в 1883 году, прежде чем начали разваливаться режимы, пытавшиеся претворить в жизнь его идеи или по крайней мере то, во что его идеи превратились. Сталинская Россия и «культурная революция» Мао оставили несмываемое пятно на репутации Маркса. По мере того, как начиная с 1991 года в облаках пыли рушились статуи Ленина, тезисы Маркса о классовой борьбе,

СТРЕЛА ВРЕМЕНИ

1818

В Трире родился Карл Маркс

1844

В Париже Маркс знакомится со своим будущим другом и соавтором Фридрихом Энгельсом

1848

От имени «Лиги Коммунистов» опубликован «Манифест Коммунистической партии»

1867–1894

В «Капитале» (три тома) сформулирована марксистская экономическая теория

1883

Маркс умер в Лондоне

завершающейся построением бесклассового общества, терпели крах, как и сама советская система. Коммунизм, а с ним и идеи революционной борьбы и бесклассового общества, казалось, окончательно обратились в «руины истории», как предсказывал в 1982 году президент США Рональд Рейган. Но шли годы, пыль улеглась, и оценки стали более сдержанными. В мире глобального капитализма и порожденного им колоссального имущественного неравенства не нужно быть твердокаменным социалистом, чтобы оценить фундаментальную человечность основной идеи Маркса — идеи общества, в котором каждый отдает в силу своих способностей и получает соответственно потребностям.

Стимул к изменению «Призрак коммунизма» — детище не одного только Маркса. В первой половине XIX века европейское общество изменилось до неузнаваемости в результате технологической и промышленной революций. Эта трансформация вызвала колоссальный рост производительности и привела к немыслимому ранее увеличению богатства промышленно развитых стран; но все эти новые доходы в основном отправлялись в карманы капиталистической элиты. Таким образом, обогащались те, кто и так был богат, за счет пролетариата, положение которого в тот же период неуклонно ухудшалось.

Столь значительные (и чудовищно несправедливые) социальные перемены вызвали ответную реакцию. На протяжении нескольких десятилетий до публикации «Манифеста» в 1848 году «все силы старой Европы» активно боролись с коммунистами-радикалами, членами радикальных социалистических движений, действующих во имя рабочего класса и готовых к насильственному свержению капиталистического строя и упразднению частной собственности. Именно в ответ на эти чаяния Маркс разрабатывал свою концепцию переустройства общества — как политическую доктрину и как практическое руководство к действию.

Нельзя обвинять Маркса в том, что было совершено под знаменем его идей, так же как нельзя обвинять Иисуса в том, что было совершено его именем

Тони Бенн, британский социалист, 1982

1917

Русский революционер Ленин предпринимает первую попытку реализовать идеи Маркса на практике

1922–1953

Тираническая власть Сталина в Советском Союзе

1949

Мао Цзэдун контролирует создание Китайской Народной Республики

1991

Распад Советского Союза

Рай может подождать

«Господствующие идеи каждой эпохи, — писал Маркс в 1845 году, — это идеи господствующих классов». Иными словами, господствующая идеология — совокупность общепринятых взглядов, выражаемых средствами массовой информации, образовательными учреждениями и т. д., — это взгляды господствующего класса, призванные оправдать экономическое и социальное неравенство. В 1902 году, за 15 лет до революции в России, будущий руководитель Советского Союза Владимир Ильич Ленин, принимая марксистский анализ идеологии в целом, критиковал недостаточное понимание самим Марксом глубины воздействия этой идеологии на массы. Маркс полагал, что восстание пролетариата произойдет спонтанно, но Ленин был уверен, что господствующая

идеология создает «ложное понимание» и рабочий класс остается слеп к своим собственным интересам, попустительствуя угнетению. Ленин считал, что вести рабочих к светлому будущему должен авангард, состоящий из представителей интеллектуальной элиты, — таких как... он сам. Этот авангард сможет установить «диктатуру пролетариата», переходную фазу (по Марксу), которая со временем завершится полноценным коммунизмом. Проблема в том, что ни один коммунистический режим XX века так никогда и не преодолел переходного периода: авангард захватывал власть и удерживал ее, устанавливая диктатуру, но не пролетариата, а коммунистической партии. Наступление коммунистического рая на земле откладывалось.

История классовой борьбы Два столпа марксизма — специфическая экономическая теория и столь же специфическое понимание исторического процесса. Согласно Марксу, движущей силой истории является экономическое развитие. Главная задача любого общества — производство всего необходимого для выживания, которое достигается в рамках «способа производства», характерного для данной эпохи; он представляет собой совокупность средств труда (сырье, материалы, инструменты и орудия труда) и рабочей силы, человеческих ресурсов, обладающих нужными навыками. Структура экономики, определяемая этими факторами, определяет и структуру общества в целом, в первую очередь взаимоотношения разных социальных слоев, или «классов».

В каждую историческую эпоху один класс является господствующим и контролирует средства производства, эксплуатируя труд рабочего класса в своих интересах. Но способы производства прошлого и настоящего

фундаментально нестабильны. «Противоречия» в отношениях между разными социальными элементами неминуемо приводят к росту напряженности и со временем — к конфликту и революции, в которой господствующий класс заменяется новым. Отсюда один из ключевых тезисов «Манифеста»: «История всех до сих пор существовавших обществ была историей борьбы классов».

Промышленный капитализм, способ производства эпохи Маркса, с его точки зрения, был необходимым этапом экономического развития, обеспечившим огромный рост производительности. Но буржуазия, господствующий капиталистический класс, которому принадлежали средства производства, использовала свою экономическую власть для накопления богатства, которое создавалось трудом рабочего класса (пролетариата). Согласно научным законам (как их видел Маркс), действующим при капитализме, процесс индустриализации неизбежно приведет к еще большему обеднению пролетариата. В конце концов рабочий класс осознает невозможность примирения собственных интересов и интересов буржуазии. Тогда рабочие восстанут и сбросят иго буржуазии, захватят средства производства и уничтожат частную собственность. После этого они установят «диктатуру пролетариата», защищающую их интересы против буржуазной контрреволюции. Но на смену этому временному, переходному государственному устройству в «конце истории» придет подлинный коммунизм: бесклассовое общество, в котором воцарится всеобщая свобода, а средства производства будут принадлежать всему обществу в целом и использоваться для производства благ для всех.

«Коммунисты могут выразить свою теорию одним положением: уничтожение частной собственности»

Карл Маркс, 1848

**В сухом остатке
Пролетарии всех
стран, соединяйтесь!**

34 Фашизм

«Основное положение фашистской доктрины — это учение о государстве, его сущности, задачах и целях. Для фашизма государство представляется абсолютом, по сравнению с которым индивиды и группы только “относительное”. Индивиды и группы “мыслимы” только в государстве. Либеральное государство не управляет материальным и духовным развитием коллектива... Фашистское государство имеет свое сознание, свою волю и личность...»

Первый фашистский диктатор, пришедший к власти в Европе, Бенито Муссолини, до того как стать дуче (лидером) фашистской партии, был журналистом. Он всегда был готов порассуждать о фундаментальных основах идеологии, в развитии которой сыграл решающую роль. В 1932 году он подписал своим именем эссе «Доктрина фашизма», которое вошло в соответствующую статью Итальянской энциклопедии. Хотя автором большей части эссе считается Джованни Джентиле,

«Фашизм — это не новый общественный порядок в строгом смысле этого слова. Это будущее, которое отказывается появляться на свет»

**Эньюрин Бивен,
британский политик, 1952**

самопровозглашенный «философ фашизма», оно остается одним из определяющих документов идеологии, которой суждено было принести столько страданий миру и привести к гибели десятков миллионов людей в самой кровопролитной войне в истории. Подлинный образец фанатизма, эссе прекрасно иллюстрирует основные черты фашистского мышления, среди которых особое место занимает одержимость ролью государства в функционировании общества. Государство стало своеобразным тотемом для фашистских режимов, и апелляция к его нуждам и потребностям оправдывала любые мерзости.

СТРЕЛА ВРЕМЕНИ

1917

Русская революция породила в Европе страх перед коммунизмом

1919

Недовольство итогами Версальского договора посеяло зерна будущих фашистских режимов

1922

Муссолини становится премьер-министром (а с 1925 года диктатором) после Марша на Рим

Смертельный коктейль

Есть некая ирония в том, что подъем фашизма в 1920–1930-е годы был вызван не реальными событиями, а страхом перед тем, что может произойти. Как заметил итальянский писатель Игнацио Силоне, «фашизм был контрреволюцией против революции, которой так и не случилось». После революции 1917 года в России угроза распространения социализма ощущалась в Европе весьма явственно, и этот страх безжалостно эксплуатировали фашистские лидеры, чья пропаганда постоянно твердила о «красной угрозе с востока». Фашизм, в свою очередь, с точки зрения ортодоксального марксизма был последним отчаянным ходом авторитарного капитализма. «Фашизм у власти, — говорил секретарь коммунистического интернационала Георгий Димитров

в 1936-м, — это открытая террористическая диктатура наиболее реакционных, наиболее шовинистических, наиболее империалистических элементов финансового капитала». На самом деле фашизм был многим обязан коммунизму, в том числе и в вопросах идеологии. Сам Герман Геринг, будущий глава люфтваффе, заявил в своей речи 1933 года: «Наше движение ухватило трусливый марксизм за глотку и вытрясло из него самую суть социализма; мы вырвали идею национализма у трусливых буржуазных партий. Бросив все это в плавильный котел нашего мировоззрения, мы выгнали кристально чистый их синтез — германский национал-социализм». Нацизм был коктейлем из марксизма и буржуазного национализма — воистину ядовитым коктейлем.

Невнятное кредо Взгляд на фашизм как на «духовный национализм» повторил годом позже, в 1933-м, основатель фашистской партии Испанская фаланга Хосе Антонио Primo де Ривера:

«Фашизм был создан, чтобы вдохновлять не правых (стремящихся сохранить все, даже несправедливость) или левых (старющихся уничтожить все, даже достойное), но коллективное целое, дух нации...»

Примо де Ривера невольно пролил свет на неоднородность фашизма, заимствовавшего концепции различных идеологий, в том и числе и тех, которые сами фашисты презирали, — марксизма и демократического либерализма. Разные фашистские партии и режимы, возникшие в Европе

1933

Адольф Гитлер назначен канцлером Германии. В Испании создана фашистская Фаланга (с 1937 года стала частью правящей партии Франко)

1945

Со смертью Муссолини и Гитлера заканчивается «эра фашизма»

1975

Последний фашистский диктатор, Франсиско Франко, умер в Мадриде

за два десятилетия между мировыми войнами, имели очень разные политические программы, обычно адаптированные к местным условиям и часто не имеющие какого-либо идеологического единства между собой. Фашизм с самого начала отличался не столько единой философской и идеологической основой, сколько одинаковой организацией и схожим стилем управления, сочетающим жесткий авторитарный контроль, насилие и фетишистскую одержимость племенной мифологией и символизмом.

Придет время... Внутренние противоречия фашистской идеологии сильно затрудняют ее анализ, но большинство исследователей согласны, что так называемая «эра фашизма» (1922–1945) является следствием Первой мировой войны и результатом несправедливости Версальского договора. В Италии, где фашисты впервые пришли к власти в 1922 году после марша на Рим, однопартийный режим пользовался поддержкой населения из-за неудач либерально-демократического правительства и особенно его неспособности добиться ожидаемого роста территории по окончании войны. В Германии недовольство населения, неизбежное следствие унижающего поражения, и гнев, вызванный потерей части территории

Печать благородства

Суть фашизма в необузданном стремлении к власти. Об этом говорит и само название, от латинского *fascis* (так называлась связка прутьев с топором — атрибут власти римских магистратов). Тоталитарная система была неравной — Муссолини писал о «неизбежном, благотворном и плодотворном неравенстве»; антидемократической — выборы либо упразднялись, либо подтасовывались, и только одна политическая партия могла действовать легально; антилиберальной — требовалось полное подчинение личности государству. Милитаризм и империализм были выражением жизненной силы государства. «Только война напрягает до высшей степени все человеческие силы, — утверждал Муссолини, — и налагает печать благородства на народы, имеющие смелость предпринять таковую». Чудовищный масштаб фашистского эксперимента описывал английский мемуарист Гарольд Николсон, побывавший в Риме в январе 1932 года: «Они превратили всю страну в армию. От колыбели до могилы жизнь определяется фашизмом, и нет от него спасения... эксперимент этот по сути социалистический, поскольку уничтожает индивидуальность, и рано или поздно он уничтожит также и свободу».

государства, усугублялись экономическим кризисом и необходимостью выплаты огромных репараций. Это привело к гиперинфляции, фактически разрушившей повседневную жизнь граждан.

И в Италии, и в Германии фашистские пропагандисты умело использовали чувство ущемления национальной гордости после поражения в войне, создав миф о национальном позоре и унижении.

Муссолини, например, утверждал, что итальянцы «многие поколения трудились как рабы на пользу иностранцев». Частью мифа, особенно в Германии, стала «чистота крови и национального генофонда», идея, которую поддерживало множество лженаучных теорий, оправдывавших ужасы расовой и евгенической политики — обязательную «эвтаназию» и массовые казни.

Страны, ставшие добычей фашистских режимов, видели себя жертвами слабых и некомпетентных правительств или иностранных заговоров. Привлекательность ультранационалистического фашизма заключалась в том, что он обещал восстановить попорченную национальную гордость, объединив народ ради достижения великой цели. Враги внешние и внутренние — социалисты, либералы и евреи — должны быть уничтожены, а для этого необходимы железная дисциплина, самопожертвование и руководство сильного и решительного лидера — такого как Муссолини или Гитлер.

«Фашизм определяется не количеством жертв, но теми чудовищными методами, которыми они были уничтожены»

Жан-Поль Сартр, 1953

**В сухом остатке
Ядовитая смесь
правого и левого**

35 Расизм

Примечательно, что Соединенные Штаты Америки — самопровозглашенная «родина свободных» и бастион демократии, равенства и прав человека — первые 89 лет существования зависели от рабского труда. Рабство было распространено в английских колониях задолго до основания США в 1776 году, а созданная после его упразднения (в 1865 году) система дискриминации просуществовала более века. Этот постыдный факт американской истории — противоречие между провозглашенными высокими принципами и низменной реальностью — сыграл решающую роль в утверждении концепции расизма, то есть разделения человечества на «естественные», биологически обусловленные группы, расы.

Первые английские колонисты, обосновавшиеся в Северной Америке в начале XVII века, не сомневались, что в культурном и нравственном отношении они превосходят как коренное население Америки, так и чернокожих африканцев, которые начали прибывать в Новый Свет вскоре после европейцев. Но только к концу XVII века представлением о врожденном «расовом» превосходстве европейцев стали оправдывать институт рабства, до этого объяснявшийся чисто экономическими соображениями.

В течение XVIII–XIX веков представление о «расовых особенностях», первоначально едва оформленное, развивалось и постепенно закрепилось как в дискриминационном законодательстве, так и в общественном сознании, философии и науке. Философы, в том числе Кант и Вольтер, разделяли убеждение о расовой неполноценности «дикарей», а ученые прилагали немалые усилия в стремлении рационально

СТРЕЛА ВРЕМЕНИ

1642

Массачусетс становится первым штатом, узаконившим рабство

1865

Отмена рабства в США

обосновать разделение человечества на расы. Некоторые даже предполагали, что другие расы по сути другие биологические виды, то есть даже не совсем люди. К началу XX века представление о естественном различии разных рас и их «иерархическом» положении, оправдывающем дискриминацию, утвердилось практически по всему миру.

Расизм У термина «расизм» есть как минимум два различных, но связанных между собой значения. В быту расистом называют человека, который враждебно или пренебрежительно относится к тем, кто внешне отличается от него самого — цветом кожи, происхождением и так далее; эта неприязнь может выражаться в виде открытой агрессии. Такой расизм чаще инстинктивен, бессознателен и редко обосновывается теоретически.

«Расизм» во втором значении — система взглядов и убеждений, формирующих определенное мировоззрение или идеологию. Основная идея этого мировоззрения в том, что каждый принадлежит к одной и только одной из нескольких групп, называемых «расами», каждая из которых биологически отличается от остальных. Представители одной расы обладают определенными общими признаками, в первую очередь цветом кожи и чертами лица. Им также свойственны определенные стандарты поведения и психологические особенности, темперамент и умственные способности. Эти различия зависят от биологии расы, определены генетически, передаются по наследству и неизменны. Расы не равны между собой (в нравственном, интеллектуальном отношении и т. д.): некоторые из них более развиты, чем другие, и, следовательно, их можно распределить в своего рода иерархию.

Расизм во втором, идеологическом, смысле объясняет или оправдывает поведение расиста бытового. Кроме того, расистская идеология может использоваться и использовалась политиками для оправдания дискриминации. В Южной Африке до 1990 года существовала система апартеида, или «раздельного развития», официально одобряющая множество форм дискриминации небелого населения, которое проживало в определенных охраняемых районах без доступа к достойной работе и образованию, лишенное большинства политических и экономических возможностей.

«Я отказываюсь признавать, что человечество вечно будет жить в беззвездной полночи расизма, что рассвет мира и братства никогда не наступит»

Мартин Лютер Кинг-младший, 1964

1933

Впервые антисемитская расистская политика проводится в нацистской Германии

1964

Акт о гражданских правах в США объявляет расовую сегрегацию незаконной

Начало 1990-х

Система апартеида упразднена (официально) в ЮАР

Преступления белого общества

Одна из самых популярных и в то же время самых отвратительных тактик расистов — использование статистических данных, демонстрирующих высокий уровень преступности среди определенной расовой группы, чтобы подтвердить таким образом природную аморальность или склонность к преступлениям. В Британии и США судебные и тюремные записи показывают относительно высокий уровень преступности среди чернокожего населения мужского пола.

Расисты утверждают, что такое поведение является результатом биологической предрасположенности, не имеющей ничего общего с социальными и другими факторами. В январе 1968 года, за несколько месяцев до своей гибели от рук убийцы, Мартин Лютер Кинг-младший продемонстрировал куда более глубокое понимание ситуации: «Преступления, пусть и отвратительные, которые совершают черные, есть во многом результат преступлений белого общества».

Раса и наука До 1970-х годов мнение о естественном делении человечества на расы поддерживало большинство ученых; они полагали эти категории биологически определенными и видели свою задачу в изучении различий и отношений между расами. По сути, они распахивали ту же борозду, что и их предшественники веком раньше. Но к середине XIX века задача классификации рас и определения «места негра в природе» вызвала к жизни многочисленные новые методы. Например, сторонники френологии измеряли внутренние размеры черепа, они были убеждены, что мозг чернокожих меньше мозга белых и, следовательно, последние обладают большими интеллектуальными способностями. Одержимость относительными интеллектуальными способностями возросла с появлением в XX веке тестов IQ (коэффициент интеллекта). Эти тесты стали особенно популярны в США, где исследователи обнаружили, что в среднем чернокожие хуже справляются с заданиями, что позволило подвести теоретическую основу под предрассудки исследователей.

Удивительно, что «научный расизм» просуществовал так долго. Хотя большинство ученых придерживалось в целом теории расовых различий, расхождения в деталях (даже таких фундаментальных, как количество существующих рас) были весьма значительны, что свидетельствовало о фундаментальных проблемах самой теории. Всегда, впрочем, находились отдельные исследователи, которые шли «против течения» и пытались

опровергнуть господствующую теорию, но всерьез она не оспаривалась вплоть до середины XX века, когда в общих чертах стали понятны генетические основы наследственности. Сначала группы крови, а потом и другие генетические маркеры показали бессмысленность принятых расовых категорий. Вскоре стало очевидно, что различия внутри расовых групп гораздо значительней, чем отличия между ними. Критический обзор предыдущих исследований также обнаружил несостоятельность как их методологии (в том числе и тестов IQ), так и интерпретации результатов.

Сегодня биологическая концепция расы практически полностью опровергнута. Идея расы считается социальным конструктом, причем относительно недавним, имеющим значение только в определенном историческом, культурном и политическом контексте. Физиологические различия человечества, такие как цвет кожи, на которых обычно основаны расовые категории, считаются относительно незначительными эволюционными адаптациями к разным условиям среды. В науке теория расы как биологической категории пала под весом противоречащих ей данных. К сожалению, искоренение этой идеи из массового сознания потребует еще немало времени.

В сухом остатке
Беззвездная полночь
расизма

36 Феминизм

«От тирании мужчин, я в этом твердо уверена, происходит большая часть женских глупостей... я не пытаюсь преуменьшить значение мужчин, но доказать, что их благоразумие — просто следствие их образованности и положения в обществе. Если это так, то разумно предположить, что характер женщин изменится и они избавятся от своих пороков и легкомысленности, когда им будет дана свобода физическая, моральная и гражданская... Дайте женщине права, и она вполне сможет соперничать с мужчинам...»

Этим призывом Мэри Уолстонкрафт завершила свое эссе «Защита прав женщин», опубликованное в 1792 году и встреченное в равной степени негодованием и восхищением. 32-летняя смутьянка, «гиена в юбке», как назвал ее Гораций Уолпол, выступала против ограниченной системы воспитания и образования, развивающей в женщинах «рабскую зависимость», «бессильное изящество ума» и лишь самые простые побуждения — заботиться о внешности и убажывать мужчин. Она настаивала, что если бы женщинам были предоставлены те же возможности, что и мужчинам, они бы оказались не менее разумны и талантливы. Хотя отдельные женские голоса и раньше звучали в давнем — мужском — «споре о правах женщины», Уолстонкрафт первой высказалась столь страстно и убедительно: она показала всему миру, что женское самосознание начинает пробуждаться.

Об эффективности феминистского движения говорит хотя бы то, что равенство полов, пусть и не абсолютное, сегодня воспринимается как должное, по крайней мере, в странах Запада. Легко забыть, что меньше века назад общественные, политические и экономические

СТРЕЛА ВРЕМЕНИ

1792

Мэри Уолстонкрафт выступает против подчиненного положения женщин

1848

Первый американский конвент за права женщин проходит в Сенека-Фолс, Нью-Йорк

1869

Опубликован очерк Дж. С. Милля «Подчинение женщин»

возможности женщин были серьезно ограничены. Женщина должна была знать свое место, и местом этим был дом — которым ей, правда, не позволялось владеть.

Голос женщин Призывы к равенству становились все громче на протяжении века после смерти Уолстонкрафт в 1797 году. В середине XIX века движение за женское равноправие поддерживал Дж. С. Милль, который в книге «Подчинение женщин» (1869) писал: «Законное подчинение одного пола другому... должно смениться принципом равенства, не дающего привилегий и преимуществ ни одной из сторон». И в США, и в Европе борьба за эмансипацию женщин тесно переплелась с борьбой за отмену рабства, не в последнюю очередь потому, что аболиционистки осознали злую иронию ситуации, когда сами они не имели политических прав, которых добивались для бывших рабов.

В следующие полвека энергия феминисток западного мира была направлена в основном на борьбу за право голоса. Лоббирование, поначалу ненавязчивое, встретило сильное сопротивление, и со временем борьба становилась все более и более агрессивной — кампании суфражисток по обе стороны Атлантики включали теперь бойкоты, демонстрации, поджоги и голодовки. Такая тактика — положившая начало традиции политического активизма, до сих пор во многом характерная для феминизма, — принесла свои плоды, и женщины добились избирательных прав в Британии (1918, 1928) и США (1920).

Вторая волна Несмотря на обретение женщинами права голоса, дискриминация по половому признаку по-прежнему процветала практически во всех сферах общественной жизни. На первом Конгрессе по правам женщин, состоявшемся в 1848 году в Сенека-Фолс, штат Нью-Йорк, была принята резолюция, требующая для женщин «равного с мужчинами права участия в различных профессиях, ремеслах и торговле»; но и спустя 70 лет было очевидно, что до экономического равенства еще далеко. Впрочем, чувство единства, возникшее в движении суфражисток во время борьбы за право голоса, быстро исчезло, когда эта цель была достигнута.

«Мне так и не удалось точно определить, что такое феминизм, но я заметила, что всякий раз, когда я не даю вытирать о себя ноги, меня называют феминисткой»

Ребекка Вест,
английская писательница, 1913

1918

Британские женщины, достигшие 30-летнего возраста, получили право голоса (а в 1928-м возрастной ценз снизился до 21 года, как у мужчин)

1920

19-я поправка к Конституции США запрещает дискриминацию по признаку пола

1960-е

Начало «второй волны» феминизма

1990-е

«Третья волна» феминизма

Внутренние противоречия, только усугубившиеся в результате сперва экономической депрессии, а позже и мировой войны, на несколько десятилетий ослабили и раздробили движение за права женщин.

«Первая волна» феминизма была связана с аболиционистским движением, вторая же поднялась в 1960-е — время надежды и кризиса, в эпоху борьбы за гражданские права, антивоенных демонстраций, контркультуры и студенческих протестов. Тысячи новых инициатив, протестов против тысяч несправедливостей распространялись по свету, но это обновленное движение вызвало к жизни множество противоречий и внутренних разногласий.

Либеральные феминистки — таких было большинство — придерживались прагматичной программы, добиваясь простого равенства с мужчинами во всех областях жизни. Для них главной задачей было прекратить дискриминацию: разрушить официальные и неофициальные барьеры, «стеклянный потолок», не позволяющий женщинам продвигаться по службе; добиться права на отпуск по уходу за ребенком; обеспечить равные возможности в получении образования и профессиональном обучении.

Что может быть страшнее одинокой бабы...

В речи, произнесенной ровно через двести лет после публикации «Защиты прав женщин» Уолстонкрафт, праворадикальный проповедник Пэт Робертсон описывал феминизм как «социалистическую, антисемейную политическую идеологию, побуждающую женщин оставлять мужей, убивать своих детей, заниматься колдовством, разрушать капитализм и становиться лесбиянками». Обвинения в детоубийстве и колдовстве, конечно, притянуты за уши, а вот все остальное некоторые феминистки действительно предлагали. Свидетельствует это не столько о радикальной сущности феминизма, сколько о его внутреннем разнообразии, хотя и экстремисток в истории феминизма хватало.

Но в феминизме существовало и более радикальное направление. Уже в 1898 году известная американская анархистка Эмма Гольдман насмеялась над суфражистками, считавшими, что с получением права голоса борьба за равноправие будет закончена. По ее мнению, женщина могла получить настоящую свободу, только «не признавая ничьей власти над ее телом и душой, отказавшись служить Богу, государству, обществу, мужу, семье». В последующие годы некоторые феминистки задавались вопросом, должно ли простое равенство с мужчинами быть конечной целью их борьбы. Можно ли считать успехом

исправление исторически сложившейся несправедливости и получение некоторых прав в патриархальном мире — в системе, основанной на превосходстве мужчин? Многим казалось, что просто побеждать мужчин на их же поле, в их же игре, недостаточно. Как сказала в 1986 году австралийская феминистка Джермейн Грир: «Я боролась не за то, чтобы оторвать женщин от плиты и запустить их в совет директоров компании, производящей плиты».

В основе дискуссии об истоках и природе угнетения женщин лежит различие социальной и биологической категорий пола, основанное на представлении о том, что женственность является социальным явлением. Этот тезис впервые прозвучал в книге Симоны де Бовуар «Второй пол» (1949): «Женщиной не рождаются, ею становятся <...> она — Другой», личность, определяемая лишь относительно мужчины. С такой радикальной точки зрения подчиненное положение женщины настолько вплетено в структуру патриархального общества, что бороться с ним можно только путем революционного переустройства.

Глобальная община сестер

В 1990-е родился феминизм «третьей волны» — отчасти как реакция на недостатки феминизма прошлого. Изменилась не столько сущность движения, сколько стиль: на смену прямой и даже грубоватой искренности «второй волны» пришли находчивость, ирония, уверенность в себе и самоосознание. «Власть девчонок» (коммерческое название явления) вытеснила «власть цветов», а поколение Джоан Базз уступило место поколению

Мадонны. Но под глянцевой обложкой скрывалось прежнее содержание. Возможно, главной ошибкой преимущественно белых и в основном состоятельных феминисток «второй волны» была неспособность понять и учесть стремления феминисток стран третьего мира. «Третья волна» достигла ранее невиданного уровня плюрализма, который со временем, возможно, приведет к появлению по-настоящему глобального феминизма.

В сухом остатке
Равные, но иные

37 Исламизм

«Убивать американцев и их союзников — гражданских и военных, везде, где это возможно, — долг каждого мусульманина. Мы должны освободить мечеть аль-Акса (в Иерусалиме) и святую мечеть аль-Харам (Мекку), изгнать их армии со всех земель ислама побежденными, чтобы они больше не смогли угрожать ни одному мусульманину. Всемогущий Аллах сказал: “И сразитесь все вместе с язычниками, ведь они напали на вас все вместе” и “Сражайтесь с ними, покуда не стихнет грохот битвы и не будет над вами никакого ярма, и тогда восторжествует справедливость и вера в Аллаха”».

Чудовищные предписания этой фетвы (религиозного указа), выпущенной в феврале 1998-го, явятся миру через три с половиной года, когда с интервалом в семнадцать минут два авиалайнера пролетят над Нижним Манхэттенем и врежутся в башни Всемирного торгового центра. Фетва была частью более обширной декларации, призывавшей к «джихаду против евреев и христиан» и выпущенной Всемирным исламским фронтом — группой экстремистских исламских организаций под руководством будущего «самого разыскиваемого преступника в мире» Усамы бен Ладена. Эта декларация стала самым ясным выражением угрозы радикального исламизма Западу, а атаки 11 сентября — самой страшной демонстрацией ее реальности. И если предупреждение было первым, то теракт, увы, далеко не последним. Претензии со стороны исламистов существовали давно, но оставались во многом не поняты Западом, и этот недостаток понимания — с обеих сторон — имел чудовищные последствия, сотрясающие мир по сей день.

СТРЕЛА ВРЕМЕНИ

1979–1989

США поддерживают моджахедов в советско-афганской войне

1980–1988

США поддерживают Саддама Хусейна в войне Ирана и Ирака

Новый халифат «Аль-Каида» и ее союзники, сеть террористических организаций под руководством бен Ладена, планировали атаки 11 сентября несколько лет. Совершив террористические акты такого масштаба и цинизма, «Аль-Каида», разумеется, стала лицом мирового исламизма, и некоторые люди наивно решили, что радикальные взгляды этой группы разделяют все мусульмане. Не способствовало улучшению образа ислама в массовом сознании и движение «Талибан» — фундаменталистский режим, укрывающий базы «Аль-Каиды» в Афганистане, где талибы захватили власть в 1996 году и установили репрессивное теократическое правление. Терроризм, варварски жестокая борьба с инакомыслием, боевики-смертники, зверские казни в прямом эфире — все это создавало неприглядную картину исламского фундаментализма и ложное представление об исламе в целом.

Главная цель исламских фундаменталистов, согласно опубликованному в сети в 2008 году заявлению «Аль-Каиды», «установить власть закона шариата и создать исламское государство, которое объединит всех мусульман мира». Нынешнее зависимое положение исламских стран считается следствием разрыва с истинным путем ислама; восстановление изначально-го порядка возможно лишь через строгое соблюдение установлений Корана и следование законам шариата, дарованным Аллахом. Ислам — единственная истинная вера, и она универсальна, так что новый халифат должен объединить все человечество.

Исламисты часто указывают Западу, каким именно образом он мешает им вернуться «на путь истинный». В первую очередь речь идет о существовании Израиля. Поддержка «убогого государства евреев» (как называет его фетва 1998 года) — один из главных упреков Соединенным Штатам, а конфликты в Ираке и других странах Ближнего Востока считаются средствами

«Не смейте мешать созданию исламского государства, которое объединит мусульман земли в правде и справедливости. Одно слово протеста американцев заглушат тысячи исламских бомб»

«Аль-Каида», 2008

1990–1991

Коалиция под руководством США разгромила войска Саддама после вторжения Ирака в Кувейт

11 сентября 2001

В результате террористической атаки на США погибли около 3000 человек

Октябрь 2001

Коалиция во главе с США совершила нападение на талибов Афганистана

Март 2003

Вторжение США и союзников в Ирак

поддержания Израильского государства. Вторая причина неприязни к США, также упомянутая в фетве 1998 года, — оккупация «священной земли Аравийского полуострова, похищение ее богатств, навязывание своей воли ее правителям, устрашение их союзников». Особенно унижительным считается присутствие военных баз США, после Войны в Заливе оказавшихся в Саудовской Аравии, на «Земле Двух Святынь», где находятся священные города Мекка и Медина.

«Исламская угроза» Реакция западных стран, и особенно США, на «исламскую угрозу» — и до, и после 9/11 — во многом лишь усилила опасения мусульман, и радикальных, и умеренных. Европа и США не осознали проблем исламского мира, возникших вследствие многовековых конфликтов с Западом, непростой политической истории и колониальной оккупации последнего столетия. Мусульманские страны часто называют отсталыми и противостоящими прогрессу, но главная причина их страхов —

Джихад

Как словосочетание «крестовый поход» в исламском мире приобретает негативную окраску, имеющую мало общего с настоящим его значением, так и концепция джихада в современной западной культуре связывает воедино понятия «ислам» и «насилие». Но сами мусульмане не склонны соглашаться с такой интерпретацией. Для радикальных исламистов джихад — это «священная война», ведение которой оправдывает и подрывников-смертников, и теракты, и убийства мирных жителей. Буквальное же значение слова «джихад» — «война, угодная Богу», и умеренные мусульмане обозначают так в первую очередь внутренний духовный конфликт. К внешним действиям это имеет отношение только в том случае, если дело

касается защиты веры. «Война с террором» в Афганистане и Ираке после 11 сентября для обеих сторон была войной «разума и сердца». Отвращение большинства мусульман к убийству мирных жителей, особенно женщин и детей, объясняется в том числе и тем, что такие методы противоречат духу истинного джихада. Это, казалось бы, означает, что радикальные исламисты потерпели идеологическое поражение и должны остаться в меньшинстве. К сожалению, средства, избранные США и их союзниками для борьбы с терроризмом, катастрофически портят отношение к ним умеренных мусульман. Обе стороны неспособны понять друг друга и словно изо всех сил стараются проиграть «войну за умы и сердца».

экономический и культурный империализм. Запад с готовностью признает, что «прогресс» означает принятие западных идеалов и ценностей, либеральных и секулярных, но для многих мусульман вестернизация оказывается свидетельством постколониального западного высокомерия.

Мотивы политики США на Ближнем Востоке не всегда очевидны, но обвинение в том, что главная цель Америки состоит в «захвате богатств» (нефти), сложно полностью опровергнуть, как и склонность американцев использовать в качестве главного инструмента своей политики «подчинение правителей» (осуществляя контроль через поддержку дружественных режимов). Действия США определяются в первую очередь интересами США, а не абстрактными принципами, что подтверждает американская внешняя политика последних десятилетий. Наиболее известный случай — поддержка афганских моджахедов во время войны 1980-х годов, приведшая к появлению движения Талибан, «Аль-Каиды» и бен Ладена (который воевал против советских войск). Еще одно «пугало» Ближнего Востока, Саддам Хусейн, был союзником США в восьмидесятые, поскольку Вашингтон надеялся, что режим Саддама сможет уравновесить радикальный исламистский режим аятоллы Хомейни, установившийся в соседнем Иране. Такая политика редко оказывалась успешной в долгосрочной перспективе и совершенно не способствовала налаживанию отношений с мусульманами.

В сухом остатке Столкновение цивилизаций?

38 Капитализм

В начале XXI века мировая экономика пережила беспрецедентное потрясение. Катастрофическое падение доверия потребителей, коллапс инвестиций, банкротства, конфискации за неплатеж, рост безработицы, обвал биржи и цен на недвижимость — все указывало на масштабный кризис экономики, предшествующий глобальной рецессии.

Причиной этих потрясений стало «кредитное сжатие» — снижение доступности кредитов для граждан и компаний. А это снижение, в свою очередь, стало результатом злоупотребления кредитом, вызванного нерегулируемой деятельностью банков. Их жадное и безответственное руководство позволило «токсичному» долгу вырасти до двух триллионов долларов. Если под жадностью понимать «стремление к получению прибыли», а под отсутствием всяких ограничений — «свободное предпринимательство», тогда становится ясно, что финансовый кризис начала XXI века поставил под вопрос главный принцип капитализма, ведущей экономической системы последних двух столетий.

6 Врожденный порок капитализма — неравенство в благосостоянии, врожденная добродетель социализма — равенство в нищете

Уинстон Черчилль, 1954

Адам Смит и свобода торговли Хотя термин «капитализм» появился только в 1850-х, основные механизмы самого явления первым описал шотландский экономист Адам Смит в книге «Исследование о природе и причинах богатства народов», вышедшей в 1776 году. Условия для развития капитализма к тому времени уже существовали. Рост международной и межконтинентальной торговли привел к появлению класса торговцев, предпринимательские навыки которых позволили им накопить средства, достаточные для инвестирования в новые виды

СТРЕЛА ВРЕМЕНИ

1776

В «Исследовании о природе и причинах богатства народов» Адам Смит формулирует принципы свободной торговли

1848

Маркс в «Манифесте Коммунистической партии» предсказывает крах капитализма

1854

Первое упоминание термина «капитализм» («Ньюкомы» Теккерей)

1867–1894

Маркс предпринимает развернутый анализ капитализма в «Капитале»

промышленности, возникшие в результате промышленного переворота. В то же время сельскохозяйственные работники, оторванные от земли разрушением системы феодального землевладения, сформировали зачаточный рынок рабочей силы. Но развитию торговли препятствовали монополии и протекционизм государства, и именно на фоне этих ограничений Смит писал свой эпохальный труд.

Кейнсианство против монетаризма

Главный вопрос теории капитализма — насколько вмешательство государства совместимо с нормальным функционированием капиталистической экономики.

Джон Мейнард Кейнс, один из самых знаменитых экономистов XX века, писал с осуждением о «приходящем в упадок международном, но индивидуалистическом капитализме», который утвердился в мире после Первой мировой войны.

«Он нерационален и не прекрасен.

Он несправедлив и недобродетелен.

И он не производит товаров». Настаивая на том, что рынок не идеален и не способен регулировать сам себя, Кейнс выступал за вмешательство государства в экономику, в первую очередь за рост государственных инвестиций и расходов, который может поднять спрос, побороть безработицу и преодолеть рецессию.

Идеи Кейнса доминировали в экономическом мышлении США и Европы после Великой депрессии 1930-х, но в 1970-х они уступили место монетаризму — доктрине, разработанной американским экономистом Милтоном Фридманом. Фридман вернулся к классическому представлению

о совершенстве свободного рынка, и его последователи-монетаристы настаивали, что кейнсианское вмешательство (а в их понимании, вторжение) государства в экономику приведет к росту инфляции и нарушит естественный баланс рынка. Государственная активность в экономике должна ограничиваться поддержанием низкого уровня инфляции (регулированием денежной эмиссии) и предотвращением внешнего влияния на рынок.

Противостояние кейнсианского и монетаристского взглядов на экономику достигло пика в кризисные годы начала XXI века. Предлагаемые средства борьбы с кризисом включали, например, колоссальные откупные финансовым учреждениям, многомиллиардные «стимулирующие выплаты», требующие беспрецедентных расходов казны. Государственное вмешательство столь поразительного масштаба подразумевало полный отказ от свободного нерегулируемого рынка, столь любимого монетаристами. До сих пор не ясно, насколько успешным оказался кейнсианский подход.

1929

Биржевой крах в США вызывает Великую депрессию

1933

В статье «Национальная самообеспеченность» Кейнс критикует принципы свободного рынка

1970-е

В Европе и США побеждает политика монетаризма

2007

Начало глубочайшего экономического спада («кредитное сжатие»)

Бум и крах

Как заметил в 1848 году Карл Маркс, капитализм постоянно страдает от «кризисов, которые, возвращаясь периодически, все более и более грозно ставят под вопрос существование всего буржуазного общества». Экономисты так и не пришли к единому выводу о причинах периодических волн роста и падения экономики, но повторяются они с завидной регулярностью. Сам Маркс считал нестабильность неотъемлемым свойством капитализма и был уверен, что со временем кризисы будут становиться все более разрушительными, что приведет в итоге к свержению власти буржуазии. Он, однако, недооценил способность капитализма адаптироваться к постоянно меняющимся условиям.

Смит утверждал, что свободный рынок сам по себе является наиболее эффективным механизмом регулирования экономической деятельности. Он считал, что в условиях свободного рынка, где стремление к личной выгоде уравнивается конкуренцией, у производителей будет естественный стимул создавать товары и услуги, которые покупатели захотят приобрести, по цене, позволяющей получить разумную, но не чрезмерную прибыль. Рыночный механизм таким образом будет эффективно регулировать состояние экономики, контролируя уровни спроса и предложения, и динамика взаимоотношений этих двух факторов обеспечит разумный уровень цен (на производство, оплату труда, распределение и т. д.) и доходов.

***Laissez-faire* (принцип невмешательства)** Главная особенность классического капитализма в представлении Смита и его последователей — его способность к саморегуляции, к определению всех значимых переменных изнутри самой системы, за счет ее функционирования.

Никакое внешнее воздействие со стороны другой системы, никакая сила внутри системы сама по себе не может изменить эти переменные. Цена продукта, например, зависит от спроса и предложения на рынке и не может искусственно насаждаться без подрыва всей системы. Впервые в истории экономика рассматривалась отдельно от политики.

Разделение экономики и политики отвечало требованиям либеральной доктрины *laissez-faire*, согласно которой государство не должно вмешиваться в функционирование свободного рынка. Смит допускал, что государство «обязано создавать и содержать определенные общественные сооружения и учреждения» — иными словами, производить те товары и услуги, в производстве которых не будут заинтересованы частные предприниматели. Споры об участии государства в удовлетворении основных потребностей общества, таких как транспорт и образование, продолжаются по сей день. Помимо этого, роль государства должна быть ограничена поддержкой коммерческой деятельности — например, с помощью законодательства, обеспечивающего обязательное выполнение заключенных контрактов.

«Защитники капитализма всегда готовы сослаться на священные принципы свободы, которые для них сводятся к одной простой максиме: богатые свободны угнетать бедных»

Бертран Рассел, 1928

Болезни роста Сторонники капитализма подчеркивают его несравненную способность содействовать экономическому прогрессу. Несомненно, период господства капитализма привел к поразительному росту производства и экономики в целом. Карл Маркс в 1848 году признавал, что за столетие с момента прихода к власти класса буржуазии «[он] создал более многочисленные и грандиозные производительные силы, чем все предшествовавшие поколения, вместе взятые». Но этот период совпал также с периодом активной индустриализации, и критики капитализма утверждают, что к росту производства привело не развитие рынка, а «подчинение природы человеком» — механизация, появление паровых машин, железных дорог и других новых технологий.

Адам Смит отмечал, что стремление к накоплению богатства, центральное для идеологии капитализма, приводит к постоянному расширению производства — которое, в свою очередь, стимулирует прогрессивное разделение труда (разделение процесса производства на отдельные простые шаги), повышение эффективности производства и развитие крупной промышленности. Хотя все это способствовало росту экономики в целом — а также увеличению благосостояния капиталистов, — критики, во главе с Марксом, осуждали такой вариант развития. Смит предполагал, что «невидимая рука рынка» заставит эгоистичных предпринимателей неосознанно действовать в интересах общего блага, но опыт показал, что его надежды были напрасны. Новообретенное богатство было распределено неравномерно, и разрыв между богатыми и бедными неуклонно расширялся. В то же время условия жизни рабочего класса становились все хуже и хуже, а работа — и без того тяжелая и грязная — все однообразнее и утомительнее.

В сухом остатке
Неравное
разделение богатств

39 Глобализация

Американский экономист Джозеф Шумпетер однажды в шутку предположил, что эволюцию капитализма можно «легко — и очень наглядно — представить как историю создания современного мужского костюма». Так же можно подойти и к феномену глобализации. Вездесущий деловой костюм — униформа бизнесменов и политиков — стал символом гомогенизации культуры по всей планете. Некоторые считают, что ослабление государственных границ ведет к продуктивному космополитизму, другие же опасаются, что слепое подражание Западу угрожает самобытности других культур.

Глобализация — явление не новое. Империалисты, миссионеры и торговцы прошлых веков стремились распространить свои власть, веру и влияние как можно шире и вольно или невольно навязывали свой огромный культурный багаж. Уникальность нынешней ситуации — в масштабе и скорости политических, экономических и культурных трансформаций.

Глобальная деревня Процесс глобализации движется вперед за счет сокращения расстояний и времени, о чем писал в 1960-х канадский философ Маршалл Маклюэн:

«С тех пор как появилась электрическая технология, мы расширили до вселенских масштабов свою центральную нервную систему и упразднили пространство и время, по крайней мере в пределах нашей планеты. Мы быстро приближаемся к финальной стадии расширения человека вовне — когда творческий процесс познания будет коллективно и корпоративно расширен до масштабов всего

СТРЕЛА ВРЕМЕНИ

1962

Термин «глобальная деревня» впервые прозвучал в работе Маклюэна «Галактика Гутенберга»

1971

В Токио, Япония, открылся первый азиатский «Макдоналдс»

человеческого общества. «Время» остановилось, «пространство» исчезло. Уплотненный силой электричества, земной шар теперь — не более чем деревня. Мы живем в глобальной деревне».

«Электрические технологии», которые Маклюэн имел в виду (в 1967 году), — это в первую очередь телевидение, но развитие информационных технологий в последующие десятилетия лишь подтверждало его предсказания. Мобильные телефоны, интернет, электронная почта, социальные сети: каждая новая технология упрощала и ускоряла коммуникацию.

«Сокращение» виртуального пространства совпало с падением цен на межконтинентальные авиаперелеты, что сделало даже самые отдаленные части земного шара легко доступными для множества обычных людей.

По мере увеличения проницаемости государственных границ поток идей и товаров хлынул из экономически развитых стран, в основном из США, в менее развитые. Экспорт — или, по крайней мере, демонстрация — западных товаров и сопутствующих им традиций привели к разрушению или изменениям местных привычек, обычаев и представлений. И по мере того как этот поток превращался в цунами, все сильнее становились страхи и надежды, связанные с появлением первой в истории человечества глобальной культуры. Камнем преткновения для сторонников и противников этой идеи стало формирование нового мирового порядка — единого политического и экономического пространства, объединенного технологиями и всемирной сетью коммуникаций.

Все чудесно в саду деревенском Маклюэн воспринимал идею глобальной деревни с энтузиазмом, но не все разделяли его оптимизм. Например, знаменитый американский философ-неоконсерватор Фрэнсис Фукуяма в 1992 году, на волне экстатического восторга от победы США в холодной войне, писал, что падение авторитарной власти в Советском Союзе — «это финальная точка идеологической эволюции человечества и универсализация либеральной демократии Запада как окончательной формы правительства в человеческом обществе». И с триумфом либерализма, рискнул утверждать Фукуяма, «появилась по-настоящему глобальная культура, в сердце которой — обусловленный

**«Электронная
взаимозависимость
воссоздает мир
в образе глобальной
деревни»**

Маршалл Маклюэн, 1962

1988

Дебор высмеял Маклюэна в «Обществе спектакля»

2001

События 11 сентября в США продемонстрировали глобальные масштабы терроризма

2015

700 миллионов человек будут страдать от ожирения (по данным ВОЗ)

технологией экономический рост и капитализм, без которого этот рост невозможен».

Не нужно быть философом, чтоб понять, как идеи Фукуямы соотносятся с концепцией глобальной деревни и, метафорически говоря, чьи голоса будут особенно хорошо слышны на заседаниях деревенского совета. Фукуяма, как и другие сторонники глобализации, за основу своих рассуждений принимает спорный тезис о безоговорочной благотворности рыночной экономики Запада. Быстрое и свободное движение товаров по земному шару, возможное благодаря развитию технологий, принесет выгоду всем: больше дешевых товаров для богатых стран; больше хорошо оплачиваемых рабочих мест в пока еще нищих странах. Во втором случае рост благосостояния со временем приведет к развитию системы образования и политического мышления, что, как учит история, в свою очередь, приведет к либерализации и демократии, — короче говоря, прорыв от регионализма предков к сотрудничеству и гармоничному мировому порядку.

Мы есть то, что мы едим?

Еда всегда была важной частью диалога культур и культурной трансформации. Конкистадоры привезли в Европу растения Нового Света, кукурузу, арахис и сладкий картофель, чем произвели новую сельскохозяйственную революцию, преобразившую кулинарные традиции Европы, Африки и Азии. Европейская диета, ранее ограниченная местными и сезонными продуктами, сегодня включает огромное количество экзотических плодов, таких как бананы и манго, доступных в любое время года, — несмотря на возможный ущерб окружающей среде.

Гигантские западные корпорации фаст-фуда, такие как «Макдоналдс» и KFC, давно стали любимым пугалом антиглобалистов. Хотя большую часть приводимых ими

доказательств можно считать в лучшем случае косвенными, однако «Биг Мак» и жареные куриные крылышки обвиняют не только в насильственном внедрении единой мировой диеты, но и в порождении нового ужаса — «глобального ожирения». По мере ухудшения культуры питания во всем мире (больше мяса, жира, сахара и т. д.) тучных людей будет становиться все больше и больше: по прогнозам ВОЗ, к 2015 году более 700 миллионов человек будут страдать от ожирения. Но воздействие этих гигантов культурного империализма неоднозначно. К примеру, их заслугой считается появление вежливых официантов в Москве, нормальных очередей в Гонконге и чистых общественных туалетов по всему миру.

И у роз есть шипы Против глобализации высказывался, например, в 1988 году французский философ Ги Дебор, называвший Маклюэна «самым твердолобым имбецилом столетия». Очарованный показной свободой и преимуществами жизни в глобальной деревне, «умник из Торонто» позабыл об отрицательных сторонах сельской жизни: «В деревнях, в отличие от городов, царят конформизм, изоляционизм, мелкое стукачество, скука и сплетни».

Конформизм и скука — главные объекты критики антиглобалистов. Потребительская массовая культура США и других западных стран погребает под собой местные обычаи и традиции. Неостановимый марш культурного империализма уничтожает местную кухню, принося на смену ей «Макдоналдс» и KFC; голоса местных режиссеров заглушены бессмысленными пронзительными воплями голливудских блокбастеров; утонченное изящество местной традиционной одежды затмевают кричащие цвета «Бенеттона» и «Аберкромби». А за внешним консьюмеризмом скрывается бездушное войско агрессивных и циничных транснациональных корпораций: компании, «надувающие Запад и эксплуатирующие остальной мир», лишают работы жителей западных стран, заменяя их труд рабским трудом потогонных мастерских третьего мира.

Гибридная культура На самом деле глобализация не столь ужасна и не столь прекрасна, как утверждают ее противники и сторонники соответственно. Глобальная культура — это фикция, ничего подобного не существует и вряд ли появится в обозримом будущем. Многочисленные и продолжительные исследования обнаружили крайне примечательный факт: глобализация вовсе не односторонний процесс. При встрече различных культур ни одна из них практически никогда не становится полностью доминирующей и не поглощает другую; происходит, скорее, взаимопроникновение, в результате которого рождается нечто новое, обогащающее обе стороны. В конце концов, люди любопытны, им нравятся новые вкусы и новая музыка, что не мешает им сохранять привязанность к своим обычаям и «держаться корней».

В сухом остатке
Глобальная деревня

40 Классицизм

В середине XV века Леон Батиста Альберти определил красоту в архитектуре: «Строгая соразмерная гармония всех частей — то есть абсолютное и первичное начало природы, — объединяемых тем, чему они принадлежат, — такая, что ни прибавить, ни убавить, ни изменить ничего нельзя, не сделав хуже». Тракаты итальянского художника и архитектора Альберти о живописи, скульптуре и архитектуре создали ему репутацию одного из виднейших теоретиков эпохи Возрождения. «Строгая соразмерная гармония всех частей», о которой говорил Альберти, — это принципы, воплощенные в великих архитектурных памятниках греческого и римского мира. Его толкование красоты полностью отражает дух классицизма.

Архитектура, скульптура, драматургия, поэзия античности были для Альберти и его современников непосредственным источником вдохновения: они считались «классическими» — от латинского значения «высшего класса» — воплощениями идеального канона; комплексом стандартов или образцов, к которым следует стремиться и с которыми можно сверять собственные достижения. Благоговение перед трудами древних предполагает глубочайшее уважение к отличительным характеристикам их произведений: гармонии, симметрии и пропорциональности, ясности смысла, сдержанности и отсутствию лишних деталей.

Ренессанс был первым, но не последним ярким обращением к античным ценностям, а термин «классицизм» применим ко множеству более поздних художественных и эстетических движений. Теоретически канон классицизма включает в себя лишь произведения Древней Греции и Рима, но на практике он постоянно обновляется, в него

СТРЕЛА ВРЕМЕНИ

1420–1436

Филиппо Брунеллески,
купол кафедрального
собора Флоренции

Около 1450

Пьеро делла Франческа,
«Бичевание Христа»

1501–1504

Микеланджело,
«Давид»

1508–1509

Палаццо Каприни,
архитектор
Дonato Браманте

1509–1510

Рафаэль,
«Афинская школа»

**«И гений Рима, этот исполин,
Пыль отряхнув, поднялся из руин.
Затем искусства-сестры расцвели;
Жизнь — скалы, форму — камни обрели»**

Александр Поуп, «Эссе о критике», 1711

добавляют более поздние работы, с течением времени ставшие каноническими. Художники поздней традиции классицизма стремились подражать в равной степени и великим мастерам Возрождения — Микеланджело, Рафаэлю и Браманте. Иногда термин «неоклассический» используется для описания пробудившегося интереса к классическим образцам, стремления подвергнуть переоценке и новому осмыслению каноническое наследие.

Математика природы Сдержанность, умеренность и прочие принципы классицизма особенно ценились в изобразительных искусствах как противоядие вольностям и излишествам иных эстетических направлений — готики, барокко и романтизма. Одной из главных причин следования классическим образцам, в противовес всяческому сумасбродству, является именно их способность изображать реальность здраво и трезво и таким образом быть «близко к природе». Художник и архитектор Джорджо Вазари в своих «Жизнеописаниях наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих» (1550) гордо восклицал, что флорентийские мастера его времени, особенно Микеланджело, превзошли в своем искусстве не только древних, но и саму природу. Характерные для классицизма строгие правила и традиции являются рациональными методами, помогающими художнику подражать мастерам прошлого и таким образом добиваться большего натурализма и реализма.

Альберти полагал, что «законы, согласно которым Природа совершает свою работу», действуют и в архитектуре, и с этой целью разработал теорию пропорциональности, применимую и к человеческому телу, и к архитектурным формам. Математическим правилам, разработанным Альберти, следовал в своем творчестве его современник, живописец Пьеро делла Франческа, чьи строгие гармоничные композиции уникальны с точки зрения геометрической точности. Подобная простота видна и в классической архитектуре друга Альберти, Филиппо Брунеллески, среди шедевров

1640

Пьер Корнель,
«Гораций»

1648

Никола Пуссен, «Пейзаж
с похоронами Фокиона»

1677

Жан Расин,
«Федра»

1711

Александра Поуп,
«Эссе о критике»

1793

Жак-Луи Давид,
«Смерть Марата»

которого великолепный купол кафедрального собора Флоренции. Стремление к реальному изображению окружающего пространства привело Брунеллески к созданию правил перспективы, теоретические основы которой были разработаны в трактатах Пьеро и Альберти. «Бичевание Христа» Пьеро является одним из самых известных и поразительных примеров иллюзии объема и глубины, достигнутых посредством использования перспективы.

Поздний классицизм Второй расцвет классицизма приходится на XVII век, в основном в Италии и Франции. Француз Никола Пуссен возглавил группу художников, работавших в Риме, которые выступали против чрезмерной эмоциональности и пренебрежения изобразительными нормами в барокко. Возрожденную античную форму они соединили с барочным цветом. Пуссен находился под значительным влиянием болонского живописца и графика Доменикино, творившего в стиле строгого классицизма: простые статичные композиции, величественные фигуры и археологически точные детали. На пике популярности в 1640-е годы Пуссен уточнил концепцию «идеального пейзажа», природные элементы которого были отражением

В компании с древними

Границы применения термина «классицизм» неуклонно расширялись, выходя за пределы эстетического движения, непосредственно вдохновленного опытом классического мира; такой термин мог относиться к чистоте и ясности эстетического выражения. Сейчас слово «классический» используется настолько беспорядочно, что может быть применено по отношению к чему угодно, исполненному с должным совершенством, — от точного удара гольфиста до эстрадной песни. Подобное размытое значение ничуть не похоже на первоначальный смысл классицизма, когда гуманисты Возрождения не просто воздавали почести древним, но воспринимали их как друзей и наставников.

В письме 1513 года философ Никколо Макиавелли описывает свои ощущения от общения с трудами античных «знакомцев»:

«С наступлением вечера я возвращаюсь домой и иду в свою рабочую комнату. У двери я сбрасываю крестьянское платье все в грязи и слякоти, облачаюсь в царственную придворную одежду и, переодетый достойным образом, иду к античным дворам людей древности. Там, любезно ими принятый, я насыщаюсь пищей, единственно пригодной мне и для которой я рожден. Там я не стесняюсь разговаривать с ними и спрашивать о смысле их деяний, и они, по свойственной им человечности, отвечают мне».

почти математического порядка и созерцательного величия. Сам Пуссен, в свою очередь, оказал влияние на творчество французского живописца и портретиста Жака-Луи Давида, величайшего представителя классицизма конца XVIII — начала XIX века. За недостатком античных образцов Давид с почтением взирал на произведения Пуссена. В его собственных выдающихся полотнах формы стали еще проще, а детали — еще более археологичны, но в лучших работах («Смерть Марата», 1793) он достиг подлинного поэтического реализма, не утратив при этом классических элементов.

Подходящий наряд природы В литературе внимание к древним авторам было ничуть не меньшим, чем в изобразительном искусстве: превосходство разума над чувствами; выражение идей, имеющих всеобщую ценность; сдержанность, достоинство и четкость стиля. Восхищение непринужденностью и вместе с тем изысканностью речи, где нет ни одного лишнего слова, мы наблюдаем в «Эссе о критике» (1711) Александра Поупа. Он подчеркивает: «Природе истинный талант найдет/ Наряд такой, который ей идет,/ И то, о чем лишь думает другой,/ В творенье воплотит своей рукой». У самого Поупа мы обнаруживаем то же классическое стремление к естественности, достижимой путем соблюдения освященных веками правил:

Открыты эти правила давно,
Не следовать им было бы грешно,
Сама Природа в них заключена,
Природа, что в систему сведена.
Природа как свобода: тот закон
Ее стеснил, что ею же рожден.

Поуп был ведущим представителем «Века Августа» в Англии — в честь римского императора Августа, чье правление считают золотым веком поэзии, временем Горация и Вергилия. Неоклассицизм, в более жестких формах, проявляется и во французской драматургии. Здесь строго соблюдался свод правил, известных как «единства», созданных на основе «Поэтики» Аристотеля. Согласно этим правилам, действие пьесы ограничивалось единственной сюжетной линией, происходило в одном лишь месте и должно было завершиться в течение суток. В руках великих поэтов, таких как Корнель и Расин, «единства» позволили создать драмы невероятной мощи и психологической глубины. Из менее искусных рук, однако, выходили жалкие подобию, топорно исполненные и заунывные.

В сухом остатке
Гении Древнего Рима

41 Романтизм

Бравый кавалерист, подняв на дыбы своего жеребца, бесстрашно пускается вскачь, размахивая саблей, и безрассудно во весь опор несется напрямик в багровое пламя, адов огонь, навстречу своей судьбе. «Я не понимаю такой живописи», — бросил Жак-Луи Давид на Парижском салоне 1812 года, проходя мимо эмоционального полотна «Офицер конных егерей императорской гвардии, идущий в атаку» работы 21-летнего Теодора Жерико. Давид был старше Жерико более чем на сорок лет и считался бесспорным главой французской школы неоклассицизма; недавно публика увидела его масштабную и величественную работу «Коронация Наполеона». Давид едва ли мог понять творчество молодого художника.

Неукротимый динамизм «Егеря» Жерико решительно отличался от сурового хладнокровия героев Давида — Леонида, Сократа, Брута и даже Наполеона. Никому не известный кавалерист, героически мчавшийся в неизвестную битву, дерзко возвестил рождение нового восприятия. Педантичное неоклассическое изображение традиционных форм должно было уступить место более грубой и резкой манере. «Гений — это огонь в жерле вулкана накануне извержения, — заявлял Жерико, — поскольку подлинно творческая личность всегда ограничена законом, не позволяющим в полной мере просиять таланту, озаряющему и удивляющему мир». Своенравный и пылкий, одержимый мыслями о смерти (он создал серию натюрмортов с отрубленными головами и конечностями казненных преступников), скончавшийся после одиннадцати лет бурной творческой карьеры, Жерико был полной противоположностью Давиду. И в нем было все, чего

СТРЕЛА ВРЕМЕНИ

1774

Иоганн Вольфганг Гете, «Страдания юного Вертера»

1789

Уильям Блейк, «Песни невинности» («Песни опыта», 1794)

1800

Фридрих фон Шеллинг, «Система трансцендентального идеализма»

1800/1802

Уильям Вордсворт, предисловие к «Лирическим балладам» (1798, совместно с С. Т. Кольриджем)

ждали от художника, вдохновленного новой эстетикой, которую критики позже назовут романтизмом.

Глубинный сдвиг в мировосприятии, пионером которого стал Жерико, охватил Европу на рубеже XVIII–XIX веков. Уходящее корнями в немецкую философию, романтическое мировоззрение в культурной истории Европы не ограничивалось изменениями в стилях живописи и вообще только сферой искусства. Как заметил в 1837 году Джон Стюарт Милль, «это была эпоха реакции на оковы восемнадцатого столетия»; не только «бунт против старых традиций классицизма», но и восстание против того, что новое поколение называло мертвящей рациональностью Просвещения. В новой эстетике значение имело самовыражение личности, а не самоотверженное безликое мастерство в рамках установленных канонов; интуиция и непосредственность взамен

**«Увидеть мир в одной песчинке
И космос весь — в лесной травинке!
Вместить в ладони бесконечность
И в миге мимолетном — вечность!»**

Уильям Блейк, «Песни невинности», около 1803

Роковое пристрастие

Новая эстетика романтизма высвобождала энергию человеческого духа, возвышая его и воспевая его восторженность и радость; но этот праздничный хор всегда омрачали колокольчики грусти и предчувствия смерти. Подобный внутренний конфликт прекрасно иллюстрирует долгая жизнь величайшего немецкого поэта Иоганна Вольфганга Гете. В юности Гете возглавлял бунтарское литературное направление *Sturm und Drang* («Штурм и натиск»), сформировавшее фактически романтическое мирозерцание. Написанный в этот период роман «Страдания юного

Вертера» (1774) — история безответной любви и самоубийства — стал образцом описания мук отверженности, темы, которую позднее разрабатывали, доводя до совершенства, герои романтизма Шелли и Байрон. Но Гете расстался с мятежной юностью, обратившись к зрелости классицизма, и за три года до своей кончины в 1832 году сурово приговорил модное направление: «Классицизм — это здоровье, романтизм — болезнь». Среди жертв этого рокового недуга Жерико, Шелли, Байрон, Китс и многие другие.

1812

Теодор Жерико,
«Офицер конных егерей
императорской гвардии,
идущий в атаку»

1814

Сэр Вальтер Скотт,
«Уэверли»

1819–1824

Лорд Байрон,
«Дон Жуан»

1821

Перси Биши Шелли,
«Адонаис» (элегия
на смерть Джона Китса)

1839

Уильям Хэзлитт,
«Скетчи и эссе»
(опубликовано
посмертно)

академизма и скрупулезности техники; творческий дух (порой грубоватый) вместо изящной (и всегда безукоризненной) копии. Хотя собственно «периодом романтизма» обычно считают первую половину XIX века, его влияние — настойчивое стремление к оригинальности, искренности, яркому выражению страстей, индивидуальности стиля — нисколько не угасло вплоть до нашего времени.

Все порознь Конфликт романтизма и (нео)классицизма принципиален. Английский критик Уильям Хэзлитт категорично заявил в эссе «О вкусе»: «Правила и образцы разрушают творчество и искусство». Романтики противостояли и *ancien regime**, с которым неразрывно связан был классицизм; они восторженно принимали республиканские идеалы Французской революции, подсказавшие английскому поэту Уильяму Вордсворту знаменитые строки: «Блаженством было дожить до рассвета, но встретить его молодым — настоящее счастье». Но одновременно — как и подобает направлению, ставящему выше всего индивидуальность и самовыражение, — романтизм был чрезвычайно разнолик и полон противоречий. Вордсворт, светило новой эстетики и один из самых квалифицированных ее защитников, написал пространное и пылко аргументированное предисловие (1800, переиздание 1802) к сборнику стихов «Лирические баллады», ныне считающееся манифестом романтизма. Даже в этом раннем примере заметен накал внутреннего конфликта. Как, например, в знаменитом фрагменте, где он задает вопрос: «Поэт? Что такое поэт?»

Это человек, говорящий с людьми; это человек, правда, наделенный более тонкой чувствительностью, большей способностью к восторгу и нежности, обладающий большими знаниями человеческой природы и более отзывчивой душой, чем мы предполагаем у простых смертных; более познающий радость от своих страстей и желаний и радующийся более других людей обитающему в нем духу жизни.

Поэт — это человек из народа, который говорит с людьми на их языке, — человек либеральных взглядов, разумеется, союзник прогрессивных сил своего времени. Настоящего поэта вместе с тем отличают повышенная чувствительность и застенчивость, отдаляющие его от публики. Свободный дух романтизма, победно сбросивший оковы аристократической клиентуры, чтобы оставить собственный след в истории, превратил искусство в самый утонченный вид деятельности, поставив художника вне банальной повседневности человечества.

* Старый режим (фр.) — социально-политическое устройство Франции до Великой революции.

Добавить страсти красоте — в этом суть романтизма в искусстве

Уолтер Патер, английский критик, 1889

Природа и зеркало души

В философском смысле романтизм отдавал предпочтение природе перед цивилизацией (с легкой руки Жан-Жака Руссо), считая природу зеркалом человеческой души (по определению Иммануила Канта).

В предисловии к «Лирическим балладам» (1800) Вордсворт объясняет: поэт «считает, что человек и природа в главном согласны между собой, а человеческий ум — естественное зеркало самых прекрасных

и интересных свойств природы». В этом содержится едва уловимый намек на романтические любовные отношения, замкнутые сами на себя, — роман с творческой силой собственной души. Романтическое восприятие божественности природы (Томас Карлейль в 1831 году назвал это «природным супернатурализмом») откровенно оправдывало и подтверждало возвеличивание роли поэта — героя или даже бога.

«Свет погас, что прежде озарял лицо земли» Фридрих фон Шеллинг, ведущий философ немецкого романтизма, полагал, что «классический нрав изучает прошлое, романтический — отвергает его». Классицизм находился в плену традиций прошлого, а романтизм был пронизан глубочайшей ностальгией по утраченной невинности детства и величия прошлого. Уильям Блейк и Вордсворт, под влиянием Руссо, воспевают в своих произведениях чистые фантазии детства, противопоставляя их постыдной и порочной неискренности зрелости. В том же духе превозносится и сельская жизнь по сравнению с прозябанием в бездушных индустриальных городах. Но тоска по прошлому — это стремление к прошлому воображаемому и идеализированному. Вордсворт подчеркивает в оде «Отголоски бессмертия по воспоминаниям раннего детства» (1807), что этот мир ушел навсегда, поскольку «свет погас, что прежде озарял лицо земли». Еще одним воплощением романтической мании идеализировать древность стали исторические романы Вальтера Скотта, наполненные героическими подвигами и ностальгическими переживаниями; все это вкупе, по мнению Хэзлитта, «почти как новое издание человеческой натуры». Прекрасные сказки о рыцарстве и героизме были, разумеется, «романтическими», от чего романтизм и получил свое название.

В сухом остатке
Добавить страсти красоте

42 Модернизм

Модернизм порой характеризуют как художественное течение, но в действительности он гораздо шире такого определения. В сущности, это особое мировоззрение, система представлений; специфический склад ума, предполагающий особый взгляд на окружающее и, что особенно важно, реакцию на то, что понимается под «современностью». Более конкретное определение зависит от сферы современности, которая имеется в виду: относительно узкий художественный контекст или вся совокупность изменений — культурных, социальных, политических, философских, научных, — характеризующих так называемый период модерна.

Широкое и узкое определения связаны друг с другом. С точки зрения западного человека, современность в ее широком понимании определяется деятельностью рациональных интеллектуалов и проводников секуляризма, вышедших на историческую арену с началом эпохи Просвещения в XVII веке. В XIX веке и начале XX века в понимании мира и положения в нем человека произошли грандиозные сейсмические сдвиги, порожденные открытиями Дарвина, Маркса, Фрейда, Эйнштейна и других. В ответ на это — протестуя или, напротив, разделяя новое мировоззрение, — в первые десятилетия XX века возникли разнообразные варианты модернизма. А война 1914 года, самая страшная и разрушительная в истории, стала катализатором процесса изменения мышления.

Современный этап исторического процесса в целом рассматривается как прогрессивный, а отчасти даже революционный. Модернисты, соответственно, считают себя ядром культурного авангарда — радикальным,

СТРЕЛА ВРЕМЕНИ

1909

Арнольд Шёнберг,
«Пьесы для фортепиано»,
ор. 11 (первое атональное
произведение)

1913

Стравинский,
«Весна священная»

1922

Джойс, «Улисс»;
Элиот, «Бесплодная земля»

новаторским, передовым, экспериментальным. Сосредоточенные на собственных переживаниях модернисты полагают свои усилия и достижения абсолютной ценностью, независимо от контекста. С такой точки зрения прогресс сам по себе становится целью, а искусство — полностью автономной сферой деятельности. Модернисты, таким образом, подхватили лозунг эстетов XIX века «Искусство ради искусства!». Интеллектуальные истоки модернизма, разумеется, следует искать во второй половине предыдущего столетия — в произведениях французского поэта и критика Шарля Бодлера и юного поэта Артюра Рембо, который еще в 1873 году писал: *il faut être absolument modern* («следует быть абсолютно современным»).

Эпоха утраченной простоты

Как модернизм стал реакцией на (или свидетельством о, или диалогом с, или критикой, или комментарием) наступление новых времен, точно так же постмодернизм стал ответом на (или свидетельством о, или диалогом с...) модернизм. И по тем же самым причинам это явление столь же трудно определить в простых терминах. Единственное, чего не может постмодернизм, — игнорировать существование модернизма; как модернизм в начале XX века демонстрировал серьезность намерений, так и постмодернизм в конце века исполнен многих знаний и, главным образом, иронии. Основное настроение в блестящей постмодернистской манере легкими мазками набросал итальянский писатель Умберто Эко в послесловии к своему роману «Имя розы» (1983): «Постмодернизм — это ответ модернизму: раз уж прошлое невозможно уничтожить,

ибо его уничтожение ведет к немоте, его нужно переосмыслить, иронично, без наивности. Постмодернистская позиция напоминает мне положение человека, влюбленного в очень образованную женщину. Он понимает, что не может сказать ей “люблю тебя безумно”, потому что понимает, что она понимает (а она понимает, что он понимает), что подобные фразы — прерогатива Лиала*. Однако выход есть. Он должен сказать: “По выражению Лиала — люблю тебя безумно”. При этом он избегает деланной простоты и прямо показывает ей, что не имеет возможности говорить по-простому; и тем не менее он доводит до ее сведения то, что собирался довести, — то есть что он любит ее, но что его любовь живет в эпоху утраченной простоты».

* Псевдоним итальянской писательницы Лианы Негрети, «дамские» романы которой были популярны в Италии в 1930–1940-е годы.

1925–1926

«Баухауз»
Вальтера Гропиуса
в Дессау, Германия

1927

Мис ван дер Роз,
поселок Вайсенхоф
в Штутгарте, Германия

1930

Ле Корбюзье,
Швейцарский павильон
в Париже

1939

Джойс,
«Поминки по Финнегану»

По направлению к абстракции В изобразительном искусстве на рубеже веков модернизм породил ошеломляющую массу авангардных стилей и направлений — постимпрессионизм, экспрессионизм, кубизм, символизм, вортицизм, дадаизм, футуризм и сюрреализм.

Новизна составляет переходную, текучую, случайную сторону искусства; вечное и неизменное определяет другую его сторону

Шарль Бодлер, 1869

Мотивы, идеи, да и способы художественного выражения были столь различны, а порой и противоречивы у всех этих школ, что едва ли разумно валить их в одну кучу. Все художники-модернисты в той или иной степени были склонны ниспровергать и разрушать каноны и традиции прошлого. Из этого стремления выкристаллизовалось новое понимание роли искусства, дерзко противоречащее древнему, еще аристотелевскому взгляду — что красота и эстетическая ценность заключаются в подражании природе (*mimesis*). Прежние идеалы произвели на свет реализм и представление о художнике как зеркале природы. Отказ от этого догмата, центрального в искусстве на протяжении тысячелетий, положил начало пути (отнюдь не плавному) к абстракции, характерной для большинства художественных направлений XX века.

«Сделай это по-новому» «Мы должны отбросить нашу манеру изложения “одно-за-другим-за-другим от начала и до конца” и позволить сознанию двигаться циклично или скользить, порхать там и сям над скопищем образов». Призыв Д. Г. Лоуренса отбросить наскучившие викторианские условности последовательного изложения был услышан прежде, чем прозвучал. Десятилетием ранее, в 1922 году, модернистская литература пережила свой *annus mirabilis* с публикацией величайших шедевров: «Улисса» Джеймса Джойса и «Бесплодной земли» Т. С. Элиота. Печальная до безысходности, но вместе с тем пронизанная черным юмором поэма Элиота — это коллаж из обрывочных образов и сложных аллюзий, представленный в калейдоскопе постоянно меняющихся взглядов и точек зрения. В романе Джойса внутренний монолог и прием «потока сознания» становится средством беспрецедентного по глубине исследования внутреннего мира персонажа, его воспоминаний и переживаний. Позже, в «Поминках по Финнегану» (1939), Джойс объединит «поток сознания» с многоязычными каламбурами и непостижимым «языком сна», до предела усложняя восприятие, за что в основном и критикуют литературу модернизма.

Вне тональности В музыке, как и в живописи, энергия модернизма не создала единодушия и общего творческого стиля. В ретроспективе наиболее мощным явлением первого десятилетия XX века можно считать эксперименты Арнольда Шёнберга с атональностью, символизовавшие эпохальный разрыв с принципами консонанса и диссонанса, столетиями составлявшими основу музыкальной теории. Но величайший успех, «шок новизны», связан с премьерой балета Игоря Стравинского «Весна священная» в Париже 29 мая 1913 года. Реакция публики на непосредственную, «грубую» музыку, с ее неистовым ритмом и агрессивной оркестровкой, была такой страстной, что в театре даже начались беспорядки. Конфликт между модернистскими инновациями и общественным вкусом остается неразрешенным и не теряет актуальности и в наши дни.

«Сотвори заново»

Эзра Паунд, 1934

Откровенно и без шуток В архитектуре XX века концепция модернизма реализовалась более последовательно и цельно, чем в иных областях, и отождествляется прежде всего с движением, известным под названием «интернациональный модерн» (или «интернациональный стиль»). Рациональный и функциональный дизайн, вкупе с последовательным отказом от всяких украшений, излишеств и исторических ассоциаций, воплощен в чистых, светлых зданиях-коробках, с плоскими крышами и большими геометрически правильными окнами. Самые прогрессивные архитекторы этого периода, Ле Корбюзье, Вальтер Гропиус и Мис ван дер Роэ, проповедовали дух «новой вещественности», в котором субъективные человеческие элементы — и эстетика как таковая — решительно подавлены. Гропиус призывал к «освобождению архитектуры от орнаментальной массы, подчеркиванию функциональной роли ее структурных частей и поискам точных и экономичных решений». В результате появился функциональный, логичный дизайн, в котором использованы промышленные детали и современные материалы. Интернациональный модерн, завоевавший популярность уже в 1920-е и 1930-е годы, стал доминирующим стилем в период послевоенной реконструкции. Но в руках людей, лишенных воображения, конформистская в своей основе модернистская архитектура быстро превратилась в бездушные, далекие от человеческих потребностей сооружения. Множество разрушенных модернистских зданий стали свидетельством краха идеи, не оправдавшей надежд своих пророков.

В сухом остатке
Шок новизны

43 Сюрреализм

Году в 1868-м или 1869-м в Париже была опубликована мрачная юмористическая поэма в прозе «Песни Мальдорора» за подписью таинственного графа Лотреамона. Герой — по сути, антигерой — циничных человеконенавистнических сюжетов безумный Мальдорор, восставший против Бога и презревший все условности. В финале книги омерзительная сила порочной природы, возжелавшая 16-летней белокурой невинности, похотливо называет его красоту «случайной, как соседство зонтика и швейной машинки на прозекторском столе».

Лотреамон — псевдоним Изидора Дюкасса, малоизвестного французского писателя, скончавшегося в 1870 году, в возрасте всего 24 лет, во время осады Парижа, ускорившей окончание Франко-прусской войны. Произведения забытого почти на полвека Дюкасса случайно обнаружили художники и литераторы, которых во времена величайших европейских потрясений увлек не только его разрыв с ценностями западного общества, но и поразительное, нетрадиционное обращение с литературным языком. Но прежде всего они восхищались жесткостью, с которой Дюкасс отвергал представления о разуме и реальности, навязываемые толпе силой привычки или традиции.

Дальше, чем Дада В 1918 году книжка Дюкасса попала в руки французского поэта и критика Андре Бретона, который пришел в восторг от способности автора совмещать диковинные и откровенно несовместимые вещи. Будущий основатель и теоретик сюрреализма, Бретон в то время был тесно связан с его предтечей, парижской школой Дада. Дадаисты питали отвращение к рационализму, ввергнутому Европу в кошмар Первой мировой войны; очарованные эксцентричностью

СТРЕЛА ВРЕМЕНИ

1868–1869

Лотреамон,
«Песни Мальдорора»

1915

В Цюрихе создано
европейское
объединение Дада

1917

Гийом Аполлинер
придумал термин
«сюрреализм»

1920

Бретон и Супо,
«Магнитные поля»

и иррациональностью разного рода, они стремились встряхнуть общество, избавить его от самодовольного покоя. Но если Дада — это ниспровергатели и нигилисты, «настоящие анархисты, отмеченные “духом отрицания”», как позже скажет Бретон, то сюрреализм в своих устремлениях гораздо более конструктивен, имея целью перестройку общества путем революции. (Многие сюрреалисты, как и сам Бретон, в 1920–1930-е годы вступили в Коммунистическую партию, впрочем, ненадолго.)

Около 1920 года группа Бретона, разочаровавшись в негативизме Дада, порвала с этим движением. К этому времени Бретон уже экспериментировал с «автоматизмом» — методом письма (а позже и рисования), когда движение руки не контролируется сознанием, освобождая, таким образом, подсознательные мотивы. Первый продукт этой техники — *Les Champs magnetiques* («Магнитные поля»), совместное сочинение Бретона и Филиппа Супо — вышел в 1920 году. Автоматизм стал главным элементом в определении сюрреализма, которое Бретон дал в первом «Манифесте сюрреализма», изданном в 1924 году. С этого момента официально берет отсчет новое художественное направление. (Еще и поэтому Бретон предъявляет права на сам термин «сюрреализм», хотя слово придумал его друг, поэт Гийом Аполлинер.)

Галлюцинирующий торeadор

В 1929 году сюрреализм обрел самого яркого своего представителя, который вскоре станет известен всему миру, — 25-летнего испанца Сальвадора Дали. «Нарисованные от руки фотографии сновидений», как он сам называл их, будоражили и отчасти пугали гиперреализмом изображения, остро конфликтовавшим с почти галлюцинаторными формами образов. «Параноидально-критический» метод, разработанный Дали, должен был воспроизвести параноидальную

способность интерпретации мира в соответствии с одной маниакальной идеей. Характерной чертой его стиля было и своеобразное удвоение образа — двусмысленные формы могли быть и частью пейзажа, и одновременно частью человеческого тела, например. Таким образом, Дали достигает совершенства в исполнении своей сюрреалистической миссии — «систематизировать путаницу и полностью дискредитировать реальность».

1924

Первый «Манифест сюрреализма»

1924–1925

Миро, «Карнавал Арлекина»

1926

Магритт, «Опасный убийца»

1927

Эрнст, «Лес и голубь»

1931

Дали, «Постоянство памяти»

Сюрреализм, как гласит «Манифест», — это:

«Чистый психический автоматизм, цель которого — выразить, или устно, или письменно, или другим способом, реальное функционирование мысли. Диктовка мысли вне всякого контроля со стороны разума, вне каких бы то ни было эстетических или нравственных соображений. Сюрреализм основывается на вере в высшую реальность определенных ассоциативных форм, которыми до него пренебрегали, на вере во всемогущество грез, в бескорыстную игру мысли».

В «Манифесте» явно чувствуется влияние фрейдистской психологии, в которой именно подсознанию придавалось огромное значение. Конечная цель сюрреализма, по мнению Бретона, — изменение и слияние воедино «двух противоположных на первый взгляд состояний, грезы и реальности, в нечто абсолютно сверхреальное, то есть сюрреальное». Техники, подобные автоматизму, разрушали границы между снами и явью, разумом и безумием, объективностью и субъективным опытом. Как позже Бретон писал в «*Le Surrealisme et la Peinture*» (1928), «подлинным открытием сюрреализма было то, что перо или карандаш создают бесконечно манерную субстанцию, которая не может меняться, но которая ответственна за все, что поэт или художник эмоционально скрывает в себе».

Автоматическая живопись Первоначально сюрреализм развивался в литературе, не слишком удачно проявляя себя в изобразительном искусстве (Бретон признавал живопись в качестве возможного сюрреалистического вида искусства). Однако к середине 1920-х годов

Волосатые чашки и другие объекты

Одним из характерных приемов сюрреализма стало использование «объектов». Эти изготовленные автором или найденные где-то (*objet trouve*) предметы столь разнообразны, что не поддаются классификации, но сами сюрреалисты, забавляясь, составили некоторый список, включив в него объекты «реди-мейд», «поэтические объекты» Бретона и «объекты с символическими функциями» Дали. Сам Дали

декларировал объекты в качестве особого вида искусства и в 1931 году заявил, что сюрреалистический предмет «должен быть абсолютно бесполезным как с практической, так и с рациональной точек зрения. Он должен максимально материализовать бредовые фантазии ума». Самый знаменитый из всех, пожалуй, «Меховой чайный прибор» (1936) Мерет Оппенгейм, известный как просто «Объект».

некоторые художники, в основном бывшие участники Дада, попытались приспособить автоматическое письмо для создания картин, рожденных подсознанием. Как и поэты-сюрреалисты, художники были полностью очарованы возможностями случайного в творческом процессе.

В 1925 году Макс Эрнст, ранее один из лидеров немецкого дадаизма, первым использовал методики при рисовании набросков, которые позднее могут быть доработаны либо самим художником, либо в воображении зрителя. Фроттаж — перенос на бумагу текстуры поверхности посредством натирающих движений карандаша. Используя граттаж, Эрнст снимал верхний слой краски, обнажая нижние и тем самым создавая непредсказуемые узоры.

Испанского художника Хуана Миро Бретон назвал «вероятно, самым сюрреалистичным из всех», но тот никогда так и не присоединился официально к сюрреалистам. «Карнавал Арлекина» (1924–1925) был написан под влиянием «галлюцинаций, вызванных голодом». Изобилие образов на полотне представляет сборище фантастических созданий, в которых угадываются пчелы, коты и какие-то козявки, и все они играют на музыкальных инструментах, проказничают и резвятся вокруг абстрактных и полубезформенных фигур, вызванных из подсознания автора.

Попытка невозможного К 1930-м годам, осознав ограничения автоматизма как средства исследования подсознательного, многие художники-сюрреалисты обратились к другим техникам. Важное влияние в этот период оказало творчество итальянца Джорджо де Кирико, который еще до выхода первого «Манифеста сюрреализма» изображал в своих пугающе застывших пейзажах причудливые поезда, жутковатые манекены и прочие детали, неуместные на пустынных городских площадях. Бельгиец Рене Магритт начал писать свои «попытки невозможного»: тщательно прорисованные натуралистичные сцены, где повседневное и эксцентричное сливались воедино, создавая жутковатое тревожное впечатление.

«Самый простой сюрреалистический акт состоит в том, чтобы, взяв в руки револьвер, выйти на улицу и наудачу, насколько это возможно, стрелять по толпе»

Андре Бретон, 1930

**В сухом остатке
Всемогущество грез**

44 Цензура

В своем последнем великом романе «Любовник леди Чаттерлей» английский писатель Д. Г. Лоуренс посредством приземленной англосаксонской терминологии откровенно, но поэтично поведал историю любовной связи замужней аристократки и простого лесника, работавшего у ее мужа. Написанный в 1928 году, роман почти три десятка лет не мог быть опубликован на родине автора.

Лишь в 1960 году издательство *Penguin Books* рискнуло напечатать полный текст романа. Последовавший за этим суд стремительно превратился в подлинный праздник для прессы. Кульминацией комедии стало торжественное обращение главного обвинителя, Мервина Гриффит-Джонса, к присяжным: «Вы бы не возражали, чтобы ваши юные сыновья, юные дочери — поскольку девочки, как и мальчики, тоже умеют читать — прочли эту книгу? Вы бы держали такую книгу у себя дома? Хотели бы вы, чтобы эту книгу прочла ваша жена или ваша прислуга?»

В пучине сексуального разврата Обвинение, исполняя недавно пересмотренный Акт о публикации порнографии (1959), выражало точку зрения британского истеблишмента, что подобные откровенные сцены «оскорбляют общественность» и «развращают

Там, где сжигают книги, в конце концов будут сжигать людей»

Генрих Гейне, 1821

нравы» простых граждан. О каком именно развращении идет речь в данном законодательном акте, разъяснил еще в 1917 году суд Новой Зеландии, предположив, что свободная продажа книги Мопассана «Роман в Спа» позволит «литературным свиньям... погрязнуть в пучине сексуального разврата», откроет «широкую дорогу, ведущую в психиатрическую лечебницу, тюрьму,

СТРЕЛА ВРЕМЕНИ

IV в. до н. э.

В «Государстве» Платон предлагает строгую цензуру искусства

1232

Для искоренения еретических воззрений Католическая церковь создает инквизицию

«Если разрешить издавать лишь то, что никого не обидит, немного будет напечатано»

Бенджамин Франклин, 1731

и преждевременно загонит в могилу». Вердикт присяжных в пользу *Penguin Books* означал, что британское общество более не намерено терпеть надменный патернализм; публика больше не желала (да едва ли вообще когда-нибудь этого хотела), чтобы кто-нибудь надзирал за ее моральным обликом. Люди, похоже, захотели сами принимать решение по таким вопросам и недвусмысленно дали понять, что цензура — официальное ограничение самовыражения якобы в интересах общества — более неприемлема.

Основным аргументом защиты в «процессе о леди Чаттерлей» были «литературные достоинства» романа Лоуренса; в подтверждение этого перед судом в качестве свидетелей предстали Э. М. Форстер и другие светила современной литературы. Представление о том, что литературные или художественные достоинства произведения могут быть приняты во внимание в такой ситуации, было в новинку для закона 1959 года. Впрочем, сам принцип (этика и эстетика в искусстве — две совершенно разные вещи) гораздо старше, о чем свидетельствуют замечания Оскара Уайльда в предисловии к «Портрету Дориана Грея» (1891): «Не существует такой вещи, как моральная или аморальная книга. Книга может быть хорошо написана или плохо. Вот и все».

Государственный контроль Те, кто воспитан в традициях западного либерализма, склонны думать, что свобода самовыражения является абсолютным правом человека и, следовательно, цензура по определению недопустима. Но вплоть до того, как идеологи Просвещения в XVII веке декларировали права и свободы личности, было принято считать, что общество имеет право и даже обязано контролировать нравственное и политическое поведение граждан путем регулирования потока информации и ограничения выражения разного рода пагубных мнений. В «Государстве» Платон не колеблясь рекомендует строгую цензуру, и даже в демократических Афинах философ Сократ был казнен в IV в. до н. э. по обвинению в неуважении к городским святыням. На протяжении всей истории человечества — и по сей день во многих частях света — именно религиозными принципами оправдывается наиболее жесткая цензура.

1644

Мильтон в «Ареопагитике» выступает против лицензирования книг

1791

Первая поправка к Конституции США гарантирует свободу слова и печати

1960

Издательство *Penguin Books* оправдано в деле по обвинению в порнографии после публикации «Любовника леди Чаттерлей»

В Католической церкви в XIII веке была создана инквизиция для жестокой борьбы, вплоть до уничтожения, с теми, кто исповедовал еретические воззрения. Изданный в 1559 году Папой Павлом IV *Index Librorum Prohibitorum* («Список запрещенных книг») не был отменен вплоть до 1966 года; самая знаменитая его жертва, Галилей, в 1633 году стал, по словам Джона Мильтона, «узником инквизиции за то, что имел иной взгляд на астрономию, чем официально разрешенный францисканцами и доминиканцами».

В своей «Ареопагитике» (1644) Мильтон обрушился на цензуру с самыми страстными и обоснованными обвинениями. Он бранил правительственную политику лицензирования книг — по сути, допечатную цензуру, сейчас мы назвали бы это «предварительные ограничения» — и молил даровать то, «что выше всех свобод — свободу знать, свободу выражать свои мысли и свободу судить по своей совести». Безудержно консервативный Сэмюэл Джонсон в «Жизни поэтов» (1779–1781) утверждал совершенно противоположное. Напуганный требованием свободы, описанной Мильтоном, он

Искусство всегда порочно

Цензура всегда возмущала художников по той простой причине, что она лишает искусство энергии, делая его скучным и пресным. Пикассо утверждал, что подлинное искусство не может расцвести в безопасной и стерильной атмосфере, создаваемой чопорными цензорами: «Искусство всегда порочно... Когда оно целомудренно, это не искусство». Джордж Бернард Шоу то же самое говорил о литературе, иронически описывая цензуру, доведенную до логического финала: «Цензура в конце концов приходит к тому, что запрещены все книги, кроме тех, которых никто не читает». В послесловии, позднее добавленном к роману «451 градус по Фаренгейту» (1953), Рэй Брэдбери оплакивает мрачное давление на искусство

множества полуофициальных самозванных цензоров. Имея собственный горький опыт, он поносит «каждого идиота-редактора, считающего себя творцом всей этой ужасной, пресной и серой литературы», который «облизывает свою гильотину и смотрит на шею писателя, осмелившегося говорить вслух и писать нечто большее, чем детские стишки».

В «Ареопагитике» 1644 года — вероятно, самом знаменитом литературном проклятии цензуры — Мильтон утверждает, что читатель вполне может сам оценить качество книг, отличая дурные от хороших. Истина всегда восторжествует в «свободной и открытой борьбе», а если зло заранее изгнано, невозможно «воздать хвалу мимолетной добродетели».

не понимал, почему «разумнее предоставить право свободы печати, чтобы потом наказывать автора; это все равно что спать с незапертой дверью на том основании, что ведь потом по закону грабителя можно будет повесить».

Свобода или безопасность? Либеральное отношение к свободе слова зафиксировано в Первой поправке (1791) к американской Конституции, где предусмотрено, что «конгресс не должен издавать ни одного закона... ограничивающего свободу слова или печати». На деле, однако, хотя для любого ограниче-

ния должны быть основания, существует множество законов, карающих тех, кто злоупотребляет этой свободой, публикуя или иным способом выражая мнение, неприемлемое для общества. Законы против клеветы, порнографии, богохульства и разного рода антиобщественных подстрекательств являются по сути своей ограничительными, поскольку они преследуют тех, кто нарушает границы, установленные определенной властью. Таким образом, в любом обществе существует определенный уровень цензуры. В некоторых случаях такой контроль можно считать оправданным — в ситуации войны, например, или в интересах национальной безопасности. Но даже тогда найдется много людей,

«Наша свобода зависит от свободы печати, а свобода печати не может быть ограничена, чтобы не оказаться утраченной целиком»

Томас Джефферсон, 1786

«Горе той нации, у которой литература прерывается вмешательством силы: это — не просто нарушение «свободы печати», это — замкнутие национального сердца, иссечение национальной памяти»

Александр Солженицын, 1972

поддерживающих Бенджамина Франклина в том, что «тот, кто готов пожертвовать основополагающей свободой ради сиюминутной безопасности, не заслуживает ни свободы, ни безопасности».

**В сухом остатке
Защищая нравственность
прислуги**

45 Эволюция

16 сентября 1835 года британское судно «Бигль» встало на якорь у Галапагосских островов, рассыпанных, словно угольки, по обе стороны экватора. Среди членов экипажа был и 26-летний английский натуралист Чарлз Дарвин. Пятилетнее путешествие на «Бигле» позволило Дарвину в полной мере удовлетворить страсть к исследованию: большую часть времени он посвятил наблюдениям и коллекционированию новых видов животных и растений. Хотя за пять лет он повидал немало интересного, уникальные геология, флора и фауна Галапагосов привели его в благоговейный трепет. Среди прочих чудес тут встречались галапагосские выюрки и пересмешники, питающиеся водорослями игуаны и гигантские черепахи.

Вдохновленный встречами с разнообразными необычными существами — и на Галапагосах, и в других местах, где он побывал во время своего путешествия, — Дарвин разработал теорию, дававшую ответ на «тайну тайн» биологии: откуда произошли многочисленные виды живых существ и чем объяснить их поразительное разнообразие. Теория эволюции путем естественного отбора стала краеугольным камнем современной биологии. Ее значение выходит далеко за рамки академической науки. Пожалуй, ни одна другая научная теория не заставляла человечество столь радикально пересмотреть свое место в мире и свои отношения с другими живыми существами.

Происхождение видов «Бигль» вернулся в Англию 2 октября 1836-го, и молодой натуралист сошел на берег, согнувшись под грузом нескольких томов своих записей, тысяч собранных образцов, а в придачу — многочисленных вопросов. Снова и снова он вспоминал

СТРЕЛА ВРЕМЕНИ
1809

В Шрусбери, Англия,
родился Дарвин

Декабрь 1831 — октябрь 1836

Плавание «Бигля»

поразительные красоты и чудовищную жестокость природы — вполне сравнимые с человеческими. Увиденное укрепило в нем чувство непостоянства окружающего мира и представление о невероятных периодах времени, которые потребовались для того, чтобы сформировался с виду неизменный облик Земли. И сразу по возвращении Дарвин начал формулировать основы своей теории эволюции.

Однако прошло более двадцати лет, прежде чем был опубликован (в 1859 году) его классический труд, знаменитое «О происхождении видов путем естественного отбора, или Сохранение благоприятствуемых пород в борьбе за жизнь». Обычно столь долгую паузу объясняют тем, что Дарвин опасался реакции общества на свои идеи. В научных кругах было принято считать, что виды животных неизменны и остаются такими, какими их создал Бог. Но сама идея эволюции — или «происхождения через изменение», как называл этот процесс сам Дарвин, — не была нова. Многие, включая деда натуралиста, Эразма Дарвина, предполагали, что разные виды животных и растений могли происходить от ранее существовавших общих предков. Такие идеи осуждались, в основном из соображений теологических, ибо они преуменьшали значение Бога в процессе творения. Так или иначе, механизма подобных изменений никто не предлагал, так что и сами идеи, и возражения оставались лишь игрой ума. Идеи естественной теологии — особенно так называемый телеологический аргумент, в котором существование Творца выводилось из сложности и упорядоченности творения, — безоговорочно поддерживали ортодоксальный подход.

Естественный отбор Дарвину предстояло опровергнуть телеологический аргумент, предложив альтернативное объяснение «совершенству структуры и сосуществования» живых существ. Он приложил огромные усилия, чтобы собрать доказательства своей теории и предсказать все возможные возражения и любую критику, — именно на сбор доказательств и подготовку аргументов ушли годы, которые Дарвин провел, «терпеливо собирая и обдумывая самые разные факты». Самым важным, с точки зрения

«Я почти убежден... что виды не остаются неизменными (говорить это почти столь же рискованно, как признаваться в убийстве)... Я думаю, что нашел простое объяснение поразительной адаптации видов к разнообразным условиям»

**Чарлз Дарвин,
в письме Дж. Д. Хукеру, 1844**

Сентябрь 1835

«Бигль» на Галапагосских островах

1859

Первое издание
«Происхождения видов»

1882

Дарвин умер в Доуне,
графство Кент

«Эволюция движется вперед не в соответствии с планом, но выбирая из имеющегося то, что лучше всего работает. Мы — творение не столько автора, сколько редактора»

Джордж Уолд, 1957

самого Дарвина, было проведенное им «тщательное исследование одомашненных животных и культурных растений», которые он считал результатом процесса, весьма напоминающего предложенный им естественный механизм (он назвал это «искусственный отбор»). В итоге главными достоинствами теории стали ее простота и способность объяснять факты, которым до этого никакого разумного объяснения не было, — например, существование ископаемых и географическое распределение растений и животных.

В «Происхождении видов» Дарвин так описывает естественный отбор:

«Если в силу возрастания численности ведется жестокая борьба за жизнь; если вспомнить бесконечную сложность отношений органических существ, в силу которых бесконечное многообразие строения, конституции и привычек полезно для этих существ; если принять все это во внимание, то крайне невероятно, чтобы никогда не встречались вариации, полезные каждому существу для его собственного благополучия...

Выживает жирнейший!

Идея «борьбы за существование» — выживает почти всегда сильнейший — многим показалась весьма соблазнительной, и применять ее пытались в областях, к которым она не имела ни малейшего отношения. Самым разрушительным ее следствием можно считать так называемый «социальный дарвинизм» Герберта Спенсера. Спенсер, энергичный и весьма успешный пропагандист эволюции, был также сторонником применения принципов естественного отбора к обществу. «Выживание приспособленного» (фраза

самого Спенсера) превратилось в жестокую догму, оправдывающую «естественное» неравенство классов; вмешательство же государства в жизнь общества, помощь бедным или тем, кто так или иначе оказался «не приспособлен», осуждалась как попытка предотвратить естественный процесс «очищения» общества от слабых и недостойных элементов. В самых извращенных формах социальный дарвинизм оправдывал неприкрытый империализм и расистские идеологии фашистских режимов.

Но если полезные для какого-нибудь органического существа вариации когда-либо встречаются, то особи, характеризующиеся ими, конечно, будут обладать наибольшей вероятностью сохранения в борьбе за жизнь, а в силу строгого принципа наследственности они обнаружат склонность производить сходное с ними потомство».

Эпохальная для развития биологии теория свелась к нескольким простым идеям: разнообразие, наследственность, конкуренция и отбор. В природе ресурсы — например, пища и партнеры для размножения — ограничены, поэтому за них всегда идет борьба. Поскольку все индивидуумы своеобразны, некоторые из них неизбежно будут лучше других приспособлены к выживанию. Такие организмы (в среднем) будут жить дольше и дадут больше потомства. А черты, которые помогли им выжить, будут наследоваться и, соответственно, закрепляться в популяции — при условии, что эти черты вообще передаются по наследству. За счет таких постепенных небольших изменений на протяжении многих поколений животные и растения приспосабливаются к окружающей среде; некоторые виды вымирают и заменяются другими, более успешными.

Пятая обезьяна В первом издании «Происхождения видов» Дарвин лишь намекает на возможность приложения его теории к человеку. Он прекрасно осознавал, какую реакцию вызовет даже просто предположение, что отличия человека от (других) животных не столь уж фундаментальны и человечество, следовательно, не является любимым и уникальным творением Господа. Несмотря на свою осторожность, Дарвин подвергся жестокой критике со стороны широкой общественности и подвергается ей до сих пор. Теория эволюции, или дарвинизм, и сегодня является объектом нападков со стороны креационистов и сторонников «разумного творения». И все же среди ученых теория эволюции не вызывает сомнения, а значение ее для современной науки невозможно переоценить. Как писал биолог Феодосий Добжанский: «Биология имеет смысл только в свете теории эволюции».

«Изменчивость, чем бы она ни была вызвана и сколь бы ни была ограничена, есть суть феномена эволюции. Изменчивость фактически и есть сама эволюция»

Уильям Бейтсон, 1894

**В сухом остатке
Выживает самый
приспособленный**

46 Гея

«Я написал эту книгу... как историю открытий, попыток обнаружить величайшее живое существо на Земле. Гея — теория, в которой все живые организмы и вся материя Земли составляют единую систему, своего рода суперорганизм, или живую планету. Гея поддерживала для себя и для всех живых существ комфортные условия существования. Она делала так, чтобы воздух, океаны и земля всегда были бы пригодны для жизни».

Этими несколько высокопарными словами британский независимый исследователь Джеймс Лавлок начал свою знаменитую работу «Гея: новый взгляд на жизнь на Земле», изданную в 1979 году. В своих поисках, начатых десятилетием раньше, он столкнулся с многочисленными препятствиями, в основном созданными его коллегами. В то время большинство ученых считали, что жизнь на Земле зародилась в результате крайне удачного стечения обстоятельств; жизнь — это «случайный пассажир» на «каменном шаре, несущемся через пространство и время». Именно чрезвычайно малая вероятность случайного возникновения условий, подходящих для появления и развития жизни, вдохновила Лавлока на создание концепции Геи, согласно которой условия для своего существования обеспечивает сама жизнь.

После публикации книги Лавлока концепция Геи продолжала совершенствоваться и разрабатываться, не в последнюю очередь самим Лавлоком, написавшим целую серию дополняющих и уточняющих работ. В основе его концепции лежит идея саморегуляции, или гомеостаза — свойства, с точки зрения Лавлока, цельной системы, включающей в себя «биосферу и тесно связанные с ней атмосферу, океаны и верхний слой земной коры». Благодаря разнообразным механизмам

СТРЕЛА ВРЕМЕНИ

1920-е годы

Вернадский разрабатывает теорию биосферы и ноосферы Земли, вводит понятие «живое вещество»

1979

Джеймс Лавлок, «Гея: новый взгляд на жизнь на Земле»

связи все компоненты работают совместно и регулируют климат, газовый состав атмосферы, набор химических элементов в Мировом океане, чтобы создавать и поддерживать условия, оптимальные для существования жизни. По предложению своего соседа и друга, лауреата Нобелевской премии по литературе Уильяма Голдинга, Лавлок назвал эту цельную систему «Гея» — в честь древнегреческой богини Земли.

Стабильное целое из нестабильных деталей Зерна идеи, которая позже станет концепцией Геи, были заронены в 1965-м, когда Лавлок работал в космической программе НАСА, в команде, целью которой было определить присутствие жизни на Марсе. Общее свойство всех живых организмов, понял Лавлок, в том, что они обращают вспять или останавливают рост энтропии, — другими словами, нарушают химическое равновесие системы. Проведенный анализ атмосфер Венеры и Марса показал, что обе они близки к состоянию равновесия, и, следовательно, сами планеты, скорее всего, безжизненны. Стало понятно, насколько наша планета отличается от своих соседей, а Лавлок задумался «о природе Земли».

Земля весьма далека от состояния химического равновесия. В отличие от атмосфер Марса и Венеры, почти полностью состоящих из углекислого газа, атмосфера Земли на пятую часть состоит из кислорода, с едва заметным присутствием (примерно 350 частей на миллион) углекислого газа. Уровень кислорода идеален для дыхания животных, а углекислого газа как раз хватает для поддержания фотосинтеза, но недостаточно — если не считать антропогенных факторов — для развития потенциально катастрофически опасного парникового эффекта. И, несмотря на то что интенсивность солнечного излучения

Живая Гея?

Из работ самого Лавлока не всегда очевидно, какой именно статус он придает системе живых и неживых элементов, которую называет Геей. Во вступлении к оригинальной работе 1979 года речь идет о «живом существе», да и позже он часто говорит о системе как об организме или «суперорганизме». Сам Лавлок признавал, что многих его коллег изначально насторожило именно предположение, что система в некотором смысле живая. Он и сам жаловался, что его метафора была неверно понята, зачастую намеренно, другими учеными. С другой стороны, эта двусмысленность могла отчасти быть стратегическим ходом, поскольку образ живой Геи вызвал живой отклик и стал важным символом в движении за защиту окружающей среды.

1989

Первая международная конференция о проблеме Геи прошла в Сан-Диего

2009

В книге «Гея: ускользающий лик» Лавлок называет человечество глобальной инфекцией

По теории Геи мы часть большого целого. Наша судьба зависит не только от того, что мы делаем для себя, но и от того, что мы делаем для Геи в целом. Если мы будем угрожать ей, она поступит так же в интересах высшего блага — самой жизни

Вацлав Гавел, 1994

выросла на четверть с момента формирования Земли, температура на поверхности осталась постоянной, в среднем по миру 15°C — идеальные условия для жизни. Поразительное постоянство этих и других параметров, существующее, вопреки ожиданиям, уже многие миллионы лет, привело Лавлока к предположению, что наша «стабильная планета, состоящая из нестабильных частей» поддерживается в таком состоянии совместной регулирующей деятельностью живых и неживых компонентов.

За пределами «Маргариткового мира» Большая часть ранней критики теории Лавлока указывала на его телеологические выводы — Гея представляла в его работах существом, способным предвидеть и планировать. При этом никакого правдоподобного пути эволюции этого существа, никакого объяснения тому, как изначально появились необходимые механизмы обратной связи и регуляции, Лавлок не предлагал. Эта критика во многом определила дальнейшее развитие теории Геи.

Первым ответом на критику стал так называемый «Маргаритковый мир» — компьютерная симуляция экосистемы, изначально состоящей из двух видов маргариток, черной и белой. Каждый вид мог определенным образом менять окружающую среду: белые маргаритки снижали температуру вокруг себя, черные повышали; вместе они создавали среднюю температуру, приемлемую для обоих видов. Несмотря на усиление солнечного излучения (как и на Земле), предполагалось, что общая температура поверхности будет поддерживаться на оптимальном уровне просто за счет взаимодействия двух видов маргариток. Далее следовал вывод, что изменение среды может быть достигнуто в результате борьбы за существование и естественного отбора.

С тех пор были изучены реальные механизмы обратной связи, аналогичные тем, что действовали в «Маргаритковом мире». Возьмем, к примеру, предполагаемый механизм воздействия фитопланктона на климат. Эти организмы производят газ диметилсульфид (DMS), который мириадами крошечных капелек распыляется в атмосферу; отражающая способность облаков

повышается, увеличивая процент отражения солнечных лучей. Рост популяции фитопланктона (и, соответственно, выделяемого количества диметилсульфида) связан с повышением температуры, и вся система в целом действует как термостат, обеспечивающий постоянную температуру.

Наследие Геи Первоначальный смысл гипотезы Геи со временем несколько затерялся среди риторики как сторонников ее, так и противников. Хотя чрезмерный символизм гипотезы — в том числе и самого ее наименования — по-прежнему воспринимается несколько враждебно, основанные на ее положениях выводы не остаются незамеченными. В прошлом геологи, климатологи и другие эксперты всегда стремились изучать сложную систему окружающей среды, разделив ее на простые составляющие, удобные для анализа. Сейчас сложность системы считается ее фундаментальным свойством. В новом холистическом подходе фокус сместился на изучение Земли в целом, как единой системы, на исследование основных механизмов обратной связи и их роли в поддержании глобального равновесия. Сегодня, когда мы сталкиваемся с невиданными ранее угрозами изменения климата, главный урок Геи — здоровье нашего мира зависит от нашей способности воспринимать планету в целом — актуален как никогда.

Апокалипсис близится

В XXI веке тон Лавлока стал куда пессимистичней, чем в начале карьеры, и в прессе он теперь часто предстает этаким Иеремией, пророком последних дней. Теория Геи холистична сама по себе, в ней система в целом важнее отдельных частей, и неудивительно, что для Лавлока человечество «просто еще один вид существ, не владельцы и не зрители планеты». В последней своей работе он предполагает, что *homo sapiens* вообще планетарная инфекция: «Гея больна, ее лихорадит, и скоро она впадет в кому. Так уже бывало, но на выздоровление потребовалось более 100 000 лет. Мы виноваты, и нам придется отвечать». Земля-то переживет что угодно, но наше выживание в грядущих катаклизмах при этом совершенно не обязательно.

В сухом остатке
В поисках
матери-Земли

47 Теория хаоса

Однажды зимой 1961 года Эдвард Лоренц, метеоролог из Масачусетского технологического института проводил на громоздком и неуклюжем институтском ламповом компьютере простые симуляции погоды с помощью программы, которую сам написал. Он хотел повторить одну конкретную симуляцию, но не стал начинать с нуля — что всегда занимало много времени, — а взял исходные данные с распечатки предыдущего прогона. Он отошел налить себе чашку кофе, оставив компьютер работать, и вернулся, ожидая, что получит на выходе точное повторение предыдущего результата. К удивлению Лоренца, результат повторного прогона имел мало общего с результатом предыдущего.

Сперва Лоренц подумал, что в компьютере перегорела одна из ламп, но вскоре догадался, что все не так просто. Исходные данные, которые он ввел, компьютер округлял с шести знаков после запятой до трех — на распечатке, но не в памяти. Ученый предполагал, что столь малое отклонение — примерно одна тысячная — едва ли окажет существенное влияние на результат. Но именно это и произошло. Едва заметное различие в начальных условиях привело к огромным различиям в результатах.

Научные модели Чтоб как-то совладать со сложностью природных явлений — к примеру, климата, — ученые создают модели — упрощенные аналоги реальных явлений, позволяющие обнаружить и математически описать те или иные закономерности. Принято считать, что поведение моделей детерминировано: будущее состояние модели может быть полностью выведено из ее нынешнего состояния на основе

СТРЕЛА ВРЕМЕНИ

1687

«Математические начала натуральной философии» Исаака Ньютона предлагают детерминистский взгляд на Вселенную

1908

Французский математик Анри Пуанкаре изучает нелинейные уравнения

математических закономерностей. Этот процесс может проходить через множество итераций — повторений, каждое из которых будет использовать результаты предыдущей итерации как исходные данные, позволяя делать все более и более долгосрочные прогнозы.

Именно таким методом пользовался Лоренц в 1961 году. И всего через несколько итераций программа выдала два совершенно разных результата на основе одних и тех же исходных данных, поставив под сомнение всю методологию. Модель, очевидно, повела себя непредсказуемо и произвела случайный результат: она продемонстрировала — хотя такой терминологии тогда еще не существовало — хаотическое поведение.

Чайки и бабочки Почему симуляция Лоренца повела себя хаотически? Уравнения, используемые в предсказании погоды, описывают изменение некоторых существенных параметров, таких как температура, влажность, скорость и направление ветра. Важная особенность всех этих параметров в их взаимозависимости: например, уровень влажности зависит от температуры, а температура, в свою очередь, — от влажности.

Монтировкой теории хаоса по механизму ньютоновских «часов»

Еще в 1960 году большинство ученых, в том числе и Эдвард Лоренц, считали бы, что незначительное отклонение в исходных данных не имеет большого значения. До появления теории хаоса предполагалось, что мир в целом работает согласно механистической, детерминистской модели, которую тремя веками раньше предложил Ньютон (словно безмерно сложный часовой механизм). С такой точки зрения природные явления, в частности погоду, сложно

предсказать просто потому, что они сами по себе исключительно сложны; но в принципе такое предсказание возможно, если удастся полностью понять все участвующие в формировании явления физические процессы и получить доступ ко всем необходимым данным. И надежность прогнозов, в том числе и метеорологических, зависит исключительно от качества исходных данных. Теория хаоса полностью опровергла это предположение.

1961

Эдвард Лоренц случайно открывает действие хаотических систем

1960-е

Американский математик Стивен Смейл разрабатывает топологические модели нелинейных систем

1975

Американский математик Джеймс Йорк предлагает термин «хаос», а поляк Бенуа Мандельброт — термин «фрактальный»

1977

Первая международная конференция о хаотических системах проходит в Италии, в г. Комо

В математических терминах это означает, что переменные являются функциями самих себя, и отношения между ними описываются нелинейными уравнениями, то есть на графике эти уравнения невозможно представить в виде прямой.

Одно из важнейших свойств системы нелинейных уравнений — чувствительность к начальным условиям, которая так удивила Лоренца в 1961 году. Позже он доказал, что эта чувствительность не зависит от сложности, поскольку проявляется и в более простых моделях (например, конвекции), которые описываются всего тремя нелинейными уравнениями. В 1963 году один из коллег метеоролога заметил, что если идеи Лоренца верны, то «чайка одним взмахом крыла может изменить погоду во всем мире». К 1972 году живое существо, способное нарушить баланс в атмосфере, стало еще меньше — вышедшая в этом году статья Лоренца называлась «Может ли взмах крыла бабочки в Бразилии вызвать торнадо в Техасе?». Так появился «эффект бабочки».

Порядок из беспорядка «Оказывается, за фасадом порядка может скрываться пугающий хаос, — заметил американский ученый и писатель Дуглас Хофштадтер в 1985 году, — а внутри хаоса все равно скрывается пугающий порядок». Хаотические системы непредсказуемы, но это

Поиски смысла в беспорядке

Термин «эффект бабочки» быстро приобрел широкую популярность, но его истинное значение часто понимают неправильно. Обычно, говоря об «эффекте бабочки», имеют в виду, что зачастую причиной важных событий становятся мелочи, но на самом деле понятие это несколько шире. Взмах крыла бабочки становится причиной торнадо только в ограниченном смысле: торнадо могло бы и не возникнуть, если бы бабочка не взмахнула крылом, но на его появление так или иначе влияют миллионы, если не миллиарды, других факторов.

Благодаря «эффекту бабочки» удалось оценить, насколько пугающе чувствительна система в целом даже к самым незначительным происходящим внутри нее событиям. А из этого следует, что определить все причины того или иного события в системе практически невозможно. Если даже совсем незначительные события, в том числе и те, о которых мы в принципе не можем ничего знать, способны вызвать изменения всей системы, вполне вероятно, что полностью детерминированная система окажется при этом совершенно непредсказуемой.

не значит, что их нельзя описать. Они вовсе не беспорядочны в бытовом, бытовом смысле. Уже в 1963 году простая модель конвекции, предложенная Лоренцом, показала поразительную упорядоченность: ее графическим выражением оказался дивной красоты абстрактный рисунок, напоминающий крылья бабочки, линии которого никогда не повторяются и не пересекаются. «Аттрактор Лоренца», как позже назвали изображение, стал первой из многочисленных топологических моделей хаотических систем, в которых плоскости складывались и растягивались, воспроизводя поведение и траекторию нелинейных систем. В 1970 году Бенуа Мандельброт и его коллеги разработали новую — фрактальную — геометрию, в которой появление порядка из хаоса демонстрируется нерегулярными фигурами, имеющими свойство самоподобия — их нерегулярность повторяется независимо от масштаба.

Лоренц заключил, что долгосрочное прогнозирование погоды может быть в принципе невозможно, но этим выводы из теории хаотического поведения систем отнюдь не ограничиваются. Сложная система взаимозависимых факторов, определяющая климат, не уникальна — большинство и физических, и биологических систем имеют такой же характер, они описываются нелинейными уравнениями, и, следовательно, их модели будут неизбежно демонстрировать хаотическое поведение. Теория хаоса распространилась на множество научных дисциплин, связанных лишь присущей предметам их изучения беспорядочностью: турбулентность в динамике жидкостей, флуктуации в динамике популяций, циклы заболеваний в эпидемиологии, фибрилляции сердца в физиологии человека, движение планет и звезд в астрономии, потоки машин в городском трафике. С философской точки зрения способность хаотических с виду систем проявлять почти гипнотическую и завораживающе прекрасную упорядоченность позволяет нам надеяться, что Вселенная все-таки познаваема, и смириться с ее почти неприличной беспорядочностью.

«Если даже в наших часах больше нет механизма, так с чего ему быть в нашем мире?»

**Иэн Стюарт,
британский математик, 1989**

**В сухом остатке
Эффект бабочки**

48 Теория относительности

«Время идет различным шагом с различными людьми».
Замечание Розалинды, обращенное к ее любовнику, из пьесы Шекспира «Как вам это понравится» вполне соответствует нашим повседневным ощущениям. Ту же мысль выражает и эпитафия в Честерском соборе: «Когда я был младенцем, я спал и плакал, а время ползло... но по мере того как я старел, время бежало все быстрее». Большую часть человеческой истории параллельно с субъективным временем, как мы его воспринимаем, существовало и другое, неколебимое, объективное время: вселенский метроном, отмеряющий течение жизни, один для всех, всегда и везде. И вдруг в 1905 году оказалось, что в отношении времени Розалинда была куда ближе к истине, чем казалось.

В наше время часто говорят о смене парадигмы — и обычно не к месту. Но что касается обеих теорий относительности, разработанных Альбертом Эйнштейном в первой половине XX века, то тут, пожалуй, иначе и не скажешь. Основная идея Эйнштейна — мы живем в четырехмерной Вселенной, где масса, пространство и время относительны, а не абсолютны, — перевернула современную физику. Без релятивистских идей невозможно было бы исследование элементарных частиц, из которых состоит вся материя (и мы с вами в том числе), невозможно было бы изучение фундаментальных процессов формирования Вселенной. Теория относительности повлияла и на развитие технологий. Космические полеты, включая, естественно, и коммерческие, и систему GPS, невозможны без релятивистских вычислений.

СТРЕЛА ВРЕМЕНИ
1687

Исаак Ньютон сформулировал классические законы движения и тяготения

Без теории относительности мы не научились бы использовать энергию атома и — поскольку технологию можно использовать как во благо, так и во зло — создавать оружие массового поражения.

Физика до Эйнштейна В «Математических началах» (1687) Исаак Ньютон определял пространство и время как абсолюты, независимые от внешних воздействий. «Абсолютное истинное математическое время, само по себе и по самой своей сущности, без всякого отношения к чему-либо внешнему, протекает равномерно», «абсолютное пространство... остается всегда одинаковым и неподвижным». Законы движения, сформулированные Ньютоном именно для такой Вселенной, оставались фундаментом физической науки почти два столетия.

К концу XIX века физики столкнулись с проблемами при описании поведения света. В 1873 году шотландец Джеймс Кларк Максвелл опубликовал свою теорию электромагнетизма, согласно которой свет должен двигаться в вакууме с конечной скоростью 300 000 километров в секунду. В 1887 году Альберт Майкельсон и Эдвард Морли провели широко известный эксперимент, который продемонстрировал, что скорость света постоянна, несмотря на вращение Земли, — вопреки законам механики Ньютона.

Специальная теория относительности Представьте, что вы едете в поезде,двигающемся по прямой с постоянной скоростью. Если вы не видите ничего за пределами поезда, то не можете сказать, движется он или стоит. Например, если бы вы играли в мяч, игра шла бы совершенно одинаково и в равномерно двигающемся, и в неподвижно стоящем поезде. Более того, если бы параллельно с вашим поездом двигался еще один, тоже идеальный, при этом с такой же скоростью, что и ваш, невозможно было бы сказать, двигаются оба поезда или нет. Только если один из поездов сменит скорость или направление движения, станет понятно, что вы не стоите на месте.

Поезд является для вас «системой отсчета», и если он движется равномерно и прямолинейно, то ваша система отсчета — инерциальная. Решение, предложенное Эйнштейном, требовало для начала признать, что законы природы неизменны во всех инерциальных системах отсчета, в том числе и законы, по которым распространяется свет, а значит, скорость света постоянна для всех наблюдателей, независимо от их перемещения относительно друг друга. Хотя вроде бы второй постулат и противоречит здравому смыслу, он логично вытекает из законов Максвелла и наблюдений Майкельсона и Морли.

1905

Специальная теория относительности Эйнштейна предлагает релятивистский взгляд на пространство, время, массу и энергию

1916

Общая теория относительности рассматривает гравитацию как следствие геометрии пространственно-временного континуума

1919

Артур Эддингтон наблюдает искривление света звезд под воздействием солнечной гравитации

Теперь представьте, что в поезде установлен простой прибор, напоминающий часы. Он состоит из двух зеркал, установленных лицом друг к другу и разделенных вертикальным стержнем. «Такты» часов отмеряются лучом света, скачущим туда-сюда между двумя зеркалами. В вашей системе отсчета — в движущемся поезде — вы наблюдаете вертикально перемещающийся вверх-вниз луч света, но наблюдатель в другой системе отсчета — например, на платформе — увидит луч, скользящий по зигзагообразной траектории. Поскольку скорость света постоянна вне зависимости от системы отсчета, согласно второму постулату, лучу потребуется больше времени, чтобы пройти более длинный зигзагообразный путь. Другими словами, для наблюдателя на платформе часы тикают медленней!

Все, с чем мы сталкиваемся в повседневной жизни, движется со скоростями, по сравнению со скоростью света, крошечными, поэтому растяжение времени наблюдать невозможно. Но для субатомных частиц, скорость которых близка к скорости света, оно наблюдалось неоднократно. Одно из последствий растяжения времени оказывается практически важным: события, одновременные в одной системе отсчета, не обязательно будут одновременными в другой. Подобные рассуждения приводят и к идее растяжимости пространства — объект удлиняется в направлении движения. Если пространство и время текучи и непостоянны, они перестают быть отдельными сущностями, их заменяет единое пространство-время: пространственно-временной континуум, в котором время — четвертое измерение.

$$E = mc^2$$

Еще один вывод из специальной теории относительности Эйнштейна — эквивалентность массы и энергии. Представляющие по сути одно и то же, они соотносятся согласно знаменитому уравнению $e = mc^2$. Они относительны, как пространство и время, и масса тела возрастает по мере приближения к скорости света. Но, чтобы тело достигло такой скорости, потребуется бесконечная энергия, потому скорость света и остается теоретическим пределом скорости во Вселенной. Поскольку скорость света в квадрате — огромная величина, из уравнения Эйнштейна вытекает, что небольшая масса может быть преобразована в колоссальную энергию, — что и подтверждает ядерное оружие, в котором в энергию переходит менее одного процента массы. В 1931 году Эйнштейн предупредил, что ученым следует сделать все возможное, чтобы их творения стали благословением, а не проклятием для человечества. Пятнадцатью годами позже — после бомбардировки Хиросимы — он мрачно заключил, что «освобождение силы атома изменило все, кроме нашего образа мыслей, и потому мы дрейфуем к невиданной катастрофе».

Общая теория относительности

Теория гравитации Ньютона не согласовывалась со специальной теорией относительности, поскольку включает в себя некую таинственную силу, «действующую на расстоянии», которая и объясняет взаимное притяжение предметов — в первую очередь небесных тел. Эйнштейн обошелся без привлечения «мистических сил» и разработал общую теорию относительности, которая в отличие от специальной рассматривает не только инерциальные, но и неинерциальные системы отсчета — движущиеся относительно друг друга с ускорением. Его главным достижением стал принцип эквивалентности, согласно которому физические эффекты гравитации неотличимы от эффектов ускорения. Представьте, что вы находитесь в падающем лифте. Вы не чувствуете своего веса, потому что и вы, и лифт двигаетесь с одинаковым ускорением. Если вы не можете свериться с другой системой отсчета — выглянуть из лифта, — вы не узнаете, действует ли на вас гравитация.

Пусть теперь луч света движется через лифт параллельно полу. Если скорость лифта постоянна, свет пройдет по прямой линии. Но если лифт падает вниз с ускорением, луч отклонится вверх. Если луч света отклоняется в ускоряющейся системе отсчета, он должен, согласно принципу эквивалентности, отклоняться и гравитацией. В присутствии притягивающей массы свет, перемещающийся по прямой, на самом деле перемещается по искривленной траектории. Объединив этот вывод с идеей пространственно-временного континуума из специальной теории, Эйнштейн пришел к заключению, что само пространство-время изгибается или искажается. Гравитация, решил он, — это феномен, зависящий от формы пространства-времени, от геометрии Вселенной.

«Проведите в обществе красивой и умной девушки час, и вам покажется, что прошла минута. Положите руку на раскаленную плиту на минуту, вам покажется, что прошел час. Это и есть относительность»

Альберт Эйнштейн, 1954

**В сухом остатке
Единство пространства
и времени**

49 Квантовая механика

Возьмем железный ящик и поместим в него кота. В другое отделение того же ящика положим счетчик Гейгера и контейнер с небольшим количеством радиоактивного вещества. Радиоактивного вещества так мало, что с вероятностью 50% один из его атомов распадется в течение ближайшего часа. Если это произойдет, счетчик Гейгера уловит радиацию и с помощью пружины включит механизм, разбивающий небольшую склянку с синильной кислотой. Ядовитые пары тут же прикончат кота.

Если через час открыть коробку, кот с вероятностью 50% будет жив и с такой же вероятностью — мертв. На самом деле все не так просто. Современной физике известно, что поведение массы и энергии на атомном и субатомном уровне — в том числе и радиоактивного вещества в контейнере рядом с котом — лучше всего описывает квантовая механика. Согласно квантовой картине мира, принятой сегодня среди физиков, траектория и скорость движения субатомных частиц не определены, пока не измерены. В случае с котом атом оказывается в «суперпозиции» двух возможных состояний, распавшегося и нераспавшегося, и останется в таком неопределенном состоянии, пока не будет произведено наблюдение. До момента наблюдения состояние атома описывается вероятностями двух возможных исходов. Возможно, в микромире такая неопределенность и не вызывает недоумения, но каким образом эти чудеса сочетаются с опытом нашей повседневной жизни, уяснить гораздо сложнее. В случае вышеописанного эксперимента кот оказывается в некотором смысле одновременно и жив, и мертв.

СТРЕЛА ВРЕМЕНИ

1900

Планк допускает существование квантов энергии, чтобы объяснить тепловое излучение

1905

Эйнштейн использует идею квантов света (фотонов) для объяснения фотоэлектрического эффекта

1913

Бор разрабатывает новую модель строения атома, основанную на принципах квантовой механики

Кот Шредингера Этот мысленный эксперимент был предложен еще в 1935 году одним из пионеров квантовой механики, австрийским физиком Эрвином Шредингером. Он, разумеется, не призывал к жестокому обращению с животными, просто надеялся продемонстрировать абсурдность попыток совместить квантовую механику с традиционной картиной мира. Проблема, которую пытался проиллюстрировать Шредингер, — так называемая «проблема измерения» — лишь одна из странностей этой науки. Но, несмотря на ее парадоксальность, квантовая механика оказалась невероятно полезной моделью, и теоретические ее выкладки многократно подтверждались практикой. Как и теория относительности Эйнштейна, квантовая механика считается одним из главных достижений физики XX века. Она повлияла не только на все области современной теоретической физики, но и на развитие технологий, от сверхпроводников до сверхбыстрых вычислений. Как же примирить квантовую картину мира с повседневным опытом? Придется ли нам из-за странного поведения субатомных частиц полностью изменить мировоззрение?

«Когда дело доходит до атомов, приходится говорить языком поэзии. Поэта тоже заботит не описание фактов, а создание образа»

Нильс Бор

От отчаяния к надежде В начале XX века физики придерживались тех же взглядов, что и заложивший основы современной науки Исаак Ньютон. Что касается света, его поведение следовало описывать, как поведение волны. Эта модель неплохо работала в объяснении преломления и интерференции, но совершенно не объясняла других явлений — например, поглощения и распространения света. Именно из-за этих неувязок были предприняты первые шаги в разработке новой теории.

Одним из важных недостатков классической модели была ее неспособность объяснить «излучение абсолютно черного тела»: почему по мере нагревания раскаленный объект испускает свечение сначала красного, потом желтого и, наконец, белого цвета. Попытки объяснить эту аномалию довели немецкого физика Макса Планка, по его собственным словам, «до отчаянного шага». Чтобы уравнения, описывающие это излучение, сошлись наконец, Планк решился на смелое допущение, что излучение (энергия), исходящее от объекта, не постоянно, а выделяется отдельными порциями, которые он назвал квантами (от латинского слова «количество»).

1924

Луи де Бройль внедряет концепцию корпускулярно-волнового дуализма

1925

Вернер Гейзенберг сформулировал принципы матричной механики

1926

Волновое уравнение Шредингера заложило основы волновой механики

1927

Гейзенберг сформулировал принцип неопределенности

Сам Планк считал, что его предположение не отражает реальности и кванты — не более чем удобная математическая абстракция. Пятью годами позже Эйнштейн успешно применил похожий метод для распутывания еще одной задачи, долго не поддававшейся решению в рамках классической модели, — проблемы фотоэлектрического эффекта, когда вещество испускает электроны под воздействием света. Вдохновленный идеей «квантов энергии», предложенной Планком, Эйнштейн объяснил фотоэлектрический эффект тем, что свет также состоит из отдельных частиц (то есть квантов), которые он назвал фотонами. А в 1913 году датский физик Нильс Бор предложил новую модель строения атома, в которой стабильность атома при поглощении и излучении энергии объяснялась с помощью квантовых принципов.

Квантовые затруднения

«Если кто-то утверждает, что квантовая механика не вызывает у него головной боли, — говорил Нильс Бор, — значит, он просто ничего в ней не смыслит». Неопределенность квантовой механики прекрасно демонстрирует так называемый принцип неопределенности Гейзенберга (1927), согласно которому невозможно точно измерить одновременно и скорость, и положение элементарной частицы. Чем точнее известно одно, тем менее точным становится измерение другого. Многие пытались с помощью квантовой неопределенности подорвать идею детерминированности Вселенной и «спасти» свободу воли. Другие, в том числе и де Бройль в 1962 году, предостерегали: «Куда безопаснее и мудрее оставаться на твердой почве теоретической физики и избегать зыбучих песков философии».

Странное поведение материи на квантовом уровне до сих пор вызывает философские споры. Особенности трудности создает проблема измерения: представление о «нефиксированности» квантового состояния вплоть до момента измерения, его неопределенности, о сумме возможных состояний до момента наблюдения. Почти все физики придерживаются так называемой копенгагенской интерпретации, сформулированной Бором, который жил в столице Дании. Сводится она к тому, что неопределенность, которую мы наблюдаем, для природы фундаментальна: следует принять ее и посмотреть, к чему это приведет. Эйнштейн не соглашался с этой интерпретацией, он утверждал, что квантовая механика не может быть полной и точной, что должны еще оставаться «скрытые переменные» и, если удастся их определить, реальность окажется классически детерминированной.

Корпускулярно-волновой дуализм Свет оказался явлением весьма загадочным. В одних случаях прекрасно работала классическая волновая теория; в других — эффективным оказывался подход Планка, Эйнштейна и Бора (но при этом свет рассматривался как поток частиц). Становилось все более очевидно, что на уровне физики элементарных частиц невозможно далее придерживаться классического разделения волн (распространяющихся в пространстве и переносящих только энергию) и частиц (движущихся с места на место, переносящих массу и энергию). Так что же такое свет: волна или частица? Оказалось, что — как ни странно — и то и другое.

Электромагнитное излучение (в том числе и видимый свет) и элементарные частицы, из которых состоит материя, обладают интересным общим свойством, так называемым «корпускулярно-волновым дуализмом».

Формально первым эту идею — возможно, самый фундаментальный постулат квантовой механики — высказал французский физик Луи де Бройль в 1924 году. Ранее Эйнштейн предположил, что волна может вести себя как частица, де Бройль, в свою очередь, утверждал, что материя — электроны и другие частицы — может вести себя как волна.

За несколько поразительно насыщенных лет в середине 1920-х многие (в основном немецкие) физики успешно сформулировали математические основы квантовой механики. В 1925 году Вернер Гейзенберг разработал подход, известный как матричная квантовая механика, а в следующем году Шредингер создал волновую механику, продемонстрировав к тому же, что математически его метод эквивалентен методу Гейзенберга. Наступали времена новой теории природы материи, в которой место классической картинки с электроном, уверенно вращающимся вокруг стабильного ядра, отныне занимает призрачный ореол, размазанный по вероятностному пространству.

В сухом остатке
Странная
поэзия атомов

50 Большой взрыв

Печально, что самый важный момент в истории Вселенной — первый момент — скрыт во мраке. Впрочем, совсем ничего мы не знаем только о первой миллионной доле секунды — а о том, что происходило в следующие 13 700 000 000 лет, у космологов много теорий. Но о самом истоке Вселенной ничего нам не ведомо. Мы не уверены, происходило ли вообще что-нибудь!

Большой взрыв — общепринятая среди современных ученых космологическая теория происхождения и эволюции Вселенной. Согласно этой теории, Вселенная началась с катастрофического бесконечного сжатия материи в одну точку, которая затем начала взрывообразно расширяться и стремительно остывать. За этим взрывом последовала цепь событий, которая спустя примерно 13,7 миллиарда лет завершилась появлением той Вселенной, какую мы видим сегодня, с бесчисленными звездами и галактиками. Концепция расширяющейся Вселенной ныне признана современной космологией как основная.

Сомнения вызывает не столько последующая эволюция — хотя некоторые детали до сих пор являются предметом горячих споров, — сколько сам Большой взрыв. Идея «первичной сингулярности», как на самом деле следует называть Большой взрыв, вытекает из общей теории относительности Эйнштейна. Различные космологические модели начинаются с сингулярности, характеризующейся бесконечной плотностью и температурой материи и искривлением пространственно-временного континуума; а затем плотность материи уменьшается, она постепенно остывает, и начинается процесс расширения. Сложность в том, что сегодня физики не уверены, применимы ли уравнения общей теории относительности к экстремальным условиям

СТРЕЛА ВРЕМЕНИ

1916

Альберт Эйнштейн публикует общую теорию относительности

1910-е — 1920-е

Весто Слайфер наблюдает красное смещение разбегающихся туманностей

1920-е

Александр Фридман и Жорж Леметр предложили концепцию расширяющейся Вселенной

сингулярности. Сейчас известно, что при такой плотности материи нормальные законы физики перестают действовать и правила общей теории относительности должны уступить место более полной модели, известной как «квантовая гравитация». Главным кандидатом на роль создателя этой модели является так называемая «теория суперструн», но, возможно, какая-либо из конкурирующих концепций сумеет точнее предсказать появление сингулярности. Хотя большинство космологов придерживаются версии горячего Большого взрыва, существуют и альтернативные, не-сингулярные космологические теории.

Проверка временем Вселенная, несомненно, выглядит так, будто пережила Большой взрыв, и тому есть убедительные доказательства. Самым важным свидетельством в пользу Большого взрыва является расширение Вселенной, следующее из уравнений общей теории относительности, впервые опубликованных Эйнштейном в 1916 году. Сам Эйнштейн понимал, что именно следует из его уравнений, но, чтобы спасти свою собственную веру в статичную Вселенную, ввел в уравнения компенсирующий фактор, «космологическую константу», которую позже называл своей «величайшей ошибкой». Эффекты расширения удалось наблюдать непосредственно в 1910-е и 1920-е годы, благодаря чему в 1929-м астроном Эдвин Хаббл сформулировал закон, получивший его имя. Хаббл, при помощи Милтона Хьюмаса, заметил, что свет, излучаемый ближайшими галактиками, подвергается «красному смещению» — смещается к красному концу спектра. Феномен, аналогичный эффекту Допплера, означал, что световые волны растягиваются, следовательно, галактики удаляются от точки наблюдения. Повторные измерения позволили определить, что скорость удаления галактик зависела от расстояния до них, — в чем и заключается суть закона Хаббла.

“Можно не искать точку, в которой произошел Большой взрыв: она там, где вы находитесь сейчас и где находятся все остальные — изначально все различаемые нами отдельные точки пространства находились в одном месте”

Брайан Грин, американский создатель теории суперструн, 1999

1929

Закон Хаббла связывает скорость удаления галактик с расстоянием до наблюдателя

Середина 1940-х

Джордж Гамов и его коллеги объяснили синтез легких элементов в момент Большого взрыва

1948

Ральф Алфер и Роберт Герман предсказывают реликтовое излучение

1965

Реликтовое излучение обнаружили Арно Пензиас и Роберт Уилсон

Говоря, что нечто расширяется, мы обычно подразумеваем, что это нечто занимает определенное пространство и расширяется внутри него или выходит за его пределы. Но в момент Большого взрыва ничего «внешнего» не существовало: расширялось (и расширяется) само пространство, и происходило это во всех его точках. Галактики удаляются от нас не потому, что они отодвигаются от нас через пространство. Мы остаемся на приблизительно постоянных позициях относительно друг друга, но само пространство между нами расширяется и разносит нас все дальше — как поднимающееся тесто разделяет содержащиеся в нем изюминки. Только в случае Вселенной тесто ничем не окружено, границ и центра у него тоже нет. Это один из аспектов так называемого «космологического принципа», согласно которому Вселенная, по сути, одинакова во всех направлениях и расширяется одинаково для всех наблюдателей.

Бог и начало времен

Вопрос «Что было до Большого взрыва?» кажется совершенно естественным. И его задавали особенно часто — хотя и не исключительно — теологи, пытающиеся разобраться, какое отношение имеет Бог к творению Вселенной. В действительности вопрос не имеет смысла, поскольку и пространство, и время появились лишь в момент Большого взрыва. Как заметил британский физик Стивен Хокинг, это все равно что спрашивать: «А что севернее Северного полюса?» В своей знаменитой книге «Краткая история времени» Хокинг рассматривает проблему гораздо полнее:

«Из представления о том, что пространство и время образуют замкнутую поверхность, вытекают также очень важные следствия относительно роли

Бога в жизни Вселенной. В связи с успехами, достигнутыми научными теориями в описании событий, большинство ученых пришло к убеждению, что Бог позволяет Вселенной развиваться в соответствии с определенной системой законов и не вмешивается в ее развитие, не нарушает эти законы. Но законы ничего не говорят нам о том, как выглядела Вселенная, когда она только возникла, — завести часы и выбрать начало все-таки могло быть делом Бога. Пока мы считаем, что у Вселенной было начало, мы можем думать, что у нее был Создатель. Если же Вселенная действительно полностью замкнута и не имеет ни границ, ни краев, тогда у нее не должно быть ни начала, ни конца: она просто есть, и все! Остается ли тогда место для Создателя?»

В пользу Большого взрыва свидетельствуют еще два важных факта. Теоретически ядра атомов более легких элементов, особенно водорода и гелия, должны формироваться в первые мгновения после Большого взрыва, когда температура упадет до нескольких миллиардов градусов. Содержание этих элементов в нынешней Вселенной практически совпадает с уровнем, предсказанным теорией. Микроволновое фоновое излучение еще точнее свидетельствует, что Вселенная когда-то была горячей и плотной. Это излучение низкой интенсивности, реликт ранней горячей Вселенной, заполняет весь космос, омывая Землю едва заметным свечением, льющим со всех сторон. Его существование было предсказано в 1948-м и обнаружено в 1965 году. Открытие не только еще раз подтвердило теорию Большого взрыва, но и положило конец основной конкурирующей концепции того времени — теории статической Вселенной. Ни одна другая теория не объясняет всех наблюдаемых фактов. Большой взрыв, до сих пор успешно справлявшийся с соперниками, остается краеугольным камнем современной космологии.

В сухом остатке
Начало времени
и пространства

Словарь терминов

Абсолютизм В этике — концепция, согласно которой действие является правильным или неправильным, независимо от обстоятельств; в политике — принцип неограниченной государственной власти.

Американская революция Политические и военные действия, завершившиеся в 1781 году освобождением североамериканских колоний из-под британского контроля.

Возрождение (Ренессанс) Расцвет европейского изобразительного искусства и литературы в период с XIV по XVI в., порожденный интересом к классическим образцам.

Гуманизм Любая концепция, в которой человеку и его интересам придается первостепенное значение; в эпоху Возрождения достоинство человека ставилось выше религиозных догм.

Дарвиновский Имеющий отношение к английскому биологу Чарлзу Дарвину (1809–1882) или его теории эволюции путем естественного отбора.

Детерминизм Теория, согласно которой каждое событие имеет причину и, таким образом, каждое состояние мира определено его предыдущим состоянием. Детерминизм подвергает сомнению нашу способность совершать произвольные поступки, тем самым порождая философскую проблему свободы воли.

Динамика Раздел физики, изучающий движение тел.

Догматизм Отстаивание истинности определенных принципов, сопровождающееся категорическим отрицанием иных точек зрения.

Дуализм В философии — представление о том, что сознание

(или душа) и материя (или тело) разделены. Противостоят дуализму идеализм, или нематериализм (сознание и идеи — это единственная реальность), и физикализм, или материализм (телесное и материя — единственная реальность).

Идеализм см. Дуализм.

Классический Имеющий отношение к древнегреческой или древнеримской культуре и цивилизации; в искусстве и архитектуре — влияние греческих и римских моделей и принципов; в физике («ньютоновский») — основанный на теориях, появившихся до развития квантовой механики и теории относительности.

Консеквенциализм В философии — точка зрения, согласно которой поступок следует оценивать исходя из его эффективности в достижении желаемого результата или состояния.

Либертарианизм В философии — точка зрения, согласно которой детерминизм не имеет под собой основы и, следовательно, человек всегда совершает свободный выбор; в политике — крайний либерализм, призывающий ограничить роль государства в регулировании экономики и т. п.

Марксистский Имеющий отношение к теории немецкого политического философа Карла Маркса (1818–1883), создателя (вместе с Фридрихом Энгельсом) современной теории коммунизма.

Материализм Стремление ставить материальные ценности и физический комфорт выше духовных; см. также Дуализм.

Метафизика Раздел философии, изучающий природу реальности; основными понятиями являются

сущность, реальность и причинно-следственная связь.

Механика В физике — изучение поведения физических объектов под действием различных сил.

Натурализм В философии — концепция, согласно которой все (включая моральные принципы) может быть объяснено или подвергнуто анализу исключительно в качестве «природных фактов» и, следовательно, стать предметом изучения естественных наук; в искусстве — стиль, подчеркивающий точность деталей и их соответствие реальности.

Нематериализм см. Дуализм.

Ньютоновский Относящийся к работам Исаака Ньютона (1642–1727), в более широком смысле — к классической физике; см. также Классический.

Объективизм В этике и эстетике — концепция, согласно которой такие качества, как красота и доброта, являются неотъемлемыми свойствами объекта и существуют независимо от человеческих представлений.

Прагматизм В философии — представление о том, что мнения или принципы должны оцениваться с точки зрения их практической пользы.

Промышленная революция Социальные и экономические изменения, сопровождающие переход от аграрного общества к индустриальному, процесс урбанизации. Началась в XVIII в. в Британии с появлением паровых машин, фабричного производства и со строительством железных дорог.

Просвещение «Век разума», период в развитии западной философии, который начался в конце XVII в. одновременно с развитием

естественных наук; характеризуется признанием доминанты разума над авторитетом религии или традиции.

Рационализм Представление о том, что знание может быть получено без обращения к органам чувств, лишь путем рассуждений.

Реализм В этике и эстетике — представление о том, что этические и эстетические ценности, математические свойства и т. п. действительно существуют «где-то там» в мире, независимо от нашего знания о них; в искусстве — стиль изображения людей и предметов максимально близко к их реальному облику.

Реформация Религиозное движение в Европе XVI в., требовавшее коренных реформ в Католической церкви, привело к появлению протестантизма.

Свобода воли см. Детерминизм.

«Славная революция» Смещение католического монарха Якова II Стюарта в 1688 г. Престол заняли его дочь протестантка Мария и ее муж Вильгельм Оранский; бескровный государственный переворот означал конец абсолютизма и начало конституционного правления в Англии.

Случайный Нечто, что может перестать быть таковым при изменении внешних обстоятельств. Напротив, необходимая истина сохраняет свою истинность в любых обстоятельствах.

Современный (Нового времени) Относящийся к периоду европейской истории с (приблизительно) XV в. вплоть до настоящего времени; ранний период, примерно до 1800-х гг., часто называют «ранним Новым временем».

Средневековый Имеющий отношение к Средним векам, периоду европейской истории от момента падения Западной Римской империи в V в. до эпохи Возрождения в XV в.

Субъективизм В этике и эстетике концепция, согласно которой человеческие ценности не существуют объективно во внешней реальности, но являются плодом наших представлений и реакцией на нее.

Трансцендентный Относящийся к духовной, не-физической сфере и, следовательно, лежащий за пределами чувственного опыта.

Фатализм Точка зрения, согласно которой произойдет то, что должно произойти,

и, следовательно, от наших действий ничего не зависит.

Французская революция Свержение абсолютной монархии во Франции, сопровождавшееся кровопролитиями в период с 1789 по 1799 г.; считается первой революцией современности, поскольку изменила структуру общества и породила новые политические идеи.

Физикализм см. Дуализм.

Эгоизм В философии концепция, согласно которой человеческие действия определяются их собственными интересами (психологический эгоизм) или должны ими определяться (этический эгоизм).

Эмпиризм Точка зрения, согласно которой все знания основаны на опыте, полученном экспериментально.

Эмпирический Представление, основанное на опыте (то есть на данных, полученных от органов чувств).

Эстетика Область философии, которая занимается искусством, то есть определением понятия произведения искусства, разъяснением художественных суждений и критики.

Предметный указатель

- А**
 Аборт 74, 75, 81, 84
 Абсолютизм 20, 26, 93, 131, 204
 Абсолютно черного тела излучение 197–198
 Абстракция 170
 Абсурд 55
 Августин, святой 63, 66, 68, 88, 90
 Август, император 130, 163
 Автоматизм 173, 174, 175
 Авраам и Исаак 69
 Агностицизм 76, 78
 Адамс, Джон 107, 128, 129, 131
 Аквинский, Фома 8–11, 59, 87, 90
 «Аль-Каида» 73, 149, 151
 Альберти, Леон Батиста 160, 161, 162
 Альтруизм 16–19
 Американская Конституция 80, 82, 87, 130, 179
 Американская революция 100, 102, 119, 129, 204
 Апартеид 142
 Аристотелизм 8–11
 Аристотель 8–11, 32, 67, 105, 106, 163, 170
 Ассимиляция 122
 Атеизм 76–79, 80
 Ашер, Джеймс, архиепископ 85
- Б**
 Бабочки эффект 190–191
 Беллами, Эдвард 98
 Бен Ладен, Усама 148, 149, 151
 Бентам, Иеремия 38, 48, 49, 50, 102
 Берк, Эдмунд 108–110, 111
 Беркли, Джордж 33, 42
 Берлин, Исайя 19–20, 22
 Бихевиоризм 42, 43
 Блейк, Уильям 165, 167
 Блэр, Тони 83, 113
 Бовуар, Симона де 147
 Бог и начало времен 202
 Боевики-смертники 74, 149
 Божественное право 20, 93
 Большой взрыв 200–203
 Бор, Нильс 198, 199
 Бостром, Ник 28, 29
 Брайан, Уильям Дженнингс 86, 87
 Бремя Белого Человека 115
 Бретон, Андре 172–175
 Брэдли, Рэй 178
 Буш, Джордж У. 20, 23, 72, 113
- В**
 Вазари, Джорджо 161
 Вера 68–71
 Вест, Ребекка 145
 Воздаяние 37–38
 Возрождение 82, 160, 204
 Война 88–91
 Война в Заливе (1990–1991) 150
 Война в Ираке 84, 113, 150
- «Война с терроризмом» 20, 23, 72, 113, 150
 Волновая механика 199
 Вордсворт, Уильям 108, 166, 167
 Вреда принцип 21
 Всемирный исламский фронт 148
 Всеобщее избирательное право 106, 109
 «Выживает самый приспособленный» 182
- Г**
 Галапагосские острова 180
 Галилео Галилей 178
 Гамильтон, Александр 128, 129
 Геев права 75, 84, 122
 Гейзенберг, Вернер 198, 199
 Гексли, Т. Г. 78
 Генри, Патрик 20
 Геродот 45
 Гея 184–187
 Гете, Иоганн Вольфганг фон 165
 Гипотетический императив 94
 Гитлер, Адольф 114, 137, 139
 Гладстон, Уильям 101, 110
 Глобализация 156–159
 Глобальное потепление 187
 Гоббс, Томас 10, 17, 82, 101, 106, 110, 124–125, 126
 Гольдман, Эмма 146
 Гражданские свободы 23, 101
 Грир, Джермен 147
 Гропиус, Вальтер 171
- Д**
 Давид, Жак-Луи 163, 164
 Дада 170, 172–173, 175
 Дали, Сальвадор 173, 174
 Дарвин, Чарлз 17, 18, 99, 168, 180–183, 204
 Дарвин, Эразм 181
 Дарвинизм 86
 Двойной эффект 94
 Де Бройль, Луи 198, 199
 Де Кирико, Джорджо 175
 Де Токвиль, Алексис 81, 114
 Дебор, Ги 159
 Декарт, Рене 30, 31, 33, 42, 66–67
 Декейтер, Стивен 116
 Декларация независимости (1776) 22, 128
 Декларация прав человека и гражданина (1789) 22
 Демократия 22, 26, 72, 75, 83, 104–107, 113, 158
 Детерминизм 61, 189, 198, 204
 Дежентиле, Джованни 136
 Джефферсон, Томас 77, 81, 129, 179
 Джихад 148, 150
 Джойс, Джеймс 170
 Джонсон, Сэмюэл 42, 178–179
 Диггеры 99
 Добжанский, Феодосий 18, 183
 Добро 56–59
- Добродетели этика 8, 9
 Догматизм 11, 26, 29, 30, 75, 204
 Докина, Ричард 69, 74, 87
 Долг 51, 92–95
 Доменикино 162
 Дуализм 5, 42, 67, 204
 Дуализм сущностей 66
 Дуализм тело/сознание 42, 43, 67, 204
 Душа 5, 64–67, 169
 Эрроу, Кларенс 86
 Дюкасс, Изидор (граф де Лотреамон) 172
- Е**
Eudaimonia (благоденствие) 9
 Евгеника 99
 Европейский Союз (ЕЭС) 82
 Естественный отбор 18, 19, 87, 182–183, 204
- Ж**
 Женское обрезание 45, 122, 123
 Жерико, Теодор 164, 165
- З**
 Зангвилл, Израэль 120, 121
 Зло 56–59, 63
 Золотое правило 12–15
- И**
 IQ (коэффициент интеллекта) тест 143
 Израиль 150
 Иисус 13, 15, 74, 133
 Империализм 112–115, 138
 Индустриализация 109, 119, 135, 155
 Интернациональный модерн 171
 Иоанн Павел II, Папа 85
 Ирано-иракская война (1980–1988) 151
 Исламизм 148–151
 Исламофобия 72
- К**
 Кален, Гораций 120
 Камю, Альбер 53, 55
 Кант, Иммануил 14, 23, 33, 34, 35, 93–95, 140–141, 167
 Кантианство 14, 15
 Капитализм 102, 135, 137, 152–155
 Карлейль, Томас 167
 Категорический императив 14–15, 34, 94, 95
 Католическая церковь 178
 Квантовая гравитация 201
 Квантовая механика 196–199
 Кейнс, Джон Мэйнард 153
 Кейнсianцы 153
 Кельвин, Джон 63
 Кеннеди, Джон Ф. 13, 20, 91, 103
 Кестлер, Артур 88
 Кинг, Мартин, младший 142
 Киплинг, Редьярд 115
 Класицизм 160–163, 165, 166–167
- Климата изменения 187
 Клинтон, Билл 80
 Клинсен 105
 Коммунизм 99, 109, 132–135, 204
 Консеквенциализм 48, 204
 Консерватизм 100, 101, 108–111
 Копенгагенская интерпретация 198
 Коран 63, 149
 Корпускулярно-волновой дуализм 199
 Космическое микроволновое излучение (реликтовое) 203
 Космологическая константа 201
 Космологический принцип 203
 Красное смещение 201
 Краутер, Уэллс 16–17, 19
 Креационизм, креационисты 74, 84–87, 183
 Кувейт 90
 Культурный империализм 158, 159
 Культурный плюрализм 120–121
 Кун, Томас 46
 Кьеркегор, Серен 54
- Л**
Laissez-faire 154
 Лавлок, Джеймс 184–187
 Лазарус, Эмма 120
 Ленин, Владимир 114, 132, 134
 Либеральные демократии 22–23, 44, 157
 Либерализм 100–103, 123, 157, 204
 Классический 101–102, 131
 Демократический 138
 Новый 102–103
 Секулярный 70
 Линкольн, Авраам 20
 Локк, Джон 22, 27, 33, 82, 101, 102, 106–107, 124, 126
 Лоренц, Эдвард 188–191
 Лоренца аттрактор 190
 Лоуренс, Дэвид 170, 176, 177
 Лоус, Кертис Ли 74
 Лютер, Мартин 68–69
- М**
 Магритт, Рене 175
 Мадзини, Джузеппе 117
 Майкельсон, Альберт 193, 194
 Макиавелли, Никколо 114, 162
 Макмиллан, Гарольд, граф Стоктон 113
 Маклюэн, Маршалл 156–157, 159
 Максвелл, Джеймс Кларк 193, 194
 Мальбранш, Николь 67
 Мангейм, Карл 97
 Мао Цзэдун 99, 132
 «Маргаритковый мир» 186

Маркс, Карл 78, 99, 132–135, 154, 155, 168, 204
 Марксизм, марксисты 114, 137, 138, 205
 Материализм 40–43, 204, 204
 Математика 35
 Математика природы 161–162
 Матричная механика 199
 Милль, Джеймс 107
 Милль, Джон Стюарт 15, 21, 23, 25, 50, 70, 89, 102, 105, 110, 115, 145, 165
 Милтон, Джон 178, 179
 Миро, Хуан 175
 Милле, Жюль 118
 Множественная реализуемость 41–42
 Модернизм 168 – 171
 Монетаристы 153
 Мопассан, Ги де 176
 Мор, сэр Томас 96, 98
 Мораль 14, 17, 18, 34, 44, 50, 56, 57, 95.
 Морли, Эдвард 193, 194
 Моррис, Уильям 98
 Мультикультурализм 120–123
 Муссолини, Бенито 89, 114, 136, 138, 139

Н
 Наказание 36–39
 Наука и расы 142–143
 Научная революция 11, 30, 119, 204
 Научные модели 188–189
 Наизм, нацисты 57, 90, 99, 137
 Национализм 115, 116–119, 136
 Неоклассицизм 163, 164, 166
 Неоплатонизм 10, 11
 Неопределенности принцип 198
 Ницше, Фридрих 17, 18, 19, 54, 76, 77
 Новые правовые 103
 Нозик, Роберт 49
 Номиналисты 6
 Ньютон, сэр Исаак 61, 189, 193, 197, 204
 Ньютонова механика 79, 193

О
 Общественный договор 124–127
 Оппенгейм, Мерет 174
 Оруэлл, Джордж 99
 Относительность 192–195, 197
 Общая теория 195, 200, 201
 Специальная теория 193–195
 Отцы-основатели 118, 128, 131

П
 Парниковый эффект 186
 Паскаль, Блез 68, 77
 Паскаля пари 77
 Патнем, Хилари 28–29, 30
 Патриотизм 116, 117
 Пацифизм 88, 89
 Penguin Books 176–177
 Пейн, Томас 128, 129
 Первая мировая война 114, 138, 168
 Первая поправка 80–81, 179
 Перикл 105

Пикассо, Пабло 178
 Пиррон из Элиды 30
 Пирронизм 31
 Пифагор 82
 Планк, Макс 197–199
 Платон 4–7, 8, 9–10, 32, 47, 57, 66, 67, 96, 98, 105–106
 Платоническая любовь 7
 Платонизм 4–7
 Пещера Платона 6
 Пожизненное заключение 38, 39, 45
 Позитивная свобода 21–22
 Поппер, Карл 96
 «Последствие» 42
 Постмодернизм 169
 Поуп, Александр 161, 163
 Права человека 20, 23, 26, 119, 140
 Предопределение 63
 Примо де Ривера, Хосе Антонио 137–138
 Природа 11, 18, 31, 48, 161, 167, 170, 188
 Промышленная революция 153, 204
 Просвещение 22, 24, 33, 75, 82, 106, 108, 165, 168, 177, 204
 Протагор 47
 Пуссен, Никола 162–163
 Пьеро дела Франческа 161, 162
 Пэйли, Уильям 87
 Пэйлин, Сара 84
 Пять Путей (Аристотель) 11

Р
 Рабство 20, 23, 45, 140, 145
 Равенство 23, 140, 144–147
 Различные принцип 127
 Разум 32–35, 55, 68, 69
 «Разумное творение» 84, 87, 183
 Райл, Гилберт 66
 Расизм 140–143
 Рассел, Бертран 69, 76, 78, 155
 Рационализм, рационалисты 10–11, 32–34, 205
 Рациональность 32, 33–34, 65, 165
 Реализм 89, 161, 170, 205
 Реалисты (платонизм) 6
 Рейган, Рональд 100, 101, 103, 111, 127, 133
 Религиозная терпимость 26–27
 Релятивизм 44–47
 Релятивизм научных 46
 Республика 128–131
 Реформация 82, 205
 Римский образец 129–130
 Робертсон, преподобный Пэт 72, 146
 Робеспьер, Максимилиан 23, 130
 Родственный отбор 19
 Ролз, Джон 124, 126, 127
 Романтизм 127, 161, 164–167
 Роттердам, лорд 115
 Русская революция (1917) 137
 Руссо, Жан-Жак 110, 124, 127, 167

С
 Сартр, Жан-Поль 52–55, 139
 Свобода 20–23, 24, 140, 155
 Свобода интеллектуальная 23
 Свобода позитивная/негативная 21–22
 Свобода воли 59, 61, 63, 95, 204
 Свободы воли защита 58–59
 Секуляризм 75, 80–83
 Сентября 11, 2001 года 16–17, 23, 72–7, 113, 148–149, 150
 Симуляции доказательство 28
 Скептицизм 28–31, 110
 Скорость света 193–195
 Скотт, сэр Вальтер 167
 Скоупс, Джон 86
 «Славная революция» (1689) 102, 131, 205
 Смертная казнь 37, 39
 Смит, Адам 102, 152–155
 Сократ 17, 29–30, 78, 110, 177–178
 Софокл 32
 Социал-дарвинизм 98–99, 182
 Спенсер, Герберт 182
 Справедливая война 89–91
 Сталин, Иосиф 22, 99, 132
 Статуя Свободы, Нью-Йорк 22, 120
 Стволовых клеток исследования 81, 84
 Стоицизм, стоики 62, 130
 Стравицкий, Игорь 171
 Судьба 60–63
 Сунь-Цзы 91
 Суперструн теория 201
 Схоластика 9, 10
 Сюрреализм 170, 172–175
Т
 «Талибан» 73, 149, 151
 «Театр абсурда» 55
 Теббита тест 123
 Терроризм 23, 148, 149
 Толерантность 24–27, 46, 83
 Тоталитаризм 22, 99, 137
 Тэтчер, Маргарет, баронесса 103, 111, 127
У
Urbemensch («сверхчеловек») 54
 Уайльд, Оскар 36, 97, 105, 177
 Уайтхед, Альфред Норт 4, 44
 Универсалии 6
 Универсальность 15
 Уолстонкрафт, Мэри 144, 145, 146
 Утилитаризм 38, 39, 48–51
 Утопия 96–99
 Уэллс, Герберт 98, 131
Ф
 Фалуэлл, Джерри 75
 Фаты 62
 Фашизм, фашисты 89, 104, 118, 136–139
 Феминизм 144–147
 Формы 5–7, 66
 Фотоэлектрический эффект 198
 Фрай, Элизабет 38

Фрактальная геометрия 190
 Франклин, Бенджамин 177, 179
 Французская революция (1789–1799) 22, 23, 83, 90, 102, 108–109, 118, 119, 166, 205
 Фрейд, Зигмунд 168, 174
 Френология 143
 Фукуяма, Френсис 157–158
 Фундаментализм 44, 72–75, 85, 149
 Функционализм 42–43
Х
 Хаббл, Эдвин 21
 Хаббла закон 201–202
 Хайдеггер, Мартин 54–55
 Хаксли, Олдоус 99
 Хаос 188–191
 Хилл, Пол 74
 Хокинг, Стивен 202
 Хомейни, аятолла 151
 Христианство 10–11, 27, 56, 63, 71
 Хусейн, Саддам 151
 Хзар, Р. М. 15
Ц
 Цензура 81, 98, 176–179
Ч
 Черчилль, сэр Уинстон 104, 152
 Черчленд, Пол 40, 41
 Честертон, Гилберт 62, 109
 Чудеса 71, 73
Ш
 Шариата закон 149
 Шелли, Перси Биши 165
 Шеллинг, Фридрих фон 166
 Шёнберг, Арнольд 171
 Шоу, Джон Бернард 178
 Шредингер, Эдвин 197, 199
 Шредингера кот 196–197, 199
Э
 Эволюция 18, 19, 74, 79, 86, 180–183, 204
 Эвтаназия 81, 94
 Эйзенхауэр, Дуайт Д. 89
 Эйшнберг, Альберт 116, 168, 192–195, 197, 198–199, 200, 201
 Экзистенциализм 52–55
 Экклесия 105
 Элиот, Томас Стернс 170
 Эмерсон, Ральф Уолдо 117–118
 Эмпирический, эмпиризм, эмпирики 31, 33, 34, 35, 69, 205
 Энгельс, Фридрих 99, 132
 Эпиктет 62
 Эрнст, Макс 175
Ю
 Юм, Дэвид 17, 19, 29, 31, 33–34, 65, 71

ББК 84.4
Д95

Copyright © Quercus Publishing Pls 2007.
Ben Dupré обладает правом считаться
автором этой работы.

Бен Дюпре читал классическую философию в Оксфорде, прежде чем стал писать популярные книги о философии. С 1992 по 2004 год он был ведущим автором в издательстве Оксфордского университета, за его спиной двадцатилетний опыт доступного и комплексного изложения философии для самой широкой аудитории.

Дюпре, Бен

Д95 Большие идеи. 50 идей, о которых нужно знать. —
Пер. с англ. М. Александровой. — М.: Фантом Пресс,
2015. — 208 с.

В книге «Большие идеи» идет речь о величайших идеях человечества из самых разных сфер жизни. Человечество в разные периоды своего развития породило немало великих идей. Некоторые идеи, как например, Разум, Душа, Эволюция, Теория относительности вызывают восторг, другие, как Фашизм, Расизм, Война ввергают человека в ужас. Основной массив Больших Идей, безусловно, породили философия и ее извечный оппонент — религия. Вера, Судьба, Свобода, Зло и прочие фундаментальные концепции принципиально важны для понимания смысла человеческой жизни. Огромный след в истории человечества оставили политические идеи, многие из которых определяют нашу цивилизацию сейчас: Демократия, Консерватизм, Исламизм, Либерализм и другие. Безусловно, среди Больших Идей есть немало идей из области науки и искусства: Квантовая механика, Классицизм, Романтизм, Большой Взрыв.

Такие книги дарят нам восхитительное ощущение величия и разнообразия тысячелетий человеческого гения и опыта, необъятности и нескучности мира, а именно это чувство, как нам кажется, и делает человека человеком.

ISBN 978-5-86471-691-5 © М. Александрова, перевод, 2014
© «Фантом Пресс», оформление, издание, 2015

Бен Дюпре БОЛЬШИЕ ИДЕИ 50 идей, о которых нужно знать

Перевод
Мария Александрова
Редактор
Игорь Алюков
Корректоры
Ольга Андрияшина,
Виктория Рябцева
Директор издательства
Алла Штейнман

Подписано в печать 15.04.2015.
Формат 70×90/16.
Печать офсетная.
Заказ № 1414520.
Тираж 3000 экз.
Гарнитура «NewBaskervilleC».

Издательство «Фантом Пресс»:
Лицензия на издательскую
деятельность
код 221 серия ИД № 00378
от 01.11.99 г.
127015 Москва,
ул. Новодмитровская, д. 5А, 1700
Тел.: (495) 787-34-63
Электронная почта:
phantom@phantom-press.ru
Сайт: www.phantom-press.ru

Отпечатано
в полном соответствии
с качеством
предоставленного
электронного
оригинал-макета
в ОАО «Ярославский
полиграф-комбинат»
150049, Ярославль,
ул. Свободы, 97

По вопросам реализации обращайтесь:
ЗАО «Книжный клуб 36.6»
Офис: Москва, Бакунинская ул.,
дом 71, строение 10
Почтовый адрес: 107078, Москва, а/я 245
Многоканальный телефон:
+7 (495) 926-45-44
e-mail: club366@club366.ru
www.club366.ru